

ISSN 2686-7753

КРИМИНАЛИСТЪ

2024 № 2 (47)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

СОБЫТИЯ

27 апреля 2024 г. в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась XV Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов «Актуальные проблемы государства, права и экономики».

На основании результатов конкурсного отбора для очного и дистанционного участия были допущены 143 представителя более тридцати высших учебных заведений Российской Федерации, в том числе Университета прокуратуры Российской Федерации и его филиалов, Московского государственного

университета им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О. Е. Кутафина, Санкт-Петербургской юридической академии, Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, Московского Университета МВД России им. В. Я. Кикотя, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, Дальневосточного федерального университета, Саратовской государственной юридической академии и др.

Руководители секций, подводя итоги работы Апрельской конференции, отметили высокий уровень подготовки ее участников, актуальность, дискуссионность и практическую значимость вопросов, выбранных студентами для исследования.

СОБЫТИЯ

Ушла из жизни Галина Вячеславовна Овчинникова. Ученый, Руководитель, Коллега, Учитель, Друг. Она останется в нашей памяти очень светлым и позитивным человеком. Галина Вячеславовна прожила долгую и непростую жизнь. Война, блокада Ленинграда, эвакуация, послевоенное время, работа в суровом Заполярье, проблемы со здоровьем, семейные сложности, бытовые проблемы. Чего только не выпало на ее долю. Причем, зная Галину Вячеславовну лично, приходилось поражаться той стойкости, с которой она переносила все невзгоды. Глядя на нее, никогда нельзя было сказать, что у Галины Вячеславовны имеются какие-либо сложности. Всегда доброжелательная и вежливая, горячо любящая жизнь во всех ее проявлениях. Галина Вячеславовна любила театр, кино, художественную литературу, дачу, путешествия и многое-многое другое. До самых последних дней она живо интересовалась происходящим в Институте, в стране, в мире. В последнее время, не имея возможности читать и передвигаться самостоятельно, она внимательно слушала новости,

общалась по телефону с большим количеством людей, с удовольствием принимала у себя дома коллег и студентов Института. Поражало, что человек, прикованный к постели, практически лишенный зрения, так полноценно и интересно живет. При этом общение с Галиной Вячеславовной всегда было легким, приятным, ненавязчивым, интересным.

Ее природный такт, умение разговаривать и убеждать людей производили очень благоприятное впечатление.

Говорят, что незаменимых людей не бывает. Бывает! И Галина Вячеславовна очень показательный в этом плане пример. Мы можем только поблагодарить судьбу за то, что она свела нас с таким удивительным человеком.

Светлая память о Галине Вячеславовне Овчинниковой навсегда останется в наших сердцах.

КРИМИНАЛИСТЪ

2024 № 2 (47)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А. П. Спиридонов, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; Н. Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Т. А. Ашурбеков, доктор юридических наук; Е. Е. Амлеева, кандидат юридических наук, доцент; И. А. Антонов, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Болотина, доктор юридических наук; Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор; И. В. Гончаров, доктор юридических наук, профессор; Л. В. Готчина, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; Н. А. Данилова, доктор юридических наук, профессор; А. А. Дорская, доктор юридических наук, профессор; И. Г. Дудко, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор; Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор; Г. П. Ермолович, доктор юридических наук, профессор; В. Н. Исаенко, доктор юридических наук, профессор; А. С. Карцов, доктор юридических наук; Н. П. Кириллова, доктор юридических наук; О. Н. Коришунова, доктор юридических наук, профессор; Э. К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор; В. В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; Ю. В. Мишальченко, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; Н. С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор; А. Н. Попов, доктор юридических наук, профессор; С. М. Прокофьева, доктор юридических наук, профессор; Е. Н. Рахманова, доктор юридических наук; Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор; Е. Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент; С. А. Смирнова, доктор юридических наук, профессор; Ю. А. Тимошенко, доктор юридических наук; Н. И. Уткин, доктор юридических наук, профессор; О. В. Чельшева, доктор юридических наук, профессор; Ю. Б. Шубников, доктор юридических

наук, профессор; В. С. Шадрин, доктор юридических наук, профессор; В. Ф. Щепельков, доктор юридических наук, профессор; А. А. Эксархонццо, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. П. Спиридонов (главный редактор), доктор юридических наук, профессор; Р. Д. Шаранов (заместитель главного редактора), доктор юридических наук, профессор; М. А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; О. А. Гуреева, кандидат юридических наук; Е. В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент; Д. Ю. Краев, кандидат юридических наук, доцент; Е. Л. Никитин, кандидат юридических наук, доцент; Т. Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор; А. А. Сапожков, кандидат юридических наук, доцент; И. Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4

Подписано в печать 13.06.2024. Печ. л. 23,5. Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1 – 54). Заказ 15/24.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

<i>Абаканова В. А., Шадрина Е. Г.</i> Проблемы правоприменительной практики при проведении проверки сообщения о преступлении	3
<i>Арзамасцев М. В.</i> Конституционные основы ответственности за преступления, совершаемые с использованием сети «Интернет»	10
<i>Безбородов Д. А., Сомко В. В.</i> Мародерство: особенности объекта и объективной стороны преступления	19
<i>Бурлаков В. Н., Плоткина Л. Н.</i> Интернет на «службе» преступлений против здоровья населения и общественной нравственности	26
<i>Глушков М. Р.</i> Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 2. Методика РЕАСЕ	34
<i>Горобец Д. Г.</i> Квалификация неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сопряженного с доведением до самоубийства	40
<i>Готчина Л. В.</i> О противодействии криминальному воздействию на молодежь с помощью сети «Интернет»	49
<i>Зимирева Л. А.</i> Причина причины — причина результата?!	56
<i>Краев Д. Ю.</i> Квалификация убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего	63
<i>Конин В. В., Корсаков К. А., Сидоренко Е. В.</i> Поводы и основания применения мер безопасности в отношении потерпевшего и свидетеля	73
<i>Морозова Ю. В.</i> Вопросы квалификации неуплаты средств на содержание детей	81
<i>Никуленко А. В.</i> Преступления, совершаемые посредством сети «Интернет»: неиспользованные возможности противодействия	90
<i>Плошкина Я. М.</i> Правовая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве	98
<i>Пряхина Н. И., Суслина Е. В.</i> Использование сети «Интернет» для совершения деяний, образующих причастность к самоубийству несовершеннолетних	105
<i>Русецкий О. В.</i> Система профилактики преступлений в информационном пространстве	113

<i>Халиков А. Н.</i> Излишние квалифицирующие признаки состава получения взятки как проблемы процесса расследования и судебного рассмотрения уголовных дел	121
<i>Халиков И. А.</i> Распространенность общественно опасного деяния как фактор криминализации преступлений в отношении исторического и культурного наследия	129
<i>Хлебушкин А. Г.</i> Особенности квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей	136
<i>Шеховцова Л. С.</i> Оценка ситуации тактического риска при проведении обыска в жилище	143
<i>Шульц В. Л.</i> Особенности процессуального статуса эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве	151

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

<i>Яковлев К. Л., Опалева А. А., Маматов М. В.</i> Высочайше утвержденные доклады министров в системе источников права Российской империи первой четверти XIX века	157
--	-----

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ**

<i>Булгакова Л. С.</i> К вопросу об определении компетенции субъектов административной деятельности в сфере экологической безопасности	164
--	-----

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

<i>Порохов М. Ю.</i> Искусственный интеллект в судебной деятельности: баланс инноваций и этики	173
--	-----

**РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ**

<i>Честнов И. Л.</i> Новое исследование философии общественной опасности: рецензия на монографию Д. В. Мирошниченко «Критика уголовно-правовой онтологии»	181
---	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Вероника Анатольевна АБАКАНОВА¹, Екатерина Геннадьевна ШАДРИНА²

^{1,2} Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

¹ 9119214974va@gmail.com

² kshadrina@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы правоприменительной практики при проведении проверки в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Авторами обосновывается, что одной из значимых проблем стадии возбуждения уголовного дела является несовершенство законодательного регулирования статуса лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении. Наиболее проблематично решается данный вопрос применительно к лицу, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, что влечет за собой процессуальные коллизии и затрудняет реализацию его прав. Авторы приходят к заключению, что проблемы определения статуса заподозренного в преступлении лица можно разрешить, определив момент, с которого в отношении его начинается уголовное преследование. Предлагается обеспечивать уголовно преследуемым лицам их процессуальные права исходя из их фактического положения, а не из наличия или отсутствия надлежащего процессуального решения, которым этот статус официально признан и закреплен.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, процессуальный статус, сообщение о преступлении, уголовное преследование

Для цитирования: Абаканова В. А., Шадрина Е. Г. Проблемы правоприменительной практики при проведении проверки сообщения о преступлении // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 3–9.

Original article

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN VERIFICATION OF THE CRIME REPORT

Veronika A. ABAKANOVA¹, Ekaterina G. SHADRINA²

^{1,2} A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

¹ 9119214974va@gmail.com

² kshadrina@yandex.ru

© Абаканова В. А., Шадрина Е. Г., 2024

Abstract. The article analyzes the problems of law enforcement practice at the stage of a crime report verification in the manner provided for in Art. 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The authors argue that one of the significant problems at the stage of initiating a criminal case lies in the imperfection of legislative regulation of the status of persons involved in verifying a report of a crime. This issue is most problematically resolved in relation to a person against whom a report of a crime is being verified, which entails procedural conflicts and makes it difficult to exercise his rights. The authors come to the conclusion that the problems of determining the status of a person suspected of a crime can be resolved by determining the moment from which criminal prosecution against him begins. It is proposed that the procedural rights of the criminally prosecuted persons should be provided as based on their actual situation, rather than on the presence or absence of an appropriate procedural decision by which this status is officially recognized and secured.

Keywords: stage of initiating a criminal case, procedural status, crime report, criminal prosecution

For citation: Abakanova V. A., Shadrina E. G. Problems of law enforcement practice in verification of the crime report. *Criminalist*. 2024;2(47):3-9. (In Russ.).

Изменение норм уголовного закона часто приводит к проблемам их применения. Со временем проблемы накапливаются, и необходимость их решения порой ставит под сомнение значимость самих изменений.

Еще в 2013 году законодатель существенно расширил возможности органа расследования, иных органов и их должностных лиц по производству следственных и иных действий на стадии возбуждения уголовного дела, внося изменения в ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, в соответствии со ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий,

исследования документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий.

После принятия указанных изменений сразу возник вопрос о лицах, участвующих в данной стадии, их статусе и определении их прав и обязанностей. Наиболее проблематично разрешить эти вопросы оказалось применительно к лицу, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении.

Уголовно-процессуальным законом перечень субъектов, выполняющих функцию защиты, был фактически дополнен лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, несмотря на то что в главе 7 УПК РФ это лицо не обозначено. Д. А. Варнавский предлагает такое лицо назвать «заподозренный» [1, с. 28]. Впервые же данный термин был предложен советским ученым А. А. Чувиловым [2, с. 18]. В дальнейшем его мнение было поддержано Л. М. Карнеевой [3, с. 61], В. А. Образцовым [4, с. 144], М. Н. Клеповым [5] и иными учеными. Полноценный статус подозреваемого

заподозренное лицо получает только после возбуждения уголовного дела, и его действия с этого момента будут регламентироваться ст. 46, 47 УПК РФ. В таком случае как же регламентируются права заподозренного лица в процессе доследственной проверки? В УПК РФ права такого лица до возбуждения уголовного дела изложены крайне нечетко [6, с. 151].

С определением момента получения лицами, участвующими в проверке сообщения о преступлении, статуса тесно связана проблема наделения их соответствующими правами. По общему правилу, лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, наделяются правами и обязанностями в соответствии с их уголовно-правовым статусом потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого и т. д. Однако при проведении доследственной проверки лица с конкретным процессуальным статусом отсутствуют. В ст. 144 УПК РФ все эти лица именуются просто участниками проверки сообщения о преступлении, и для всех них в законе закреплены общие права и обязанности. Основная проблема заключается в том, что права и обязанности, предусмотренные законодателем, не учитывают интересы данных лиц. А ведь их интересы могут быть различными. Исходя из этого, в литературе высказывалось мнение о необходимости наделения лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении, правами и обязанностями, отражающими специфику их интересов [7, с. 66]. Вместе с тем не уточнялось, какими конкретно правами они должны быть наделены. Учитывая вышеизложенные обстоятельства, закономерен вопрос о возможности применения к ним принуждения при производстве указанных в ст. 144 УПК РФ следственных и иных действий. Например, «в случае их отказа от участия в производстве судебных

экспертиз в отношении живых лиц, получения образцов для сравнительного исследования и освидетельствования ...» [8, с. 72]. Следует согласиться с Н. А. Даниловой и Т. Г. Николаевой в том, что такое принуждение, исходя из анализа действующего законодательства, невозможно, а следовательно, возникает вопрос о результативности производства при доследственной проверке таких следственных действий, как получение образцов для сравнительного исследования и освидетельствование. Возможно, в данном случае могла бы помочь регламентация случаев ограничения прав и свобод при производстве процессуальных действий, как и предлагалось авторами статьи. Однако на законодательном уровне этот вопрос не решен до сих пор.

От определения статуса лиц, участвующих в доследственной проверке, объема их прав и обязанностей зависит также результативность использования средств проверки сообщения о преступлении, которые сформулированы в ст. 144 УПК РФ. Это значимо еще и потому, что законодатель указал на возможность использования сведений, полученных в ходе доследственной проверки, в качестве доказательств. Казалось бы, с внесением указанных изменений в УПК РФ дискуссия о наличии доказывания в стадии возбуждения уголовного дела потеряла свою актуальность, однако практика применения данной нормы ставит все новые и новые проблемы. Примером тому являются предписания п. 1.2 ч. 1 ст. 144 УПК РФ, согласно которым сведения, полученные в ходе доследственной проверки, могут быть использованы в качестве доказательства только при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Следует согласиться с мнением Ю. А. Ляхова, который считает, что «применительно к получению объяснений в стадии воз-

буждения уголовного дела соблюсти требования ст. 75 и 89 УПК РФ возможно только в случаях исчерпывающего соблюдения порядка, установленного для допроса свидетеля соответствующими статьями УПК РФ. Отступление от этого порядка превращает полученные сведения (в соответствии со ст. 75 УПК РФ) в недопустимые доказательства» [9, с. 110]. Устанавливая в п. 1.1 ч. 1 ст. 144 УПК РФ требование разъяснять лицам, участвующим в производстве процессуальных действий, их права и обязанности, законодатель не уточнил, следует ли предупреждать опрашиваемого об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ. Таким образом, остались неразрешенными следующие вопросы: можно ли заменить разъяснением опрашиваемому его обязанности сообщать правдивые сведения предупреждение об уголовной ответственности, достаточным ли это будет для того, чтобы впоследствии признать такие объяснения допустимым доказательством.

Еще больше проблем возникает с назначением при проведении следственной проверки экспертизы, при производстве которой лицам, имеющим процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого и др., УПК РФ предоставляет определенные права, которыми они не могут воспользоваться при проверке сообщения о преступлении. Следовательно, могут возникнуть формальные поводы «для сомнения в наличии в экспертном заключении качества допустимости» [7, с. 66]. Возможности же использования ст. 207 УПК РФ связаны исключительно с содержательной составляющей заключения (неясность, неполнота, неправильность результатов первичной экспертизы) или с необходимостью постановки дополнительных вопросов. Вопросы же, которые возникают на стадии возбуждения уголовного дела, имеют формальный характер.

Например, законодательно не определено, надо ли следователю знакомить лиц, участвующих в проверке заявления о преступлении, с постановлением о назначении экспертизы и, если надо, каким образом оформлять их ознакомление с этим постановлением. Ведь в ст. 207 УПК РФ говорится только о лицах, имеющих процессуальный статус.

Указанные проблемы правоприменительной практики в конечном счете приводят к тому, что при наличии заподозренного лица следователи и дознаватели «перестраховываются» и не назначают экспертизу до возбуждения уголовного дела. Таким образом, предусмотренный законодателем в ст. 144 УПК РФ расширенный комплекс следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела не используется в должной мере.

Значимой является вытекающая из неопределенности статуса заподозренных лиц проблема распространения на них презумпции невиновности [10, с. 45].

Решение многих из указанных проблем лежит, на наш взгляд, в плоскости определения момента, с которого начинается уголовное преследование лица.

В настоящее время в науке уголовного процесса представлены различные точки зрения относительно момента начала уголовного преследования. По мнению ряда ученых, уголовное преследование не связано с появлением определенного лица в производстве по делу, а начинается с момента возбуждения уголовного дела [11, с. 31; 12, с. 8]. Так, Ю. В. Козубенко пишет: «...отправным, или первичным, моментом уголовно-процессуальной деятельности является сам факт совершения преступного деяния, и это позволяет сделать вывод, что уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела по признакам совершенного преступления» [13, с. 58]. Аналогичную правовую по-

зицию избрал Конституционный Суд Российской Федерации. Согласно иному подходу, его начало следует связывать с моментом привлечения лица в качестве обвиняемого [14, с. 27]. Полагаем, что представители данной точки зрения отождествляют рассматриваемое понятие с обвинением в процессуальном смысле, что противоречит п. 55 ст. 5 УПК РФ. В научной литературе встречается иная точка зрения: уголовное преследование осуществляется тогда, когда производство по уголовному делу ведется в отношении конкретного лица – подозреваемого или обвиняемого [15, с. 33; 16, с. 53]. Данная позиция основана на буквальном толковании п. 55 ст. 5 УПК РФ.

Представляет интерес точка зрения С. В. Бажанова: «В уголовном судопроизводстве России термин „уголовное преследование“ не имеет собственно юридического содержания, ибо это суррогатное словообразование, нелепо отображающее всем известную и всеми отвергнутую функцию расследования, вкривь и вкось, налево и направо толкуемую современными (новоявленными) интерпретаторами... Сам момент начала уголовного преследования неясен настолько, что в принципе невозможно понять, насколько исследуемая функция охватывает деятельность на стадии возбуждения уголовного дела, не говоря уже о деятельности оперативно-розыскной» [17, с. 55].

Законодательное решение в 2013 году о расширении перечня следственных действий, проводимых в стадии проверки сообщения о преступлении, направленных по своей процессуальной природе на изобличение лица в совершении преступления, предоставление такому лицу права пользоваться защитником, позволяет сформулировать еще одну точку зрения на проблему исчисления начала уголовного пре-

следования – считать таковым момент обнаружения признаков преступления или появления повода для возбуждения уголовного дела. Следует отметить, что такая позиция высказывалась некоторыми учеными до 2013 года, но не нашла признания [18, с. 21]. В поддержку данного взгляда В. Д. Миронов в 2008 году высказал утверждение, что уголовное преследование осуществляется и в отношении лиц, не наделенных статусами, указанными в п. 55 ст. 5 УПК РФ, если они фактически изобличаются в совершении преступления. Например, если свидетель допрашивается об обстоятельствах совершенного им деяния, то в отношении его также осуществляется фактическое уголовное преследование [19, с. 133–134]. Подобного мнения придерживаются Н. В. Османова, К. С. Агабеков, полагая, что в изобличение лица входит деятельность по установлению лица, совершившего преступление, как до придания лицу статуса подозреваемого, обвиняемого, так и после [20, с. 59; 21, с. 10].

А. А. Давлетов приводит иной пример, когда фактически появляется лицо, в отношении которого имеются веские основания для его подозрения, а именно «поимка, захват лица на месте преступления или непосредственно после его совершения – осуществляется до принятия решения о начале предварительного расследования» [22, с. 63].

С учетом изложенного возникает вопрос: возможно ли расценивать данную деятельность правоохранительных органов как уголовное преследование лица? Если следовать буквальному толкованию п. 55 ст. 5 УПК РФ, где обозначены подозреваемый и обвиняемый как изобличаемые лица, то на поставленный вопрос следует ответить категорически «нет». Однако с учетом тенденции развития уголовно-процессуальных правоотношений и появления нового субъекта, имею-

щего право на защиту, следует ответить «да». И в данном контексте уместно привести утверждение М. В. Сидоренко: «Как Конституционный Суд РФ, так и Пленум Верховного Суда РФ фактически однозначны в подходах, согласно которым при определении процессуального статуса тех или иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство России, следует прежде всего исходить из фактического (реального) их положе-

ния, а не из наличия (отсутствия) надлежащего процессуального акта (решения), которым этот статус официально признан и закреплен. В этой связи, по идее, остается строго руководствоваться данными разъяснениями, максимально обеспечивая уголовно преследуемым лицам их процессуальные права, несмотря на все еще практикуемое субъективное „непризнание“ их соответствующими участниками процесса» [23, с. 24].

Список источников

1. Варнавский Д. А. Уголовное преследование лица на стадии проверки сообщения о преступлении // Российский следователь. 2017. № 15. С. 27 – 29.
2. Чувилев А. А. Институт подозреваемого в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1968. 18 с.
3. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. Москва : Юрид. лит, 1971. 131 с.
4. Образцов В. А. Выявление и изобличение преступника. Москва : Юристъ, 1997. 334 с.
5. Клепов М. Н. Теория и практика становления процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Клепов Максим Николаевич. Москва, 2002. 226 с.
6. Жамкова О. Е. К вопросу о процессуальном статусе лица, в отношении которого ведется доследственная проверка // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 1, № 1 (3). С. 149 – 155.
7. Свиридов М. К. Содержание стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 61 – 68.
8. Данилова Н. А., Николаева Т. Г. Возможно ли принуждение на стадии возбуждения уголовного дела? // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы Междунар. науч.-практ. конф, Иркутск, 25 – 26 сентября 2014 г. / Байкальский гос. ун-т экономики и права ; редкол.: А. А. Протасевич (отв. ред.) [и др.]. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 70 – 76.
9. Ляхов Ю. А. Единство процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве России // Государство и право. 2014. № 11. С. 109 – 112.
10. Мурашкин И. Ю. Начало действия принципа презумпции невиновности // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 42 – 45.
11. Додонов В. Н., Крутских В. Е. Прокуратура в России и за рубежом : сравнительное исследование. Москва : Норма, 2001. 181 с.
12. Яковенко В. В. Уголовное преследование и роль прокурора в его осуществлении : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Яковенко Вадим Владимирович. Москва, 2006. 31 с.
13. Козубенко Ю. В. О роли уголовного преследования в структуре межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2021. № 6. С. 55 – 63.

14. Багаутдинов Ф., Васин А. Уголовное преследование и правозащитная функция суда // Российская юстиция. 2000. № 8. С. 27 – 28.
15. Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 223 с.
16. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : (постатейный). 16-е изд. Москва : Проспект, 2023. 672 с.
17. Бажанов С. В. К вопросу о состоятельности функции уголовного преследования вообще и функции прокурорского уголовного преследования в частности // Российская юстиция. 2017. № 4. С. 52 – 55.
18. Гладышева О. В., Лукожев Х. М. Проблемы поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. Москва : Юрлитинформ, 2009. 199 с.
19. Миронов В. Д. Полномочия прокурора и их реализация при производстве по уголовным делам в суде первой инстанции : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Миронов Владимир Дмитриевич. Воронеж, 2008. 196 с.
20. Османова Н. В. Основы построения концепции уголовного преследования и его начала // Российский следователь. 2021. № 4. С. 59 – 61.
21. Агабеков К. С. Уголовное преследование органами дознания: теория и практика : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Агабеков Карен Суменович. Москва, 2020. 226 с.
22. Давлетов А. А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 61 – 67.
23. Сидоренко М. В. О правовой определенности статуса лиц, в отношении которых фактически реализуется уголовное преследование // Российский следователь. 2016. № 5. С. 160 – 162.

Информация об авторах

В. А. Абаканова – доцент кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Г. Шадрина – доцент кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. A. Abakanova – Associate Professor at the Department of criminal procedure of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

E. G. Shadrina – Associate Professor at the Department of criminal procedure of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.3/7

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Максим Васильевич АРЗАМАСЦЕВ

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
m.arzamastsev@spbu.ru*

Аннотация. В статье раскрываются основные проблемы, возникающие в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий, которые активно используются для совершения различных преступлений. Показаны особенности конкретизации в цифровой среде конституционных прав человека. Предложено считать осуществление таких прав обстоятельством, исключающим преступность деяния, если не допущено злоупотребления субъективным правом. Отдельно проанализированы вопросы охраны тайны частной жизни, публичной демонстрации преступной деятельности. Рассмотрено влияние классификации преступлений, совершаемых в сети «Интернет», на определение момента их окончания. Автор приходит к выводу о недопустимости расширительного толкования уголовно-правовых запретов, их распространения на сферу обращения электронных ресурсов. Сформулированы предложения по криминализации и пенализации деяний, квалификации киберпреступлений. Рассмотрены проблемы, которые возникают в связи с широким пониманием таких преступлений. Раскрыты особенности общественной опасности отдельных форм поведения, меняющейся в связи с развитием цифровых технологий и увеличением масштаба Интернета.

Ключевые слова: цифровые конституционные права, Интернет, информационно-телекоммуникационные сети, киберпреступления, злоупотребление субъективным правом, квалификация преступлений, преступления в сети «Интернет»

Для цитирования: Арзамасцев М. В. Конституционные основы ответственности за преступления, совершаемые с использованием сети «Интернет» // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 10–18.

Original article

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF LIABILITY FOR CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF THE INTERNET

Maxim V. ARZAMASSEV

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, m.arzamastsev@spbu.ru

Abstract. The article reveals the main problems arising from the development of information and communication technologies that are actively used to commit various crimes. Features of constitutional human rights specification in the digital environment are shown. The proposal is made to consider the exercise of such rights as a circumstance excluding the criminality of an act, unless there is an abuse of the subjective right. Separately analyzed are the issues of protecting personal privacy and public demonstration of criminal activity. The influence of the classification of crimes committed on the Internet upon the determination of the moment of their completion is examined. The author comes to the conclusion that it is inadmissible to expand the interpretation of criminal

© Арзамасцев М. В., 2024

law prohibitions with extending them to the sphere of electronic resources circulation. The article makes separate proposals for the criminalization and penalization of acts, the qualification of cybercrimes. The problems that arise in connection with a broad understanding of such crimes are considered. Peculiarities are revealed of the public danger of certain forms of behavior, changing due to the development of digital technologies and the increase in the scale of the Internet.

Keywords: digital constitutional rights, Internet, information and communication networks, cybercrimes, abuse of a subjective right, qualification of crimes, crimes on the Internet

For citation: Arzamashev M. V. Constitutional foundation of liability for crimes committed with the use of the Internet. *Criminalist*. 2024;2(47):10-18. (In Russ.).

Сегодня наиболее значимым фактором, оказывающим влияние и в целом на общество, и на криминогенную ситуацию в нем, стал Интернет¹, давно перешагнувший все мыслимые границы. Исторический опыт свидетельствует, что технический прогресс нельзя остановить, как бы люди к нему ни относились. Для целей правового регулирования важно отметить отдельные социальные закономерности Интернета, которые хотя и обусловлены использованием информационно-телекоммуникационных технологий, но синергетически превышают их эффект.

Информация стала самостоятельной ценностью в ряду традиционных экономических категорий, таких как «труд», «товар», «деньги», подтверждая легендарный, приписываемый Натану Ротшильду, афоризм: «Кто владеет информацией — тот владеет миром». Этим обусловлены повышенные требования как к качеству данных (полнота, достоверность, верифицируемость и т. д.), так и к их сбору, хранению и использованию. Между тем Интернет уже представляет собой самое массовое средство массовой информации и по объему сведений, и по охвату аудитории. Сами же цифровые технологии отличаются нейтральностью [1, с. 126], облегчают не только совершение преступлений (вследствие дистанционного способа

и воздействия на множество потерпевших), но и их раскрытие (например, за счет систем видеонаблюдения и автоматического распознавания лиц). Широкое распространение Интернета привело к размыванию границ реального и виртуального мира, к рутинизации «высоких» технологий, которые быстро становятся привычными и столь же быстро устаревают (примером может служить исчезновение некоторых видов связи, стандартов и т. д.), а также могут использоваться даже неквалифицированными пользователями, просто скачивающими инструкции (в том числе по созданию вредоносных программ, неправомерному доступу к чужим ресурсам и даже по совершению общеуголовных преступлений).

Право должно учитывать особенности Интернета, однако можно констатировать, что человечество живет в цифровом мире, принципы правового регулирования которого все еще не сформированы и вырабатываются путем проб и ошибок. На международном уровне признается, что «киберпреступники постоянно совершенствуют свои методы, идя в ногу с техническим прогрессом»². Праву же вследствие особенностей формирования и регулиро-

¹ Для целей настоящей статьи термины «сеть „Интернет“» и «информационно-телекоммуникационная сеть» (ИТС) будут использоваться как синонимы, если не оговорено иное.

² Пункт 44 Рабочего документа XIV Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию «Международное сотрудничество и техническая помощь в предупреждении всех форм преступности и борьбе с ними: терроризм во всех его проявлениях и новые и появляющиеся формы преступности» (A/CONF.234/7). URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3907073> (дата обращения: 22.01.2024).

вания свойственно определенное запаздывание.

Конституционные положения в большинстве стран (и Россия здесь не исключение) были написаны без учета современной жизни, существенная часть которой приобрела цифровую форму. Конституционным текстам присуща высокая степень абстрактности, стабильности и необходимой фундаментальности. Поэтому они чаще всего не включают прямых предписаний для участников интернет-отношений. Исключением в вопросе права на доступ в Интернет служат конституции Греции [2, с. 31] и Португалии [1, с. 130]. Это осложняет поиск конституционных требований к ответственности за преступления в сети «Интернет», притом что уголовное право, отличаясь консервативностью, не может носить опережающего характера.

Одним из основных требований к уголовно-правовым запретам является недопустимость разрушения ими существующих правовых отношений. Необходим учет в уголовном праве цифровых прав, которые уже признаются в качестве конституционных. Так, в решениях Федерального конституционного суда Германии провозглашены права на информационное самоопределение индивида и на обеспечение неприкосновенности информационно-компьютерных систем [3, с. 54]. В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации распространил положения ст. 23 Конституции Российской Федерации на передачу любых сообщений независимо от используемых при этом технических средств, а также указал на необходимость совершенствовать меры ответственности за нарушение прав обладателя информации, учитывая потребности развития информационного общества¹. В конечном счете цифровые

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 25-П.

права человека — это не самостоятельные права [4, с. 88], а «конкретизация универсальных прав человека применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [5].

Многие преступления, совершаемые в сети «Интернет», представляют собой коллизию субъективных прав. Так, в вопросе о квалификации по ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) формирования электронной базы данных на лиц, высланных в административном порядке в 1945–1956 годах на территорию Архангельской области, Конституционный Суд Российской Федерации учитывал неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и одновременно особенности реализации другого конституционного права — свободно искать и распространять информацию любым законным способом². Сопоставление этих прав актуализирует вопрос о том, одинакова ли общественная опасность противоправных и запрещенных одной и той же нормой (ч. 1 ст. 137 УК РФ) сбора и распространения сведений о частной жизни. Между тем основные угрозы возникают не при собирании информации, а при ее использовании [6, с. 9]. С другой стороны, может ли благая цель распространения информации оправдать ее сбор противоправным способом?

Ранее Конституционный Суд Российской Федерации указал, что в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит

Здесь и далее нормативные акты и судебные решения приводятся по справочно-правовой системе «КонсультантПлюс», если не оговорено иное.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1253-О.

непротивоправный характер¹. Конституционные положения развивает Гражданский кодекс Российской Федерации, признающий в п. 1 ст. 152.2 правомерность сбора, хранения, распространения и использования информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах.

Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, к общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде².

Однако ни в нормативных положениях, ни в их разъяснениях не определяется, допускается ли сбор одним лицом информации о другом в целях выявления его возможного правонарушения. С одной стороны, само противоправное поведение не образует содержание частной жизни, с другой — признание допустимости подобного сбора сведений неуполномоченным субъектом (не действующим на основании Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации») означает сужение гарантий частной жизни, когда любой сможет собирать сведения о других гражданах, ссылаясь на гипотетическое наличие в их действиях признаков противоправного поведения. Сам же сбор может осуществляться при помощи

¹ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 г. № 15-П и от 25 мая 2021 г. № 22-П.

² Пункт 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 (ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике применения судами Закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“».

«шпионских» программ или использования скрытых функций современных технических устройств, подключаемых к локальным сетям или сети «Интернет».

Законодатель в ст. 137 УК РФ не определяет сущностный признак, который свидетельствует именно о криминальном характере подобного рода деяний (например, если соседи запишут семейную насильственную ссору соседней и распространят эту запись в сети «Интернет», формально это деяние тоже может считаться преступлением, предусмотренным указанной статьей), которые в современных условиях получили широкое распространение благодаря возможностям смартфонов. Не снимают анализируемую проблему и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации³.

С учетом позиций Конституционного Суда Российской Федерации⁴ использование субъективного права должно признаваться обстоятельством, исключаящим преступность деяния, если не имело место злоупотребление правом. О таком злоупотреблении (выходе за пределы субъективного права) могут свидетельствовать как объективные (выбранный способ действий и их последствия), так и субъективные признаки (цели и мотивы). Для способов осуществления права ключевыми являются типичность или нетипичность выбранного варианта поведения для определенного правомочия в конкретном историческом периоде, а также его связь с содержанием права. При оценке субъективных признаков необходимо определять преобладание правомерных или противо-

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 3272-О.

правных намерений в поведении лица [7, с. 199 – 200].

Квалификация анализируемых преступлений зависит от их особенностей, в частности, использована ли сеть «Интернет» как сфера противоправных действий или как средство их совершения. С учетом выделяемых уровней информационно-коммуникационных процессов [8, с. 12] это могут быть посягательства: общесоциальные (например, возбуждение ненависти или вражды, наказуемое по ст. 282 УК РФ); публично-правовые (к примеру, DDoS-атака на портал госуслуг); межличностные (совершаемые в сфере индивидуального или корпоративного общения).

Так, Конституционный Суд Российской Федерации признал, что ст. 110.2 УК РФ не предполагает запрета правомерного поведения и направлена на охрану неопределенного круга лиц от вредного (негативного) побуждающего воздействия на их психику, способного при неблагоприятном стечении обстоятельств подтолкнуть их к самоубийству или помочь им в этом¹. Тем самым распространение информации о способах совершения самоубийства или призывов к его совершению выходит за пределы такого конституционного права, ограниченного, в частности, по содержанию сообщаемых в сети «Интернет» сведений.

Отличительной чертой всех интернет-преступлений является способ, который в общей форме представляет собой информационное воздействие. Оно, по оценке А. А. Тер-Акопова, характеризуется передачей информации, которая имеет уголовно-правовое значение, причиняющую силу [9, с. 248 – 249]. Исходя из направленности воздействия преступления можно разделить на следующие группы: информационно-компьютерные (изменение цифровой информации

без воздействия на психику человека или состояние технических устройств); информационно-психические (при помощи коммуникационных технологий информация адресуется конкретному лицу или неопределенному кругу лиц с интеллектуальным или эмоциональным воздействием); информационно-технические (информация передается, блокируется, изменяется с целью управляющего или разрушающего воздействия на технические устройства) [10, с. 15]. Это позволяет определить момент окончания того или иного преступления (момент создания доступа к информации определенного лица либо группы лиц, момент изменения цифровой информации или момент нарушения в технических процессах, в состоянии техники).

Однако информационное воздействие способно приводить к любым преступным результатам (вплоть до причинения смерти пациенту путем подмены данных в его электронной медицинской карте). С учетом перехода многих социальных и экономических процессов в онлайн-форму можно считать, что криминальное использование сети «Интернет» становится настолько массовым, что это нельзя считать квалифицирующим признаком (иначе квалифицированные составы будут применяться чаще основных, что противоречит принципам дифференциации ответственности).

Так, для уголовной юстиции не возникло проблем с переносом понятия имущества на электронные и безналичные денежные средства², однако, как следствие, особо квалифицированный состав кражи (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) *de facto* поглотил большинство видов мошеннических действий с использованием электронных средств платежа

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1104-О.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам».

(ст. 159.3 УК РФ). И хотя Конституционный Суд Российской Федерации прекратил производство по делу о проверке конституционности этих законоположений¹, анализируемая тенденция привела к единичному применению ст. 159.3 УК РФ, что не отражает расширение объема использования электронных платежных средств в экономике.

Соответственно, можно предложить не включать использование сети «Интернет» (или иных информационно-телекоммуникационных сетей — ИТС) в составы тех преступлений, которые чаще совершаются именно в виртуальной среде. Общественную опасность таких деяний следует учитывать в санкции нормы, описывающей основной состав, оставляя судам право индивидуализировать наказание в конкретных случаях.

При этом «значимость социального аспекта может перевешивать техническую сторону» [4, с. 73]. Привычность и распространенность информационных технологий не свидетельствует о повышении общественной опасности деяний, совершаемых с их использованием. Поскольку ресурсы уголовной репрессии ограничены, то для законодателя важно правильно определить приоритеты уголовно-правовой охраны (к примеру: какие виды охраняемой информации важнее?). Вскоре перед уголовно-правовой политикой, вероятно, возникнет и вопрос об использовании информационной оценки вреда вместо традиционной на сегодня денежной оценки ущерба.

На 2024 год запланировано принятие конвенции ООН о противодействии использованию информационных и коммуникационных технологий в преступных целях. Однако анализ ее проекта²

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2021 г. № 1374-О.

² URL: https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/ad_hoc_committee/ahc_sixth_session/main (дата обращения: 24.01.2024).

свидетельствует, что в ней отсутствуют положения, которые бы повлекли существенную переработку российского уголовного закона. Участвующие в разработке конвенции страны, по сути, предлагают перенести на международный уровень собственный национальный опыт.

Также появилась тенденция, когда толкование уголовно-правовых запретов приводит к их распространению на деяния с электронными ресурсами. При этом следует различать две ситуации. Первая — разъяснение признаков преступлений, всегда предполагающих воздействие на психику. Так, признак публичности оскорбления предложено устанавливать с учетом размещения оскорбительных сведений в сети «Интернет» на сайтах, форумах или в блогах, открытых для широкого круга лиц³. В данном случае Верховный Суд Российской Федерации лишь конкретизировал признаки деяния, исключив из них размещение сведений в форумах и блогах, закрытых для посторонних. Понимание публичности от этого не изменилось. Вторая ситуация — расширительное толкование, приводящее к увеличению объема запрета. Так, без изменения текста закона официальным документом как предметом преступления стал признаваться и электронный документ⁴. С одной стороны, такое понимание отражает современное значение электронных документов. С другой — изменение запрета осуществлено путем

session/main (дата обращения: 24.01.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 — 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

толкования, что не в полной мере согласуется с конституционным требованием правовой определенности. Также оно не учитывает разницу в материальных признаках традиционного (бумажного) и электронного документа. Представляется, что данная проблема (в том числе включения в иных случаях электронных ресурсов в признаки преступлений путем их толкования) требует детального анализа в контексте конституционных требований разделения властей и определенности уголовного закона.

В целом Верховный Суд Российской Федерации понимает использование сети «Интернет» для совершения преступления предельно широко: и для создания условий (приготовление), и для выполнения объективной стороны преступления¹. Даже моментом окончания незаконного сбыта наркотических средств стало признаваться доведение информации о местах их закладок до приобретателей². Это приводит к ряду проблем.

Во-первых, любое общение с соучастниками или потерпевшими посредством Интернета (даже знакомство) уже содержит в таком понимании признаки как минимум приготовительной деятельности. Однако часто (особенно при звонках посредством возможностей ИТС) оно принципиально не отличается от телефонных разговоров, которые не считаются повышающими общественную опасность деяния, видимо, в силу своей

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“».

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 1 июня 2022 г.).

привычности. Подобная дифференциация не в полной мере согласуется с конституционным требованием равенства.

Во-вторых, поиск, сбор в сети «Интернет» информации, необходимой для совершения преступления (например, о способах изготовления наркотиков, взрывчатки), уже создают условия для совершения преступления, т. е. также исходя из позиции Верховного Суда Российской Федерации должны считаться приготовлением к преступлению. Но тогда почти любое лицо, сделавшее подобный запрос, может быть привлечено к уголовной ответственности. Наверное, следует более четко разграничить правомерный и преступный сбор информации.

В-третьих, в практике встречается квалификация преступлений по признаку организованной группы, в которую — помимо обвиняемого — входили лишь неустановленные лица, скрывавшиеся за виртуальными образами или псевдонимами (никнеймами). В данном вопросе обращено внимание на презумпцию невиновности³. С технической точки зрения за разными виртуальными персонажами может быть одно и то же лицо (а в будущем — даже искусственный интеллект). Поэтому нужно дорабатывать правила квалификации соучастия посредством Интернета.

Преступники не обязательно скрывают действия в ИТС. Напротив, они могут вести публичную демонстрацию своих действий в сети «Интернет» (стриминг). Разработан проект закона, предлагающий признавать такую демонстрацию в качестве отягчающего обстоятельства⁴. Она уже является признаком преступлений, предусмотренных в ст. 242, 242.1,

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 1887-О.

⁴ URL: <https://www.interfax.ru/russia/929380> (дата обращения: 24.01.2024).

245, 258.1, 260.1 УК РФ. Поскольку особая жестокость может проявляться при совершении в присутствии близких потерпевшему лиц убийства¹, изнасилования или иных действий сексуального характера², то их публичная трансляция причиняет не меньшие (а скорее, и большие) нравственные страдания. Тем самым лицо, осуществляющее трансляцию, создает специальную обстановку совершения насильственного деяния, информационно и технически обеспечивает особо жестокий способ преступления, а потому должно считаться его соучастником (в случае невыполнения им лично действий, входящих в объективную сторону, — пособником).

Публичная трансляция совершения хищения делает его открытым не только для потерпевших, но и, по сути, для всего мира, а потому такое деяние следует считать грабежом (поскольку его наблюдают посторонние, хотя они и не могут непосредственно оказаться на месте его совершения или вмешаться в процесс).

Также нельзя забывать и о закономерностях наказуемости за преступления, совершаемые в сети «Интернет». Так, усиление государственного регулирования (например, изменение порядка доступа в Сеть) может допускать смягчение уголовной ответственности. И напротив, как показывают исследователи, повышение строгости наказания может давать пользователям Интернета ощущение защищенности, вследствие чего они в меньшей степени будут самостоятельно применять средства (технические, информационные, поведенческие) защиты [11, р. 433–435], вследствие чего

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

парадоксальным образом общий уровень безопасности в этой сфере не изменится.

Применительно к информационно-психологическому воздействию не до конца оценен потенциал использования лишения права заниматься определенной деятельностью. Так, Конституционный Суд Российской Федерации признал допустимым запрет заниматься публицистической деятельностью³. В практике же Верховного Суда Российской Федерации остались без изменения приговоры, в которых предусматривалось лишение права осуществлять деятельность, связанную с администрированием сайтов⁴, размещением обращений и иных материалов в сети «Интернет»⁵. И хотя имеются практические сложности исполнения подобных наказаний, они могут способствовать предупреждению информационных преступлений.

Таким образом, развитие новых технологий ставит перед уголовным правом ряд проблем в части криминализации и пенализации деяний, их квалификации судами. Многие из этих проблем могут быть успешно решены (и уже решаются) с учетом конституционных требований, вместе с тем ряд из них еще ждет своего научного анализа. Поэтому от уголовного права требуется учитывать потребности современного информационного общества, при этом оно должно соблюдать и защищать конституционные права граждан, а также не допускать выхода за конституционно обозначенные пределы ответственности.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 2017 г. № 1797-О.

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2019 г. № 222-АПУ19-2; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2022 г. № 3-УД22-2-А2.

⁵ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 января 2022 г. № 225-УД21-15.

Список источников

1. Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 3. С. 122 – 146. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina.
2. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 4. С. 9 – 46. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova.
3. Нуссбергер А. Новые конституционные права в Основном законе Германии / пер. с нем. А. Г. Румянцев // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5. С. 51 – 57. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-51-57.
4. Румянцев А. Г. Обособление «цифровых» прав: новые технологии, новые возможности, новые ограничения // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 6. С. 70 – 105. DOI: 10.21128/1812-7126-2021-6-70-105.
5. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 30 мая. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 22.01.2024).
6. Гаджиев Х. И. Защита частной жизни в цифровую эпоху // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 5 – 2. DOI: 10.12737/jflcl.2019.6.1.
7. Арзамасцев М. В. Уголовно-правовая оценка осуществления субъективного права и злоупотребления им // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 177 – 203. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.177.203.
8. Рыбаков О. Ю. Право как индикатор гуманизма в условиях цифровой трансформации общества и государства // Российская юстиция. 2023. № 8. С. 11 – 20.
9. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. Москва : Юркнига, 2003. 480 с.
10. Арзамасцев М. В. К вопросу об уголовно-правовой классификации киберпреступлений // Актуальные вопросы права и отраслевых наук. 2017. № 1 (3). С. 11 – 17.
11. Hong Y., Neilson W. Cybercrime and Punishment. *The Journal of Legal Studies*. 2020;49(2):431-466. DOI: 10.1086/711715.

Информация об авторе

М. В. Арзамасцев – доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, советник Конституционного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Arzamashev – Associate Professor at the Department of criminal law of the St. Petersburg State University, Advisor to the Constitutional Court of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.3/7

МАРОДЕРСТВО: ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ¹, ВИКТОРИЯ Владимировна СОМКО²

¹ Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), Санкт-Петербург, Россия, sansbarbe@mail.ru

² Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, viktorii.somko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются признаки объекта и объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 356.1 УК РФ «Мародерство». Анализируются специфика направленности посягательства, особенности предмета преступления, а также свойств потерпевшего. Описываются конструктивные особенности факультативных признаков объективной стороны состава преступления.

Ключевые слова: мародерство, ст. 356.1 УК РФ, объект мародерства, предмет мародерства, объективная сторона мародерства, время совершения преступления, предусмотренного ст. 356.1 УК РФ

Для цитирования: Безбородов Д. А., Сомко В. В. Мародерство: особенности объекта и объективной стороны преступления // Криминалистъ. 2024. № 2 (47). С. 19 – 25.

Original article

LOOTING: CHARACTERISTICS OF THE CRIME TARGET AND SPECIFICS OF ACTUS REUS IN THE CRIME

Dmitry A. BEZBORODOV¹, Victoria V. COMKO²

¹ St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, North-West Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg), St. Petersburg, Russia, sansbarbe@mail.ru

² St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, viktorii.somko@gmail.com

Abstract. The article examines the features of the target and essential *actus reus* elements of the offence of «Looting» provided for in Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The characteristics of the trespass targeting, the specifics of the subject of the crime, as well as the properties of the victim are analyzed. The legal structure features of optional elements in the *actus reus* of the offence are studied.

Keywords: looting, Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the target of looting, the elements of *actus reus* in looting, the time of commission of the crime provided for in Article 56.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Bezborodov D. A., Somko V. V. Looting: characteristics of the crime target and specifics of *actus reus* in the crime. Criminalist. 2024;2(47):19-25. (In Russ.).

© Безбородов Д. А., Сомко В. В., 2024

Произошедшие в последнее время общественно-политические события повлекли за собой необходимость совершенствования регулирования некоторых видов правоотношений в сфере военной службы, обеспечения мира и безопасности человечества. С учетом этих обстоятельств в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) Федеральным законом от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ была введена уголовно-правовая норма об ответственности за мародерство – ст. 356.1 УК РФ.

Мародерство (от фр. *marauder* – грабитель [1, с. 575]) – социально-негативное явление, имеющее давнюю историю. Оно появилось с того момента, когда начались первые войны, стихийные бедствия, техногенные катастрофы. Мародерство представляет собой «тайное или открытое похищение военнослужащими на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых, принадлежащих к составу своих вооруженных сил, союзников, а также к армии противника и к гражданским лицам. Мародерством является и похищение вещей у раненых во время эвакуации их с поля боя» [2, т. 5, с. 157]. В международном праве мародерство рассматривается как нарушение норм международного гуманитарного права и признается военным преступлением международного характера. Так в ст. 15 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 года закреплено положение, согласно которому стороны военного конфликта обязаны всеми способами ограждать раненых и убитых от ограблений.

Общественная опасность подобного рода деяний обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, мародерство характеризуется как нарушение норм международного гуманитарного права. В связи с этим стоит отметить, что согласно

п. 22 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 11 июня 2007 года № 1495 (ред. от 31 июля 2022 года) военнослужащий обязан знать и соблюдать нормы международного гуманитарного права, правила обращения с ранеными, больными, лицами, потерпевшими кораблекрушение, медицинским персоналом, духовными лицами, гражданским населением в районе боевых действий, а также с военнопленными. Во-вторых, мародерство признается формой подрыва воинской дисциплины. В-третьих, при мародерстве страдает безопасность населения, волею обстоятельств ставшего заложником военного конфликта¹ или иной чрезвычайной ситуации. В-четвертых, мародерство является посягательством на отношения собственности и влечет возникновение производных деяний, поскольку появляются перекупщики похищенного [3].

Эти обстоятельства предопределили особенности объекта данного преступления. По мнению Д. В. Лобача, непосредственный объект мародерства можно определить как отношения, возникающие в связи с исполнением Российской Федерацией международных обязательств в сфере ведения вооруженного конфликта. Соответственно, видовым объектом этого преступления выступают общественные отношения, составляющие международный мир и безопасность человечества [4]. Эти абсолютно резонные выводы вместе с тем порождают много вопросов. Структура общественных отношений, на которые посягает мародерство, не так проста и однозначна, как видится при первоначальном рассмотрении. Так, имущественные отношения, которые реа-

¹ См. подробнее: Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лизуются в качестве дополнительного объекта мародерства, обладают определенной спецификой, что связано прежде всего с особенностями предмета преступления. Предмет мародерства, если толковать ч. 1 ст. 356.1 УК РФ буквально, законодателем понимается специфично: а) чужое имущество (при этом возникает вопрос об оценке присвоения найденного или случайно оказавшегося у лица имущества в свете решения Конституционного Суда Российской Федерации¹); б) имущество, находящееся при убитых или раненых; в) имущество гражданского населения².

Возникают вопросы относительно квалификации мародерства, совершенного, например, в отношении: а) предметов, имеющих особую ценность; б) предметов, изъятых или ограниченных в обороте (ядерных материалов или радиоактивных веществ, огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, и др.); в) документов; г) военного имущества. Представляется, что при завладении такого

¹ По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 января 2023 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Например, ст. 46, 47 IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года, Положение о законах и обычаях сухопутной войны, являющееся приложением к данной Конвенции, содержат предписания об уважении частной собственности и недопустимости грабежей.

рода предметами квалификация должна осуществляться по соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за хищение специальных предметов, а не по ст. 356.1 УК РФ. В случае завладения предметами, обладающими признаками предметов преступлений, предусмотренных ст. 164, 221, 226, 229, 325 УК РФ, квалификация должна осуществляться по совокупности преступлений.

В доктрине уголовного права возникают вопросы о том, стоит ли относить к мародерству действия, связанные с захватом военных трофеев, а также призов, можно ли рассматривать их в качестве предмета мародерства.

«Трофей — это предметы, захваченные у противника на поле сражения и служащие свидетельством одержанных побед» [2, т. 8, с. 124]. Думается, что изъятие такого имущества у противника далеко не всегда связано с вынужденной необходимостью, солдат или иное лицо изымает имущество как доказательство силы, ловкости, смелости. Данный вопрос не находит четкого отражения в современном законодательстве Российской Федерации и требует специального внимания законодателя либо дачи разъяснений высшим судебным органом Российской Федерации. Представляется, что военные трофеи не должны признаваться предметом мародерства.

Военные трофеи представляют собой: а) элементы вооружения (оружие, боеприпасы, предметы военной техники)³; б) элементы боевой экипировки (комплект военного обмундирования, носимого военнослужащим как в ходе боевых действий в военное время, так и в целях боевой подготовки в повседневной

³ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11. П. 80. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обстановке мирного времени), снаряжение (комплект предметов, который находится на снабжении военнослужащего и предназначен для ношения им личного оружия и различного имущества на обмундировании, — амуниция, защитное снаряжение); в) шанцевый инструмент военнослужащего, бивачное снаряжение (например, спальный мешок, палатка, коврик), предметы медицинского обеспечения. Остальные предметы, находящиеся при военнослужащем, к трофеям не относятся и могут рассматриваться в качестве предмета мародерства.

Трофей — это предмет, полученный военнослужащим непосредственно в ходе ведения боевых действий или в боевой обстановке. Предметы, изымающиеся у лиц, уже приобретших статус военнопленных, при прочих равных условиях могут являться предметами мародерства¹.

Трофей — это предмет, полученный от военнослужащих — участников противоборствующей стороны вооруженного конфликта или боевых действий. Не могут рассматриваться в качестве трофея предметы, изъятые у лиц, хотя и являющихся военнослужащими, но направленных другим государством для исполнения официальных обязанностей, — военных представителей государства, не являющегося участником конфликта или боевых действий.

Приз (от фр. *prise* — взятие в плен, захват, добыча) представляет собой «захваченное в море во время войны неприятельское транспортное судно и его груз, а также транспортное судно нейтрального государства, имеющее на борту военную контрабанду, нарушившее установленную блокаду или оказывающее помощь и услуги одной из воюющих сторон (неприятелю)» [2, т. 6,

¹ См. подробнее: Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Женева, 12 августа 1949 г.). Ст. 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с. 528]. Признаки предметов, признаваемых призом, следующие:

захват осуществлен военным кораблем; захвативший неприятельское транспортное судно после выполнения определенной процедуры (проверка документов, опечатывание грузовых люков, составление протокола, пересадка части команды на борт своего корабля и т. д.) доставляет судно в порт, где законность захвата определяется специальным учреждением — призовым судом;

не рассматриваются в качестве приза предметы, являющиеся культурными ценностями, а также грузы противника на судах нейтральных государств без признаков контрабанды².

Некоторые вопросы возникают относительно определения потерпевших от данного преступления: а) гражданское население, находящееся в зоне ведения боевых действий; б) военнослужащие — участники конфликта или боевых действий. При этом нуждается в уточнении ситуация, когда имущество изымается у фактических участников конфликта, не отвечающих формальным требованиям ст. 356.1 УК РФ, например: а) наемников (наемниками согласно примечанию к ст. 359 УК РФ признаются лица, действующие в целях получения материального вознаграждения и не являющиеся гражданами государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающие постоянно на его территории, а также не являющиеся лицами, направленными для исполнения официальных обязанностей); б) участников иррегулярных воинских формирований (например, ополченцев). «Иррегулярные войска (от позднелат. *irregularis* — неправильный) — войска, не

² См., напр.: Конвенция об обращении торговых судов в суда военные (Гаага, 18 октября 1907 г.); Декларация о праве морской войны от 26 февраля 1909 г.; Конвенция об учреждении Международной призовой палаты (Гаага, 18 октября 1907 г.) (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

имеющие единой, постоянной организации или по комплектованию, прохождению службы, обучению, вооружению и обмундированию значительно отличающиеся от регулярных воинских частей (соединений)» [2, т. 3, с. 598]. С одной стороны, изъятие предметов у такого рода участников по формальным признакам не может быть отнесено к мародерству. С другой стороны, поскольку такие лица считаются военнопленными¹, то признание их потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 356.1 УК РФ, было бы оправданным.

С точки зрения объективной стороны преступления особый интерес вызывают несколько моментов.

Во-первых, законодателем мародерство понимается исключительно как хищение чужого имущества (хотя и с некоторыми изъятиями, обусловленными особенностями объекта посягательства: например, в части признака причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества). Поэтому исходя из смысла ст. 356.1 УК РФ форма хищения — кража, мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, разбой, вымогательство — квалификационного значения не имеет. Следовательно, возникает вопрос: как квалифицировать деяния, состоящие в требовании передачи чужого имущества или права на имущество или совершении других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего

¹ См. подробнее: Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Женева, 12 августа 1949 г.). Ст. 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

или его близких, т. е. в форме вымогательства? И возможна ли совокупность преступлений в отношении одного и того же предмета в том случае, если есть неудавшаяся попытка завладения им и последующее требование его передачи?

Во-вторых, особое значение законодателем придается некоторым факультативным признакам объективной стороны мародерства, а именно времени совершения преступления: а) в период военного положения; б) в военное время, а также особым условиям: а) в условиях вооруженного конфликта; б) в условиях ведения боевых действий. Под периодом военного положения понимается временной интервал с даты и времени начала действия военного положения, которые устанавливаются указом Президента Российской Федерации о введении военного положения, заканчивающийся датой и временем отмены (прекращения действия) военного положения². Военным временем считается период с момента объявления федеральным законом состояния войны в случае вооруженного нападения (агрессии) на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации либо с момента фактического начала военных действий до момента объявления об их прекращении, но не ранее фактического прекращения³. Боевые действия представляют собой организованное применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных)

² О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ : текст с изм. и доп. на 2 нояб. 2023 г. Ст. 1, п. 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11. П. 2, абз. 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

формирований и органов в военном конфликте, охватывающем все виды вооруженного противоборства, включая войны и вооруженные конфликты, а также в иных случаях в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (например, участие в операциях по поддержанию (восстановлению) международного мира и безопасности, принятие мер для предотвращения (устранения) угрозы миру, подавление актов агрессии (нарушения мира) на основании решений органов, уполномоченных их принимать в соответствии с международными договорами, участие в проведении контртеррористической операции, специальной военной операции либо защита Государственной границы Российской Федерации). Боевые действия ведутся в определенном районе и в определенный период при выполнении поставленных боевых (оперативных) задач¹.

При этом ни законодатель, ни Верховный Суд Российской Федерации совершенно не обращают внимания на установление места совершения преступления, которое имеет существенное значение для определения признаков мародерства и отграничения его от хищений, предусмотренных, например, главой 21 УК РФ. При буквальном толковании понятия «мародерство» можно допустить, что таковым является любое хищение в отмеченных законодателем условиях вне зависимости от места совершения общественно опасного деяния. Представляется, для правильной квалификации преступления, предусмотренного ст. 356.1 УК РФ, необходимо четко определять место совершения преступления, так как наряду с социально-политической обстановкой оно имеет центральное значение. Логично предположить, что местом совершения мародерства признается поле

боя, а похищение вещей у тех же лиц, но в другом месте, находящемся рядом с полем боя (полевой госпиталь, лагерь), относится к преступлениям против собственности, предусмотренным главой 21 УК РФ. Однако, как уже отмечалось, в самой норме уголовного закона, предусматривающей ответственность за мародерство, нет указания на место совершения преступления. Следовательно, возникает логичный вопрос: любая ли кража у раненого или убитого участника СВО на территории ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областей будет являться мародерством? Формально все обязательные признаки в наличии, но целесообразность вменения в данной ситуации ст. 356.1 УК РФ вызывает некоторые сомнения.

Исходя из законодательного определения мародерства, можно сделать вывод, что, по сути, отношения, на которые может посягать данное деяние, исчерпываются сферой военного конфликта. Однако такое положение вещей едва ли возможно считать оправданным: не меньшей общественной опасностью, как представляется, обладают действия, которые с учетом законодательной конструкции ст. 356.1 УК РФ нельзя напрямую отнести к мародерству, например хищения, совершаемые при катастрофах, стихийных бедствиях, контртеррористических операциях, техногенных авариях. Хищения при подобных обстоятельствах не охватываются ст. 356.1 УК РФ. В качествеотягчающего обстоятельства в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ предусмотрено совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, что формально позволяет в общеуголовных составах учесть эти обстоятельства при

¹ Там же. П. 2, абз. 7.

назначении наказания, однако, учитывая характер уголовно-правовых санкций, например ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 356.1 УК РФ, можно сделать вывод о том, что при прочих равных условиях санкция последней из указанных норм является в некоторых случаях более мягкой (например, в части отсутствия дополнительных видов наказания). Отметим, что в УК РСФСР 1960 года существовала уголовно-правовая норма, предусматривавшая ответственность за мародерство как воинское преступление. После землетрясения в Спитяке Пленум Верховного Суда СССР расширил это понятие

и рекомендовал судам принимать самые жесткие решения против тех, кто замешан в мародерстве в указанной обстановке [5]. В зарубежном законодательстве данные обстоятельства, как правило, учитываются. Например, в Уголовном кодексе Кыргызской Республики в ст. 412 мародерство определено как похищение вещей, в том числе принадлежащих убитым или раненым, во время военных действий, стихийных бедствий, техногенных, авиа- и железнодорожных и иных видов катастроф, чрезвычайных ситуаций или массовых беспорядков с целью завладения ими¹.

Список источников

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. Е-Муж / пер. с нем. и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стер. Москва : Прогресс, 1986. 671 с.
2. Советская военная энциклопедия : в 8 т. / М-во обороны СССР, Ин-т воен. истории ; гл. ред. комис.: маршал Сов. Союза А. А. Гречко (пред.) [и др.]. Москва : Воениздат, 1977 – 1978.
3. Трунов И. Л. Мародерство – преступление международного характера // Адвокат. 2004. № 9. С. 27–32.
4. Лобач Д. В. Уголовно-правовая характеристика мародерства как преступления против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 53–61.
5. Волкова Н., Богомолов А. Профессия – мародер // Огонек. 2006. 25 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2297226> (дата обращения: 12.12.2023).

Информация об авторах

Д. А. Безбородов – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

В. В. Сомко – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

D. A. Bezborodov – Professor at the Department of criminal law, criminology and penal enforcement law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Associate Professor at the Department of criminal law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg), Candidate of Science (Law), Associate Professor;

V. V. Somko – Student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата обращения: 20.12.2023).

Научная статья
УДК 343. 3/7

ИНТЕРНЕТ НА «СЛУЖБЕ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ НАВРАСТВЕННОСТИ

Владимир Николаевич БУРЛАКОВ¹, Лилия Николаевна ПЛОТКИНА²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, parus348@mail.ru

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, lin68@bk.ru

Аннотация. Возможности информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» востребуются в разных противоправных целях, вследствие чего информационная сфера становится криминогенной, создается угроза информационной безопасности. Значение Интернета при совершении преступлений постепенно повышается. Для практических работников и ученых давно стало ясно, что незаконный оборот наркотиков и порнографии «ушел в Интернет». Значит, уголовное законодательство обязано этому противодействовать. Но в настоящее время уголовная ответственность не предусматривается за «уход в Интернет» для многих преступлений. Например, преступления, связанные с прокси-наркотиками и иными вредоносными веществами, совершаются в том числе с использованием сети «Интернет», однако пока закон в этой части молчит. В статье обосновывается возможность дополнения нескольких статей о преступлениях против здоровья населения (ст. 230.1, 230.1, 234, 234.1, 238 УК РФ) признаком «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“», и предлагается подумать об использовании этого признака в составах преступлений против общественной нравственности (ст. 240, 241 УК РФ).

Ключевые слова: Интернет в составе преступлений, криминализация распространения пронаркологической и просексуальной информации

Для цитирования: Бурлаков В. Н., Плоткина Л. Н. Интернет на «службе» преступлений против здоровья населения и общественной нравственности // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 26–33.

Original article

THE INTERNET IN THE «SERVICE» OF CRIMES AGAINST PUBLIC HEALTH AND PUBLIC MORALITY

Vladimir N. BURLAKOV¹, Lilia N. PLOTKINA²

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, parus348@mail.ru

² A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, lin68@bk.ru

Abstract. The capabilities of the information and telecommunications network «Internet» are much in demand for various illegal purposes, as a result of which the information sphere becomes criminogenic and poses a threat to information security. The importance of the Internet in committing crimes is steadily growing. For both practitioners and theorists, it has long been clear that the illegal trafficking of drugs and pornography has «gone online», and therefore, criminal law

© Бурлаков В. Н., Плоткина Л. Н., 2024

is bound to counteract this. But so far, criminal liability does not cover the entire variety of the crimes that turn to the Internet. For example, crimes related to proxynarcotics and other harmful substances are also committed using the Internet as well, but so far the law in this respect is silent. The article substantiates the reasonableness of supplementing the definition of several articles (Articles 230.1, 230.1, 234, 234.1, 238 of the Criminal Code of the Russian Federation) with the element «using information and telecommunication networks, including the Internet». The authors propose to consider whether it will be worthwhile to use this element in the definition of corpus delicti for crimes against public morality (Articles 240, 241 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: the Internet as an element in corpus delicti of crimes, criminalization of the dissemination of pro-drug and pro-sexual information

For citation: Burlakov V. N., Plotkina L. N. The Internet in the «service» of crimes against public health and public morality. *Criminalist*. 2024;2(47):26-33. (In Russ.).

С появлением Интернета его использование при совершении преступлений становится вопросом времени. Возможности информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», востребуются в разных противоправных целях, вследствие чего информационная сфера становится криминогенной, что создает угрозу информационной безопасности государства. Отражение этой угрозы нашло место в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400.

В нормах уголовного права сеть «Интернет» упоминается все чаще. От характеристики как предмета преступления законодатель переходит к отнесению использования сети «Интернет» к способу или средству совершения преступления и в последнее время к самому деянию (ст. 242, 242.1, 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Использование сети «Интернет» при совершении преступления, как правило, повышает его общественную опасность. Об этом свидетельствует включение данного признака в качестве квалифицирующего признака состава преступления.

Впервые сеть «Интернет» как признак преступления появляется в 2012 году, и за прошедшее время данный признак на порядок увеличил свое представитель-

ство в УК РФ. Наиболее востребованным он оказался при криминализации деяний в сферах личной, конституционной, экономической, информационно-компьютерной, общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, государственной безопасности. Сегодня он предусмотрен во многих статьях УК РФ.

Например, в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, ч. 3 ст. 137 УК РФ, ст. 159.6 УК РФ, ст. 171.2 УК РФ, ст. 185.3 УК РФ, ст. 282 УК РФ, ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, ст. 222 – 222.2 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, ч. 2 ст. 230 УК РФ, ч. 1.1 ст. 238.1 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ, ч. 2 ст. 245 УК РФ, ст. 274 УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 2 ст. 280.1 УК РФ.

Если темпы включения признака «в сети „Интернет“» в статьи Уголовного кодекса сохраняются, то уже через три-четыре десятка лет он будет сопутствовать чуть ли не каждому второму преступлению.

Любая техника повышает эффективность совершения преступления. Интеллектуальная техника в особенности. Пока указание сети «Интернет» ограничивается объективными признаками состава преступления, но в будущем может стать признаком и других его элементов. Компьютеризация преступлений имеет многоаспектное значение в уголовном праве. Преступления с использованием

сети «Интернет» совершаются в разных сферах жизнедеятельности человека, интенсивность их совершения повышается, сеть «Интернет» становится связующим звеном у разных преступлений, делает их более изоцированными и скрытными.

Предметом исследования в данной статье являются преступления против здоровья населения и общественной нравственности.

Для практиков и ученых давно стало ясно, что распространение наркотиков «ушло в Интернет», поэтому появилась необходимость ограничить право на свободу информации, чтобы затруднить деятельность наркодельцов разного калибра.

Однако пока в Уголовном кодексе криминализовано использование сети «Интернет» при сбыте наркотиков (ч. 2 ст. 228.1 УК РФ) и при вовлечении конкретного лица в их потребление (ч. 2 ст. 230 УК РФ). В 2020 году этот признак появился в ч. 1.1 ст. 238.1 УК РФ об ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных лекарственных средств. Но этого явно недостаточно, если учесть, что многие другие преступления, связанные с прокси-наркотиками и иными вредоносными веществами, также совершаются с использованием сети «Интернет».

В целом интернет-преступления можно разделить на две группы:

1) общие интернет-преступления — общественно опасные деяния, использование при совершении которых электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», является способом или средством совершения преступления;

2) специальные интернет-преступления — общественно опасные деяния, при совершении которых предметом посягательства выступают электронные или информационно-телекоммуникационные сети.

Преступления, о которых пойдет речь в данной статье, относятся к первой группе. Изучение практики квалификации наркопреступлений совершаемых с использованием сети «Интернет», показывает, что запоздалая оценка законодателем роли сети «Интернет» в совершении этих преступлений компенсировалась путем использования институтов соучастия, неоконченного преступления и множественности преступлений. Но оказалось, что это чревато разнобоями практики и, как следствие, приводит к уходу преступников от справедливой или вообще уголовной ответственности.

Правомерен вопрос, почему за распространение информации о пронаркоотическом или сексуальном контенте, которая создает предпосылки для совершения преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, не предусмотрена самостоятельная уголовная ответственность. Как, например, за распространение заведомо ложной, порочащей человека информации среди третьих лиц — ст. 128.1 УК РФ.

Только благодаря усилиям ученых в Уголовном кодексе появился в ч. 2 ст. 230 квалифицирующий признак, предусматривающий ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Безусловно, этот квалифицирующий признак положительно влияет на уголовно-правовую превенцию, поскольку расширяет объективную сторону склонения к потреблению наркотиков и оно становится окончательным преступлением уже с момента распространения пронаркоотической информации.

Такой вывод не противоречит позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Рс-

сийской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 (ред. от 16 мая 2017 года) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», согласно которой оконченным считается склонение к потреблению наркотиков с момента совершения умышленных действий, направленных на формирование умысла у другого лица употребить наркотик.

К подобным действиям, как мы считаем, относится размещение в сети «Интернет» информации, побуждающей к потреблению наркотиков. Данной информацией можно считать сведения, предназначенные для незаконного приобретения, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также для незаконного приобретения, выращивания и переработки растений, их содержащих.

Поэтому моментом окончания этого преступления будет: создание веб-сайта для размещения информации, направленной на склонение других лиц к потреблению наркотических средств; создание учетной записи в системе обмена мгновенными сообщениями или электронного почтового ящика в социальной сети с целью последующего склонения других лиц к потреблению наркотических средств.

Субъектом этого преступления можно было бы признавать лицо, обладающее навыками применения компьютерных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», которые используются при совершении наркопреступления. К таким лицам теперь могут относиться владельцы, создатели, а также операторы сайта или персональной страницы в социальной сети, на которых размещена информация пронаркотического характера [1, с. 562].

Ситуация с размещением пронаркотической информации в сети «Интернет» в Российской Федерации такова, что число сайтов пронаркотического содержания постоянно растет. Так, если в 2005 году поисковый сервер Google давал ссылку на 191 тыс. сайтов по теме «наркотики»¹, то в 2010 году данная цифра составила уже более 5 млн², в 2011 году — 6,17 млн³, в 2012 году — 37,9 млн⁴, в 2017 году — 411 млн⁵, в 2020 году — 2 140 млн⁶.

Ситуация усугубляется фактором группового общения в социальных сетях, участники которого обсуждают различные вопросы, касающиеся наркотиков. Соответственно, отмечается рост числа наркопреступлений, совершенных с использованием сети «Интернет». По результатам анализа информации, содержащейся в базе судебных актов судов общей юрисдикции, по всем регионам их количество увеличилось в 3,5 раза и составило по ст. 228, 228.1 УК РФ в 2013 году — 5 % от общего числа документов, в 2014 году — 7 %, в 2015 году — 9 %, в 2017 году — 13 %, в 2018 году — 18 %.

По ст. 228.1 УК РФ (с 2013 года введен п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ) количество таких преступлений, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных

¹ Результаты поиска по запросу «наркотик». URL: <https://www.google.ru/search?q=наркотик> (дата обращения: 11.04.2005).

² Результаты поиска по запросу «наркотик». URL: <https://www.google.ru/search?q=наркотик> (дата обращения: 27.07.2010).

³ Результаты поиска по запросу «наркотик». URL: <https://www.google.ru/search?q=наркотик> (дата обращения: 16.05.2011).

⁴ Результаты поиска по запросу «наркотик». URL: <https://www.google.ru/search?q=наркотик> (дата обращения: 21.01.2012).

⁵ Результаты поиска по запросу «наркотик». URL: <https://www.google.ru/search?q=наркотик> (дата обращения: 18.03.2017).

⁶ Результаты поиска по запросу «drugs». URL: <https://www.google.com/search?q=drugs> (дата обращения: 22.01.2020).

сетей, включая сеть «Интернет», составляет: 2013 год — 4 % от общего числа документов, 2014 год — 5 %, 2015 год — 8 %, 2017 год — 13 %, 2018 год — 18 %, 2019 год — 20 %¹.

Высокие темпы роста наркопреступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, отмечают и исследователи [2, с. 27].

В законодательстве зарубежных стран использование сети «Интернет» как признак состава преступления встречается значительно чаще по сравнению с Россией. Например, в уголовном законодательстве США (федеральном и штатов), в отличие от российского уголовного законодательства, ответственности за рекламу наркотиков посвящен самостоятельный подраздел, где в качестве отдельного признака выделяется использование сети «Интернет».

При этом каждое единичное использование средства связи считается отдельным правонарушением. Для целей данного подраздела термин «средство связи» означает любые публичные и частные средства связи, используемые для передачи письменных сообщений, знаков, сигналов, изображений или звуков всех видов, и включает в себя почту, телефон, проводную связь и радиосвязь и все другие средства связи. Цель рекламы состоит в поиске или предложении незаконно получить, купить или распространить контролируемое вещество².

В штате Квинсленд Австралии установлена уголовная ответственность за публикацию или загрузку рецепта (инструкции) для производства опасного наркотика. Например, загрузка инструкции, как сварить метамфетамин,

найденной поисковой системой в сети «Интернет», наказывается лишением свободы до 25 лет³.

К критериям криминализации деяний, как известно, относится: их относительная распространенность и опасность; адекватность уголовно-правового запрета; реальные материальные возможности для реализации ответственности; международный опыт; однозначная поддержка общественным мнением. Последний критерий достаточно стабильно отмечается исследователями.

В российском законодательстве распространение информации о пронаркотическом контенте охватывается понятием пропаганды или незаконной рекламы наркотиков, за которые предусмотрена административная ответственность по ст. 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Однако сегодня очевидна малоэффективность этой формы ответственности.

Такую ситуацию пытаются изменить. Так, группа депутатов (С. М. Миронов и др.) подготовила 6 ноября 2019 года и внесла в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект о криминализации пропаганды наркотиков в сети «Интернет». Однако он был возвращен субъектам права законодательной инициативы в связи с несоответствием законопроекта требованиям ст. 104 Конституции Российской Федерации и п. «к» ч. 1 ст. 105 Регламента Государственной Думы.

Далее последовала инициатива МВД России (27 декабря 2019 года) по принятию федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за склонение к потреблению, пропаган-

¹ Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 22.01.2020).

² Title 21 United States Code (USC) Controlled Substances Act. URL: <http://www.deadiversion.usdoj.gov/21cfr/21usc> (дата обращения: 05.09.2016).

³. URL: <https://www.qld.gov.au/law/crime-and-police/types-of-crime/drug-offences> (дата обращения: 05.09.2016).

ду незаконных потребления, оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, культивирования или оборота растений или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества)».

В нем, в частности, предлагалось установить уголовную ответственность за пропаганду незаконного потребления, оборота наркотиков, культивирования или оборота наркосодержащих растений, под которой понимается массовое распространение информации, разъясняющей, обучающей действиям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, а также вызывающей интерес к участию в таком обороте либо положительное отношение к потреблению наркотиков.

В научной литературе встречаются и другие варианты правовой оценки таких действий. Например, предлагается рассматривать распространение информации об изготовлении и переработке наркотиков как собственно склонение в рамках ч. 2 ст. 230 УК РФ или считать, что пропаганда наркотиков в сети «Интернет» тождественна незаконной рекламе наркотиков, поэтому нужно исключить административную ответственность за рекламу таких веществ и признать ее частью стадии приготовления к сбыту [3, с. 10].

Исходя из вышесказанного, становится ясно, что сегодня криминализация использования Интернета при совершении наркопреступлений не должна исчерпываться ст. 228.1 и 230 УК РФ.

Полагаем необходимым в целях эффективного противодействия наркотизации в России включить использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», в качестве квалифицирующего признака в следующие статьи главы 25 УК РФ: ч. 2 ст. 230.1 УК РФ, ч. 2 ст. 234 УК РФ, ч. 2 ст. 234.1 УК РФ, ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Вторая группа преступлений, ответственность за совершение которых установлена нормами главы 25 УК РФ, — посягательства на общественную нравственность. Будучи системой ценностей, нравственность не является исключительно продуктом наследования. Ее формирование начинается с воспитания, опирающегося на традиционные духовно-нравственные ценности. Свою роль в этом процессе имеет и право. Понижение нравственного здоровья общества всегда стимулирует преступность, которая, в свою очередь, через преступления эксплуатирует нравственные пороки.

Задача укрепления морально-нравственных ценностей в настоящее время актуализировалась потому, что завуалированная форма безнравственности современного российского общества с его свободными нравами является в большинстве случаев причиной многих социальных девиаций, включая преступления. Об актуальности задачи сохранения и развития духовно-нравственных ценностей говорится в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809.

Прежде всего, нужно отметить негативное влияние на формирование российских духовно-нравственных ценностей европейской идеологии прав человека, которая обладает «первородным грехом» пиетета к либеральным правам, имеющим тенденцию утрачивать связь с моралью и нравственностью. Сегодня, в эпоху постмодерна, своеобразным «дресс-кодом» общественной нравственности становится абсолютизация либеральных прав человека, вследствие чего нравственными считаются гомосексуальные связи, однополые браки, гендерное разнообразие.

Появились и другие факторы, которые действуют против нравственного здоровья общества. В частности, речь может идти о цифровизации, которая наряду с положительным воздействием привнесла в жизненное пространство каждого человека ряд негативных проблем в области культуры здоровья. Будет уместным назвать основные угрозы современного цифрового общества, которые влияют на нравственное здоровье и содержатся в сети «Интернет».

Речь идет о сайтах, содержащих изображения порнографического или иного неприемлемого сексуального характера (секс-эксплуатация); сайтах о наркотиках; сайтах, пропагандирующих насилие и нетерпимость; сайтах, распространяющих дезинформацию; сайтах, позволяющих детям принимать участие в азартных онлайн-играх. И это только небольшая выборка из большого списка вредоносных сайтов.

Знакомство с этими сайтами создает кумулятивный вредоносный эффект, в особенности для молодежи, так как оказывает разрушающее воздействие на их психику и стимулирует к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и здоровью. Таким образом, формирование нравственных основ жизнедеятельности — это комплексный институт, включающий экономические, организационно-управленческие, социальные, морально-психологические, санитарно-эпидемиологические, медицинские, культурно-нравственные, профилактические и правовые меры [4, с. 48].

Очевидно, что порнографический контент, как и пронаркотический, осваивает в первую очередь интернет-аудитория подросткового возраста. А этот фактор, как правило, повышает общественную опасность преступлений против общественной нравственности по нескольким причинам.

Во-первых, эти преступления проникают в среду подростков, которые становятся одновременно жертвой преступления и его субъектом.

Во-вторых, совершение преступления становится более скрытым, затрудняющим раскрытие, пресечение и расследование.

Ведь сам подросток не будет рассказывать об опыте знакомства с наркотиками и порнографией в сети из элементарного страха или чувства стыда.

В-третьих, субъектом распространения порнографического контента становится самая продвинутая интернет-аудитория, для которой легче замести следы незаконной деятельности.

Как показывает статистика, каждый третий несовершеннолетний в возрасте от одиннадцати до шестнадцати лет когда-либо получал электронное сообщение, содержащее материалы (видео или письма) сексуального характера, а каждому шестому несовершеннолетнему приходят подобные сообщения как минимум один раз в месяц.

Уголовное право Российской Федерации вовремя среагировало на это явление. В статьях 242, 242.1 и 242.2 УК РФ, предусматривающих ответственность за незаконный оборот порнографических материалов и предметов, появился квалифицирующий признак «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“».

Обращаясь к ст. 242 УК РФ, нужно отметить, что предусмотренное в ней деяние, а именно распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов и предметов среди несовершеннолетних, может быть одновременно разновидностью развратных действий по смыслу ст. 135 УК РФ.

Законодатель сформулировал этот специальный состав разврата, оставив

для ст. 135 УК РФ лишь «легкую форму» вовлечения несовершеннолетних в порнографию (так называемый интеллектуальный способ развратных действий, когда несовершеннолетний является потребителем порнографии). Поэтому и в ст. 135 УК РФ было бы целесообразно включить квалифицирующий признак «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“».

Но помимо порнографического контента на общественную нравственность разлагающе влияют платные услуги сексуального характера, которые осваива-

ются в сети «Интернет». А дальше в эту сферу войдет искусственный интеллект, который вполне сможет заменить традиционные публичные дома. Уголовное право могло бы противостоять этому явлению, так сказать, действовать на опережение.

Не вдаваясь в подробности обоснования, предлагаем дополнить ч. 2 ст. 240 УК РФ и ч. 2 ст. 241 УК РФ квалифицирующим признаком, предусматривающим ответственность за сексуальную эксплуатацию: «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“».

Список источников

1. Бурлаков В. Н., Плоткина Л. Н., Щурова А. С. Ограничения права на распространение информации в сети Интернет в свете противодействия наркопреступности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 3. С. 550–562.
2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова [и др.]. Москва : ВНИИ МВД России, 2018. 86 с.
3. Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 5–12.
4. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Должно ли уголовное право обеспечивать принудительность моральных запретов? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 1. С. 40–49.

Информация об авторах

В. Н. Бурлаков – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Л. Н. Плоткина – доцент кафедры безопасности жизнедеятельности Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат психологических наук.

Information about the authors

V. N. Burlakov – Professor at the Department of criminal law of the St. Petersburg State University, Doctor of Science (Law), Professor;

L. N. Plotkina – Associate Professor at the Department of life safety of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Candidate of Science (Psychological).

Научная статья
УДК 393.985

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА ЧАСТЬ 2. МЕТОДИКА PEACE

Максим Рудольфович ГЛУШКОВ

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, glushkov.mr@skspba.ru

Аннотация. В статье излагаются базовые положения методики допроса PEACE, получившей распространение в полиции Великобритании. Аббревиатура отражает основные этапы допроса – планирование и подготовку (Planning & Preparation), вовлечение и объяснение (Engage & Explain), собственно допрос (Account), закрытие (Closure) и оценку (Evaluation). Особое место в методике занимают комфортная обстановка допроса и доброжелательный настрой следователя, который в ходе беседы смещается на второй план, уступая инициативу допрашиваемому. Несложные, казалось бы, подходы обеспечивают тем не менее существенный прирост получаемой информации. Как недостатки PEACE отмечаются ее трудоемкость и неизбежный характер.

Ключевые слова: Акт о полиции и доказательствах по уголовным делам (PACE), методика PEACE, свободный рассказ, вопросы TED, вопросы 5WH, закрытые вопросы, зондирование темы, активное слушание, неизбежность, обзор темы

Для цитирования: Глушков М. Р., Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 2. Методика PEACE // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 34 – 39.

Original article

FOREIGN EXPERIENCE IN THE USE OF TACTICAL INTERROGATION TECHNIQUES. PART 2. PEACE METHODOLOGY

Maxim R. GLUSHKOV

*St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, glushkov.mr@skspba.ru*

Abstract. The article outlines the basic provisions of the PEACE. interrogation technique, which has become widespread in the UK police. The abbreviation reflects the main stages of the interrogation – Planning & Preparation, Engagement and Explanation, Account, Closure, Evaluation. A special place in the methodology is occupied by the comfortable atmosphere of the interrogation and the friendly attitude of the investigator, who during the conversation shifts to the background, giving the initiative to the interrogated. Seemingly simple approaches provide, nevertheless, a significant increase in the information received. As the PEACE disadvantages its labor intensity and indiscriminate nature are noted.

Keywords: the Police and Criminal Evidence Act (PACE), PEACE technique, free story, TED questions, 5WH questions, closed questions, topic probe, active listening, non-selectivity, topic review

For citation: Glushkov M. R. Foreign experience in the use of tactical interrogation techniques. Part 2. PEACE methodology. Criminalist. 2024;2(47):34-39. (In Russ.).

© Глушков М. Р., 2024

Осенью 1974 года в Британии был совершен ряд терактов — от взрывов в пабах Гилфорда и Бирмингема погибли десятки человек. В преступлении были обвинены и затем приговорены к пожизненному лишению свободы две группы молодых ирландцев (четыре человека в первом случае и шесть во втором). Впоследствии оказалось, что признания у них были получены под пытками. В начале 1990-х годов все они были реабилитированы, отбыв к этому времени по 15–16 лет из назначенного наказания. Эти уголовные дела получили известность как дела «Гилфордской четверки»¹ и «Бирмингемской шестерки» и привлекли внимание общественности к методам работы полиции. К тому времени правительство тоже озаботилось проблемой ложных признаний. Проведенные исследования показывали, что детективы, как правило, не владеют методикой допроса и к тому же показывают общую некомпетентность, исходят из презумпции виновности допрашиваемого, ставят перед ним чрезмерно повторяющиеся, настойчивые и трудные вопросы, неспособны устанавливать необходимые факты и оказывают слишком сильное давление на оппонента [1, р. 4].

Решить проблему был призван принятый в 1984 году Акт о полиции и доказательствах по уголовным делам (PACE — *The Police and Criminal Evidence Act*). Он ограничивал тактику принуждения, физического и психологического манипулирования и предписывал обязательную аудиозапись допросов подозреваемых.

В 1993 году рабочая группа, в которую вошли сотрудники полиции и профессиональные психологи, представила набор рекомендаций по тактике производства допроса, названный PEACE.

¹ Автобиография одного из осужденных по этому делу была экранизирована — фильм «Во имя отца» (1993) выдвигался на премию «Оскар» в семи номинациях, не получив, правда, ни одной.

Рекомендации были приняты на вооружение полицией Великобритании и впоследствии еще нескольких стран. По модели PEACE строятся допросы в Норвегии², Новой Зеландии, Австралии, Швеции, Дании и Канаде³.

В отличие от техники Рида, это не обвинительная и бесконфликтная методика (от англ. *peace* — мир, спокойствие, покой). Ее создатели отказались от самого термина «допрос», учитывая его негативный оттенок, и процедуру получения показаний предлагают называть «интервью». Аббревиатура PEACE отражает его этапы (рис. 1).

«Р» означает планирование и подготовку (*Planning & Preparation*), которые в британской полиции понимаются в целом так же, как у нас, и подразумевают изучение материалов уголовного дела, данных о личности допрашиваемого, решение вопросов об участии третьих лиц, о применении технических средств и т. д.

«Е» — это вовлечение и объяснение (*Engage & Explain*). Начиная общение, полицейский должен разъяснить допрашиваемому, почему проводится допрос (интервью), с какой целью, как он будет проходить и кто в нем участвует. При этом исходят из того, что гражданин увереннее чувствует себя во время процедуры, суть которой ему понятна. Для PEACE это важно — здесь детектив смещается на второй план и происходит так называемая передача контроля [2, р. 13], когда инициатива остается у допрашиваемого.

Для установления взаимопонимания рекомендуется персонализировать интервью — следователю нужно внятно представиться и время от времени на-

² Норвежская модель называется KREATIVE, это тоже аббревиатура, образованная из начальных букв ключевых слов — коммуникация, верховенство права, этика и эмпатия и т. д.

³ В Канаде методика получила развитие под названием *Phase* (Фаза), этим подчеркивается поэтапность допроса.

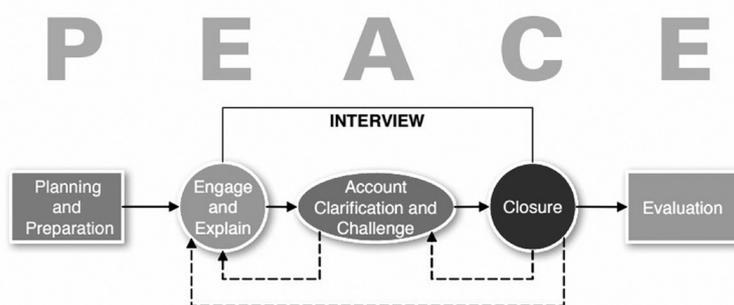

Рис. 1. Этапы допроса по методике PEACE¹

зывать собеседника по имени-отчеству [3, с. 21]. Для вовлечения может быть полезно также обсуждение бытовых тем и личных интересов, близких обоим участникам допроса, — если гражданин начал говорить на нейтральные темы, ему будет проще продолжить, когда речь пойдет о преступлении.

Несмотря на принятые меры, контакт с допрашиваемым по ходу допроса может нарушиться, и тогда с его последующих этапов придется возвращаться на *Engage & Explain* (пунктирные стрелки на рис. 1).

Собственно допрос, т. е. получение показаний, происходит на этапе *Account* (*account* — означает, помимо прочего, «отчет» и «отчитываться, объяснять»). Допрашиваемому предлагается подробно рассказать все, что он может вспомнить о происшествии, — безотносительно к тому, важно это (по его мнению) или нет [2, р. 18]. Если предмет допроса объемный, то он делится на части — темы, каждая из которых исследуется тем же способом.

Свободный рассказ составляет основу PEACE. Это роднит методику с когнитивным интервью. Некоторые авторы

Рис. 2. Сужение предмета допроса от открытых вопросов к закрытым²

¹ Заимствовано из: Shollum M. Bringing PEACE to the United States: A Framework for Investigative Interviewing. *The police chief*. 2017. November. P. 32.

² Заимствовано из: P.E.A.C.E. A different approach to investigative interviewing. *Forensic Interview Solutions* : website. P. 10. URL: <https://www.fis-international.com/assets/Uploads/resources/PEACE-A-Different-Approach.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

даже рассматривают его как элемент PEACE [3, с. 12], но речь идет, как представляется, все же о подходах разного порядка.

Интервьюер приглашает к беседе открытыми вопросами группы TED (*Tell me* – расскажите мне, *Explain to me* – объясните мне, *Describe for me* – опишите мне). Прерывать собеседника не рекомендуется [4, р. 14]. Конкретизировать изложение можно другим типом открытых вопросов – 5WH (*who* – кто? *what* – что? *which* – который? *when* – когда? *why* – почему? *how* – как?). Они должны быть короткими и не слишком сложными.

Чтобы не отвлекаться на протоколирование и при этом ничего не забыть, детектив должен вести заметки, о чем допрашиваемый предупреждается заранее [5] (как и вообще обо всем, что будет происходить на допросе, – см. выше).

Для большей конкретизации могут быть поставлены закрытые вопросы – предполагающие утвердительный или отрицательный ответ («Вы видели машину во дворе?», «Нападавший был один?»). Злоупотреблять ими не стоит, поскольку чем более узкие вопросы ставит допрашивающий, тем больше он контролирует интервью и тем больше шансов, что допрашиваемый отдаст инициативу и замкнется (в то время как задача PEACE состоит как раз в обратном – помочь раскрыться).

Сужение предмета допроса от открытых вопросов к закрытым может быть проиллюстрировано своего рода «воронкой». В нее может быть сведен допрос в целом (если его предмет невелик), но также «воронки» могут включаться следователем многократно, применительно к тому или иному факту, требующему особого внимания, – эта работа «вглубь» называется зондированием темы (*probe topic*).

Оставшиеся непонятными места детектив должен прояснить (*Clarification*

на рис. 1), если сделать это ранее не было возможности, например из тактических соображений – чтобы не ломать ритм допроса. Отдельные нестыковки и неточности рассматриваются как своего рода вызов (*Challenge*, означает также «сомнение» и «оспаривать»). Их устранение, однако, должно происходить без конфронтации – следователь с самого начала объясняет, что он здесь не для того, чтобы обвинять, а для того, чтобы устанавливать факты.

Во время рассказа допрашивающий применяет прием активное слушание, поощряя собеседника как вербально («ясно», «продолжайте», «угу», «mmm» и т. д.), так и нет (кивая головой, занимая открытую позу, делая пригласительный жест рукой и т. д.). Для большей эффективности рекомендуется использовать правильную рассадку – в креслах друг напротив друга [3, с. 22]. Это способствует открытости и доверительным отношениям, а также позволяет наблюдать за движениями и жестикულიцией допрашиваемого, что проблематично в случае привычной нам рассадки по разные стороны от стола, который становится барьером между собеседниками – в прямом и переносном смысле.

Документирование допроса (составление протокола или отчета) тоже происходит на этапе *Account*.

По завершении допроса требуется его правильно закрыть (*Closure*). Детектив обобщает полученную информацию, знакомит допрашиваемого с протоколом и выясняет, имеются ли дополнения и уточнения. При их наличии допрос возвращается в стадию *Account* (рис. 1). Также обсуждается дальнейшее взаимодействие с гражданином (если оно планируется, например дополнительный допрос или очная ставка).

Завершать общение лучше в позитивном ключе (даже если само оно прошло иначе) – детектив благодарит гражданина и дает их сотрудничеству высокую

оценку («Мы с Вами хорошо поработали»). Все это, во-первых, укрепляет контакт с конкретным допрошенным (не исключено, что его услуги и впрямь потребуются в будущем), а во-вторых, повышает авторитет правоохранительной системы в глазах общества, поскольку впечатлениями о допросе граждан, несомненно, поделится со своим окружением [1, р. 14].

Наконец, проведенный допрос нуждается в оценке (*Evaluation*). Детектив, во-первых, смотрит, насколько полученные показания вписываются в картину происшествия и требуется ли их проверять (уточнять). Во-вторых, он решает, задаются ли ими новые направления расследования и, соответственно, что по ним потребуются предпринять, — например, провести дополнительные следственные действия или консультации. В-третьих, он оценивает качество собственной работы, отмечая для себя, какие ее аспекты надо улучшать. Здесь желательна в том числе и сторонняя оценка — коллег или руководителя, которые, возможно, присутствовали на допросе или ознакомились с его ходом по протоколу, видеозаписи либо со слов интервьюера [6].

Методика РЕАСЕ получила признание в психологическом сообществе, поскольку избегает неэтичных практик и научно обоснована. Она опирается на свободное вспоминание и, соответственно, на сотрудничество с допрашиваемым, поэтому эффективна в первую очередь при работе с потерпевшими и свидетелями, позволяя, по некоторым данным, получать на 30–50 % больше корректной информации [1, р. 14]. Однако есть данные о том, что с началом ее применения продуктивность допросов обвиняемых тоже повысилась — количество признаний вины, полученных полицией, не упало, в то время как ка-

чество по понятным причинам возросло [2, р. 19; 7, р. 46–47; 8, р. 30]¹.

Из недостатков методики, как представляется, можно отметить явную затратность по времени, а также неизбежность — рекомендация вспоминать максимально подробно все подряд в каких-то (весьма редких) случаях себя оправдывает, но чаще приводит к накоплению лишней информации. Следовательно должен стремиться к получению не вообще всех сведений о происшествии, а лишь юридически значимых. На практике типичен не тот свидетель, из памяти которого часами нужно по крупицам извлекать значимые данные, а тот, кто располагает требуемой информацией (следователь часто даже знает наперед — кто именно), готов явиться на допрос и изложить ее. Например, очевидец административного задержания, в ходе которого гражданин толкнул сотрудника полиции. Следователю у такого свидетеля потребуются выяснить данные, подлежащие установлению согласно ст. 73 УПК РФ (место, время, способ и т. д.), а также ст. 318 УК РФ («Применение насилия в отношении представителя власти»), зафиксировать их в протоколе, ознакомившись с которым допрошенный удостоверит правильность записи и покинет отдел.

Передача контроля допрашиваемому помешает следователю очертить границы допроса и понять, с информацией какого объема он имеет дело, что чаще всего важно, поскольку позволяет планировать беседу и делать акценты в нужных местах. В то время как, управляя допросом, он мог бы справиться с этой задачей гораздо быстрее.

¹ В последнем источнике приводится возможное объяснение такой парадоксальной статистики — давление на обвиняемых, оказываемое в рамках конфронтационных техник, нередко отбивает желание к сотрудничеству даже у тех, кто изначально готов был на него пойти.

Вероятно, для решения этой проблемы один из источников предлагает в рамках PEACE такой прием, как обзор темы (*review topic*) [6]. Темой, напомним, принято называть часть предмета допроса. Прием, надо полагать, допускает отступление от общей установки на подробные воспоминания и за счет этого позволяет уже в начале допроса составить его рисунок.

Еще один существенный недостаток методики — она плохо применима в конфликтной ситуации.

В целом же PEACE, как представляется, заслуживает внимания, несмотря на то что многие ее положения хорошо знакомы отечественным правоприменителям (такие, как подготовка к допросу, свободный рассказ, психологический контакт) либо продиктованы простой логикой информативного общения (обзор темы, зондирование, сужение предмета допроса и др.).

Список источников

1. P.E.A.C.E. A different approach to investigative interviewing. 17 p. *Forensic Interview Solutions* : website. URL: <https://www.fis-international.com/assets/Uploads/resources/PEACE-A-Different-Approach.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).
2. Neal C. An Evaluation of Police Interviewing Methods: A Psychological Perspective. Honors Theses. 28 p. Digital Commons@University of Nebraska. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/honorstheses/94/> (дата обращения: 11.04.2023).
3. Методика процессуального интервью : аналитическая записка. Алматы : Центр исследования правовой политики (LPRC), 2022. 35 с.
4. Chen A. The Ineffectiveness of the Reid Technique in Law Enforcement Interrogations and How a Non-Accusatory Model of Interview Can Be Applied in Law Enforcement Interviews in the United States. Honors College Theses. *Spring*. 2021; 34. — Pace Digital Repository. URL: https://digitalcommons.pace.edu/honorscollege_theses/321 (дата обращения: 12.04.2023).
5. Orlando J. Interrogation techniques. Studocu. URL: <https://www.studocu.com/ph/document/city-of-malabon-university/bssed/interrogation-techniques/27824534> (дата обращения: 11.04.2023).
6. Cheat sheet on PEACE interviewing skills : website The Big Question Company. URL: https://uploads-ssl.webflow.com/5d7283bdea8b4683127fa133/5da03eed675e837968aa7241_BQC_Cheat_Sheet.pdf (дата обращения: 15.05.2023).
7. Kassin Saul M., Appleby Sara C., Perillo Jennifer Torkildson. Interviewing suspects: Practice, science, and future directions. *Legal and Criminological Psychology*. 2010;15:39-55.
8. Barron Todd W. The PEACE model of investigative interviewing: a comparison of trained and untrained suspect interviewers. Masters thesis, Memorial University of Newfoundland, October, 2017. 90 p. Memorial University Libraries. URL: <http://research.library.mun.ca/id/eprint/12911> (дата обращения: 12.04.2023).

Информация об авторе

М. Р. Глушков — заведующий лабораторией по исследованию проблем процессуальной деятельности следственных органов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

M. R. Glushkov — Head of the Laboratory for the Study of problematic processes in the activities of the investigative bodies of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.3/7

КВАЛИФИКАЦИЯ НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, СОПРЯЖЕННОГО С ДОВЕДЕНИЕМ ДО САМОУБИЙСТВА

Денис Геннадьевич ГОРОБЕЦ

Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, Gorobets_Denis_1975@mail.ru

Аннотация. В статье указывается на допущение теорией уголовного права и следственной практикой как идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ и п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, в случае совершения преступления родителями в отношении своего ребенка, так и поглощения деяния менее тяжкого – неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, деянием более тяжким – доведение до самоубийства.

Автором на основе анализа причин существующей неопределенности в уголовно-правовой квалификации деяний родителей, доведших детей до самоубийства, предлагается основанный на временном факторе критерий правовой оценки доведения родителями ребенка до самоубийства и неисполнения ими обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

В целях дальнейшего совершенствования правоприменительной практики обосновывается необходимость законодательных изменений, дополняющих ст. 156 УК РФ квалифицирующим признаком, связанным с наступлением тяжких последствий, под которыми понимается в том числе и самоубийство.

Ключевые слова: жестокое обращение с несовершеннолетним, неисполнение обязанности по воспитанию, доведение до самоубийства, идеальная совокупность преступлений, предмет преступного посягательства, способ совершения преступления

Для цитирования: Горобец Д. Г. Квалификация неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сопряженного с доведением до самоубийства // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 40 – 48.

Original article

QUALIFICATION OF NEGLECT OF DUTIES IN UPBRINGING OF A MINOR, INVOLVING INCITEMENT TO SUICIDE

Denis G. GOROBETS

Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Rostov-an-Don, Russia, Gorobets_Denis_1975@mail.ru

Abstract. The article points out that the theory of criminal law and investigative practice admit both an ideal aggregate of offences provided for in Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation and paragraph «a» of Part 2 of Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation in cases of a crime committed by parents against their child, and the merger of less serious act of «Neglect of duties in upbringing of a minor» by the more serious act of more serious «Incitement to suicide».

© Горобец Д. Г., 2024

The author, based on the analysis of the causes of the existing uncertainty in the criminal law qualification of the acts of parents who brought children to suicide, proposes a criterion based on the time factor for the legal assessment of bringing a child to suicide by parents and their failure to fulfill their responsibilities for the upbringing of a minor.

The author asserts that in order to further improve law enforcement practice, certain legislative changes are needed, supplementing the acts under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation with a qualifying element associated with ensuing grave consequences, including suicide.

Keywords: abuse of a minor, failure to fulfill the duty of upbringing, bringing to suicide, an ideal aggregate of crimes, the target of criminal encroachment, *modus operandi*

For citation: Gorobets D. G. Qualification of neglect of duties in upbringing of a minor, involving incitement to suicide. *Criminalist*. 2024;2(47):40-48. (In Russ.).

Как квалифицировать доведение родителями своего ребенка до самоубийства либо покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства?

Для многих практиков и теоретиков ответ очевиден. По совокупности ст. 156 и п. «а» ч. 2 ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предлагается квалификация рядом ученых-правоведов [1; 2; 3; 4]. Поддерживается данное мнение судьями при рассмотрении конкретных уголовных дел¹ и в целом судебной практикой².

Столь же убедительно указывается на избыточность квалификации по ст. 156 УК РФ другими представителями научного мира и высшими судебными инстанциями. Если при доведении до самоубийства жестокое обращение осуществлялось в отношении несовершенно-

летнего лицом, на которое возложены обязанности по его воспитанию, дополнительной квалификации по ст. 156 УК РФ не требуется [5].

Верховным Судом Российской Федерации исключается вменение ст. 156 УК РФ, если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего являются действиями, приведшими к последствиям, образующим самостоятельные составы преступления³.

Исключительная ориентация только на один из подходов с отрицанием правомерности другого весьма сомнительна, а сам вопрос о допустимой квалификации довольно дискуссионен.

Сосуществование в судебно-следственной практике и науке двух взаимоисключающих вариантов правовой оценки, возможно, объясняется различным уголовно-правовым наполнением понятия «неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка».

Начать пояснение следует со сравнительного анализа элементов объективной стороны обоих преступлений. Уголовно наказуемое доведение до самоубийства предполагает угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства.

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2004 г. № 58-004-43 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 3.

¹ Приговоры Зеленодольского городского суда Республики Татарстан от 24 мая 2022 г. по делу № 1-43/2022 и Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области от 1 декабря 2021 г. по делу № 1-111/2021 (Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 21.12.2023)).

² Обобщение Ставропольским краевым судом судебной практики рассмотрения уголовных дел по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозой его применения, за 2011 год и в первое полугодие 2012 года // Ставропольский краевой суд : офиц. сайт. URL: <http://kraevoy.stv.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=119> (дата обращения: 21.12.2023).

Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего должно совмещаться с жестоким обращением. Таким образом, основу обоих преступных деяний составляет жестокое обращение.

Очевидный бланкетный способ изложения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, позволяет для уяснения сути передаваемой информации использовать понятийный аппарат иных отраслей права, прежде всего семейного.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, комментируя положения ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации, разъяснил: «Жестокое обращение с детьми может выражаться, в частности, в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними...»¹.

В трактовке Всемирной организации здравоохранения под жестоким обращением с детьми понимаются насильственные действия или неправомерное бездействие в отношении детей в возрасте до 18 лет. Оно охватывает все виды физической и (или) эмоциональной жестокости, сексуального насилия, отсутствие заботы, невнимание и эксплуатацию в коммерческих или иных целях со стороны лица, выполняющего обязанности, пользующегося доверием или облеченного властью, которые приводят к нанесению реального или потенциального ущерба здоровью ребенка, его шансам на выживание, развитию или достоинству².

¹ О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Жестокое обращение с детьми. 19 сентября 2022 г. // Всемирная организация здравоохранения : сайт. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment> (дата обращения: 01.02.2024).

Примечательно отнесение российским законодательством физического и психического насилия к методам воспитания, естественно, запрещенным³.

Анализ объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, позволят описать преступные действия как применение запрещенных методов воспитания.

Следующий возникающий вопрос — о самостоятельности квалификации данных деяний по принципу идеальной совокупности либо их поглощении доведением до самоубийства несовершеннолетнего, п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ. Официальных разъяснений судебных органов относительно анализируемых составов преступлений не имеется.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации установлены подходы к правовой оценке многих преступных деяний, связанных с физическим насилием. Так, составом изнасилования охватываются деяния, предусмотренные ст. 112, 115, 116, 117, 119 УК РФ. Самостоятельной квалификации требует причинение тяжкого вреда здоровью⁴. Аналогично оцениваются преступные деяния, совершаемые в процессе разбоя⁵, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений под-

[int/ru/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment](https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment) (дата обращения: 01.02.2024).

³ Пункт 2 ст. 336 Трудового кодекса Российской Федерации и ч. 3 ст. 43 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»..

⁵ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 : текст с изм. и доп. на 15 дек. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чиненности¹, применение насилия в отношении представителя власти².

Оценка преступлений, не охваченных толкованиями в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, возможна на основе разъяснений Президиума Верховного Суда Российской Федерации³, поддерживаемых А. В. Наумовым [6], о квалификации сложного насильственного преступления по одной статье (или части) в тех случаях, когда санкция за такое преступление является более строгой по сравнению с санкциями за применение физического насилия в соответствующих статьях главы 16 УК РФ, а также рекомендаций Е. В. Безручко об учете тяжести наказания как критерия правовой оценки совокупности либо поглощения [7, с. 262]. При большей тяжести наказания по дополнительному преступлению образуется идеальная совокупность, в остальных случаях основное преступление поглощает дополнительное. Данное предложение логично и допустимо в следственно-судебной практике, но, разумеется, только для составов преступлений, не описанных в специализированных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Применение для ст. 156 и п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ изложенного в указан-

¹ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции : утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и трудах А. В. Наумова и Е. В. Безручко подхода к квалификации, состоящего в поглощении тяжким преступлением менее тяжкого, возможно при рассмотрении «жестокости обращения родителей со своим несовершеннолетним ребенком» в качестве дополнительного предмета преступного посягательства — доведения до самоубийства, и данная интерпретация указывает на правомерность мнения об отсутствии идеальной совокупности рассматриваемых преступлений при доведении родителями ребенка до самоубийства.

В случае же придания «жестокости обращению родителей со своим несовершеннолетним ребенком» значения способа доведения до самоубийства правильной будет квалификация по идеальной совокупности, также по аналогии с преступлениями, описанными в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации однозначно указывает на необходимость квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 и ст. 215.3 УК РФ⁴.

По совокупности квалифицируется основное преступление и преступление, являющееся способом совершения основного преступления, злоупотребление должностными полномочиями посредством служебного подлога⁵ и

⁴ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 : текст с изм. и доп. на 15 дек. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 :

значительное число иных аналогичных преступлений, описанных в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹.

В то же время необходимо учитывать позицию Верховного Суда Российской Федерации, исключая возможность самостоятельной квалификации деяний, являющихся, в свою очередь, квалифицирующим признаком основного преступления².

В рассмотренных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации группах преступлений (основное преступление и преступление-способ) не просматривается зависимость правовой оценки от тяжести наказания. В совокупности ст. 273 и 272 УК РФ санкция за использование вредоносной программы, выступающее способом совершения основного преступления — неправомерного доступа к компьютерной информации, более строгая. Напротив, в случаях злоупотребления должностными полномочиями в соотношении с преступлением, выступающим способом злоупотребления должностными полномочиями, — служебным подло-

текст с изм. и доп. на 11 июня 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“» (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 : текст с изм. и доп. на 15 дек. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гом, по которому санкция менее тяжкая, правовая оценка производится также по совокупности.

Обозначив предполагаемые причины различной правовой оценки соотношения ст. 156 УК РФ и п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, следует постараться определить, чем же является неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка — дополнительным объектом преступного посягательства при доведении родителями ребенка до самоубийства или способом доведения до самоубийства.

Начнем с общественной опасности данных преступлений. Для ст. 156 УК РФ она заключается в преступных действиях, а для п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ — в правовых последствиях. Схожая природа взаимосвязи злоупотребления полномочиями в коммерческой и иной организации (деяние) и преднамеренного банкротства (последствия), которые согласно следственно-судебной практике квалифицируются по совокупности³.

Теперь следует обратиться к субъективной стороне указанных преступлений. Несмотря на различность мнений относительно вины в доведении до самоубийства [8, с. 35 — 38], полагаю, наиболее обоснованным является признание косвенного умысла и неосторожности. Субъективная сторона неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних характеризуется прямым умыслом [1]. Теория уголовного права и следственно-судебная практика располагают множеством примеров идеальной совокупности преступлений с разными формами вины.

³ Приговор по делу о преднамеренном банкротстве и злоупотреблении полномочиями изменен: размер материального ущерба, причиненного действиями осужденного, уменьшен, поскольку при оценке размера материального ущерба необходимо было исходить из разницы между рыночной стоимостью имущества и стоимостью, по которой реализовывал имущество осужденный (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 октября 2005 г. № 50-Д05-22. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

В итоге ни единство умысла, ни правовая природа деяний не позволяют аргументировать ту или иную квалификацию рассматриваемых преступлений.

Возможным ключом решения проблемы станет применение временного критерия.

Безусловно, систематическим угрозам, жестокому обращению, унижению человеческого достоинства, доведшим несовершеннолетнего до самоубийства, присуща длительность. По конкретным преступлениям срок исчисляется месяцами и годами. При расследовании уголовного дела по обвинению Б. Т. А. в доведении дочери до самоубийства установлено, что побои, причиняемые обувью, ремнем и руками без какого-либо повода, угрозы лишением возможности жить дома и помещением в интернат, оскорбления продолжались с середины мая до начала октября¹. Обвиняемая Д. М. А. на протяжении 2018 и 2019 годов грубо, в том числе в нецензурной форме, оскорбляла малолетнего сына, говорила ему: «Могу дать тебе веревку, повесься! Я лучше один раз поплачу», наносила удары руками и деревянной палкой по лицу, голове, другим частям тела².

При квалификации преступлений по совокупности п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ и ст. 156 УК РФ следствием указывается идентичный период их совершения³. Следует признать остаточный принцип расследования деяний, предусмотрен-

ных ст. 156 УК РФ, в рамках уголовного дела о доведении до самоубийства. По сути, угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства, доведшие до самоубийства, расцениваются следствием как неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Разумеется, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, не может сводиться лишь к физическому и психическому насилию. Еще существенней различие в сроках преступных деяний. Несмотря на указанную длительность действий по доведению до самоубийства, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего — значительно более длительный процесс. Правильное либо неправильное, но воспитание родителями своего ребенка начинается с возраста возможности восприятия им информации и непрерывно продолжается до подросткового возраста, а возможно, и позже. Следовательно, исследуемый по ст. 156 УК РФ период должен начинаться с малолетнего возраста потерпевшего. Отождествление неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего с действиями родителей по доведению до самоубийства своего ребенка (практикуемое следствием) приводит к логичному выводу о предыдущем надлежащем воспитании, что, в свою очередь, порождает закономерный вопрос о причинах изменения поведения родителей. Сомнительна вероятность наступления события, резко приведшего к кардинальной смене воспитательного процесса. Полагаю, единственно правильным является оценка всего процесса воспитания без его деления на законное и незаконное.

Только при признании воспитания, начавшегося задолго до действий по доведению до самоубийства, как не

¹ Уголовное дело № 11902220064000133, возбужденное 6 октября 2019 г. по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ в отношении Б. Т. А. // Архив уголовных дел следственного отдела по Советскому району г. Н. Новгорода Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области.

² Уголовное дело № 12001220020000265, возбужденное 6 марта 2020 г. по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ в отношении Д. М. А. // Архив уголовных дел следственного отдела по г. Кстово Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области.

³ Там же.

соответствующего требованиям уголовного закона образуется идеальная совокупность с доведением до самоубийства. В остальных случаях следует считать вменение ст. 156 УК РФ в совокупности с п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ с совпадающими периодами совершения преступлений следственной уловкой, страхующей от возможной реабилитации подсудимого при признании судом угроз, оскорблений и побоев со стороны родителей исключительно воспитательным процессом.

Основная версия защиты родителей, доведших детей до самоубийства, строится на оправдании совершавшегося физического и психического насилия над ребенком благими намерениями, якобы заключающимися в необходимости применения суровых воспитательных мер. Возможно, относительно некоторых детей и допустим данный метод воспитания, но если он не приносит желаемого результата, то должен быть незамедлительно и окончательно прекращен. Продолжение его применения приносит только страдание детям без какого-либо положительного воспитательного эффекта. Со временем допустимая единичная жесткая воспитательная реакция родителей на проступки детей перерастает в неоправданно жестокий стиль общения и воздействия на них, исключая естественную для родителей добросердечность в отношениях с детьми.

Мнение автора судебной практикой не слишком поддерживается, и мотивом систематических, длительных оскорблений, угроз и побоев признается желание исправить детей.

Предвидя возможность данной судебной оценки, приводящей к оставлению действий родителей безнаказанными, следственные органы вынуждены дополнительно квалифицировать жесткое обращение родителей с детьми по ст. 156 УК РФ.

Противоправные действия Н. С. В., неоднократно выгонявшей свою несовершеннолетнюю дочь на улицу в холодное время, угрожавшей дочери помещением в детский дом, прилюдно причинявшей ударами физическую боль, высказывавшей нецензурные оскорбления и пожелания наступления смерти, послужившие причиной ее самоубийства, обоснованно расценены следствием как доведение до самоубийства, и по данному факту в отношении Н. С. В. возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ¹.

Предметом предварительного расследования являлись обстоятельства доведения несовершеннолетней до самоубийства. По его результатам Н. С. В. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Неоднократно допрашиваемая подозреваемая объясняла мотивы своего жестокого отношения к дочери исключительно желанием исправления ее недостойного поведения, заключающегося в плохих результатах учебы, отказе от помощи в бытовых домашних делах, нереагировании на замечания взрослых и т. п. Самоубийство дочери подозреваемая объяснила следующим образом: «Ей просто не нравилось, что ее заставляли быть ответственной, хорошо учиться, не прогуливать занятия»².

Возможное несогласие суда со следственной оценкой деяний Н. С. В. как доведения до самоубийства фактически вынудило следствие всего через три дня после предъявления обвинения в доведении до самоубийства дополнительно вменить Н. С. В. совершение преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ³.

¹ Уголовное дело № 11902600024000026, возбужденное 5 июня 2019 г. по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ // Архив уголовных дел Неклиновского межрайонного следственного отдела Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ростовской области.

² Там же.

³ Там же.

Распространенность в судебной практике квалификации физического и психического насилия родителей над детьми, приведшего к их самоубийству или попытке самоубийства, исключительно как неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего предопределяет сформировавшуюся следственную практику вменения совокупности рассматриваемых преступлений, «перекладывания» на суд окончательного решения о правовой квалификации содеянного.

Оправдывая К. В. В., суд указал на избрание им «противоречащего закону, недопустимого и ненадлежащего способа воспитания своих дочерей, сопряженного с угрозами, грубым, жестоким обращением, систематическим совершением насильственных действий и унижением человеческого достоинства»¹. Установленные в ходе судебного разбирательства «жестокое обращение, выражаемое в нанесении ударов рукой по голове, шнуром от зарядного устройства по ягодицам за получение в школе неудовлетворительных и удовлетворительных оценок, в запрете видиться с родной матерью, проживающей отдельно, близкими подругами, постоянной ругани и крике, в обделении вниманием по сравнению с другими детьми в семье, которым организовывались выездные развлечения, ежедневном непредоставлении необходимого питания, кормлении один раз в день, что привело к развитию дефицита массы тела, вызванного недостаточным поступлением пищевых веществ» не квалифицированы судом как доведение до самоубийства, и подсудимый оправдан в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 110 УК РФ. С обвинением в неис-

¹ Приговор Зеленодольского городского суда Республики Татарстан от 24 мая 2022 г. по уголовному делу № 1-43/2022 // Архив уголовных дел Зеленодольского городского суда Республики Татарстан.

полнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, выразившемся в тех же действиях, суд согласился и осудил К. В. В. по ст. 156 УК РФ².

Соглашаясь с практической целесообразностью применяемой следствием заведомо спорной квалификации, можно предложить законодательные изменения, обеспечивающие более понятную правовую оценку физического и психического насилия родителей над детьми, приведшего к их самоубийству. Добавление в ст. 156 УК РФ квалифицирующего признака — наступление тяжких последствий (ч. 2), под которыми по аналогии с разъяснениями постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно изнасилования, злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов следует понимать самоубийство, позволит ориентироваться на разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и относительно правил квалификации указанных преступлений.

При осознании родителями общественной опасности воспитания способом физического и психического насилия над детьми, предвидении возможности их самоубийства, нежелании этого, но сознательном допущении таких последствий либо безразличном отношении к ним деяние необходимо квалифицировать по совокупности ч. 1 ст. 156 УК РФ³ и п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ. Ранее приводимое высказывание Б. Т. А. «Могу дать тебе веревку, повесься! Я лучше один раз поплачу» прямо свидетельствует о косвенном умысле, а ее действия образуют идеальную совокупность преступлений.

В случае неосторожной вины относительно тяжких последствий неиспол-

² Там же.

³ Там же.

нения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, как по уголовному делу в отношении К. В. В., применявшего физическое и психическое насилие в воспитательных (по его мнению) целях, деяния следует квалифицировать по

предлагаемому дополненному квалифицирующему признаку, предусмотренному ч. 2 ст. 156 УК РФ, — «повлекшие тяжкие последствия», без дополнительной квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Список источников

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / В. А. Блинников, А. В. Бриллиантов, О. В. Вагин [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2015. 1185 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. (Постатейный). В 2 т. Т. 1 / Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков, А. В. Бриллиантов [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. Москва : Проспект, 2015. 792 с.
3. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации. Комментарий. Судебная практика. Статистика / А. Н. Александров, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова [и др.] ; под общ. ред. В. М. Лебедева ; отв. ред. А. В. Галахова. Москва : Городец, 2009. 1167 с.
4. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / С. А. Балев, А. П. Кузнецов, Л. Л. Кругликов [и др.] ; под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. Москва : Статут, 2012. 941, [1] с. (Учебник Казанского университета).
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В. П. Верин, О. К. Зателепин, С. М. Зубарев ; отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. Москва : Проспект, 2008. 699 с.
6. Уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов / Р. З. Абдулгазиев, Е. А. Антонян, П. В. Волосюк [и др.] ; отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. 448 с. (Высшее образование).
7. Безручко Е. В. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека: теоретико-правовое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Безручко Евгений Валерьевич. Ростов-на-Дону, 2018. С. 262.
8. Елисеева Н. М. К вопросу о содержании субъективной стороны квазисоучастия в доведении до самоубийства // Российский следователь. 2020. № 1. С. 35–38.

Информация об авторе

Д. Г. Горобец – доцент кафедры криминалистики Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат экономических наук.

Information about the author

D. G. Gorobets – Associate Professor at the Department of criminalistics of the Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Science (Economics).

Научная статья
УДК 343.9

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КРИМИНАЛЬНОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ НА МОЛОДЕЖЬ С ПОМОЩЬЮ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Лариса Владимировна ГОТЧИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены направления криминального воздействия на молодежь с помощью сети «Интернет» и определены предпосылки их криминологического познания. Выявлена значимость противодействия криминальным угрозам, распространяемым в киберпространстве, изложены проблемы и перспективы его реализации. Выделен метод рекламного воздействия как наиболее эффективный при криминальном влиянии на молодежь. Заявлены новые криминологические типы личности преступника – «компьютерный сбытчик», «национальный экстремист». Отмечены актуальные тенденции роста криминальных угроз в сети «Интернет», включающие: увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей; широкое распространение экстремистских идей и наркоидеологии через информационные технологии в образовательной среде; расширение границ пропаганды преступного поведения. Указаны потребности правоохранительной практики в цифровых технологиях, определена востребованность криминологических исследований и перспективной антирекламной антикриминальной кампании, противодействующей современным криминальным угрозам в киберпространстве. Выделено приоритетное направление сохранения российственности, заключающееся в национальном единении.

Ключевые слова: киберпреступность, сеть «Интернет», компьютерный сбытчик, идеология экстремизма, российственность, национальный экстремист, наркотики, оружие, проституция

Для цитирования: Готчина Л. В. О противодействии криминальному воздействию на молодежь с помощью сети «Интернет» // Криминалист. 2024. № 2 (47). С. 49–55.

Original article

ON COUNTERING CRIMINAL INFLUENCE ON YOUNG PEOPLE USING THE INTERNET

Larisa V. GOTCHINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, lgotchina@yandex.ru

Abstract. The article presents the directions of criminal influence on the young using the Internet and defines the prerequisites for their criminological cognition. The importance of countering criminal threats spread in cyberspace, problems and prospects of its implementation are revealed. The method of advertising influence is highlighted as the most effective in criminal influence on young people. A new criminological type of the criminal's personality has been declared – «computer distributor», «national extremist». The current trends in the growth of criminal threats on the

© Готчина Л. В., 2024

Internet are noted, including: an increase in the number of crimes committed using information and telecommunication networks; the widespread dissemination of extremist ideas and drug ideology through information technologies in the educational environment; the expansion of the bounds of propaganda of criminal behavior. The needs of law enforcement practice in digital technologies are indicated, the demand having been identified for criminological research and a promising anti-advertising anti-criminal campaign to counter modern criminal threats in cyberspace. The priority direction of preserving Russianness is highlighted, which consists in national unity.

Keywords: cybercrime, Internet, computer distributor, ideology of extremism, Russianness, national extremist, narcotic drugs, weapons, prostitution

For citation: Gotchina L. V. On countering criminal influence on young people using the Internet. *Criminalist*. 2024;2(47):49-55. (In Russ.).

Преступность с использованием информационных, телекоммуникационных технологий как разновидность противоправной деятельности создает реальную угрозу безопасности российского населения, является новым фактором напряженности в обществе. Этот вид преступности представлен деяниями, характеризующимися повышенной общественной опасностью в связи с увеличением криминогенности информационного пространства глобальной сети Интернет» [1, с. 247] «...за счет увеличения спроса на наркотики, оружие» [2], а также из-за не снижающегося спроса на секс-услуги, чему способствует открытость и доступность поисковых информационных систем.

Не менее важным фактором роста преступности с использованием информационных, телекоммуникационных технологий является «компьютеризация» молодого российского поколения. Увеличение потока информации в быденной жизни и профессиональном поле заставляет «компьютеризироваться» все население, плюсами чего являются экономия времени, расширение альтернатив при поиске информации в интернет-пространстве.

Ряд информационных ресурсов рекламируют альтернативные варианты легких заработков в виде продажи своего тела, наркотиков, оружия. Зачастую потребители таких информационных услуг общаются не с человеком, а специ-

альной компьютерной программой. Для разработки компьютерных программ востребованы математики и программисты. «Опасность использования преступниками искусственного интеллекта высокая, она обеспечивает массовость сбыта, привлечение новых потенциальных потребителей и уход от ответственности исполнителей — „компьютерных сбытчиков“» [1, с. 249].

Это новый криминологический тип личности преступника («компьютерный сбытчик») — лицо, которое совершает сбыт предметов преступления (наркотики, оружие, материалы или предметы с порнографическими изображениями) или оказывает услуги, предусмотренные диспозициями норм, содержащихся в ст. 222, 228.1, 242, 242.1, 232, 241 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Критерием выделения нового типа личности является прежде всего способ совершения уголовно наказуемых деяний.

Криминологические характеристики личности «компьютерного сбытчика»: по полу — данные преступления совершают как мужчины, так и женщины; их возрастной диапазон достаточно широкий — от 18 лет до 49 включительно; семейный статус «компьютерного сбытчика» отличается от семейного статуса корыстно-насильственного преступника большим процентом состоящих в браке и имеющих детей, что подтверждает

усиление криминализации российского населения из-за ухудшения социальных условий жизни. Среди «компьютерных сбытчиков» высок процент лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, в том числе техническим, что обуславливает необходимость внедрения дополнительных профилактических мер в образовательной среде высших учебных заведений.

Представленный тип личности преступника выделен на основании результатов проведенного авторского контент-анализа, исследования статистической отчетности и мнений ученых-криминологов [3, 4, 5, 6], является перспективным направлением криминологических исследований.

Немаловажным фактором, способствующим криминализации информационного пространства, является применение в нем метода рекламного воздействия. Будучи профессиональным продуктом, направленным на продвижение различных товаров, работ и услуг, реклама, несомненно, используется и для сбыта запрещенных в гражданском обороте предметов. В большинстве случаев она показывает привлекательные стороны товара завуалированно, источники его получения скрываются, место и время приобретения не публикуются, предоставляется возможность, как бы и для удобства и, конечно, с целью конспирации, индивидуализации незаконного приобретения наркотических средств, оружия, сексуальных услуг и пр.

При этом эффективность рекламного воздействия максимальна, так как сами рекламные продукты готовятся профессионалами, при этом учитываются важнейшие психологические знания о времени максимально эффективного воздействия на личность, именно для такого промежутка времени верстается ролик. При производстве рекламного продукта с целью его возрастной

специализации используются знания о психологических особенностях детей, населения подросткового возраста, молодежи. И результаты налицо: экстремистские мультитики, в том числе и для малолетних, успешно распространяемые на территории Украины на протяжении десятилетия, а может быть, и большего времени, сформировали ненависть к русскому населению как социальной группе, к представителям одной славянской нации. И детская формулировка «Бей москалей!», звучащая со стороны некоторых жителей Украины, бегущих из мест боевых действий на территорию Российской Федерации, живое тому подтверждение. Направлением противодействия такой экстремистской идеологии может выступить неодногодовая разъяснительная работа с малолетними, подростками и молодежью, практика сохранения семейственности, нравственных устоев, не допускающих повышения агрессии и половой переориентации, а также национального единения как единственного пути к сохранению российственности [7].

Внесем некоторую терминологическую ясность. Подростками мы называем лиц, которым исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет (в уголовном праве в соответствии с ч. 1 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) такой возрастной интервал характеризует категорию несовершеннолетних), детьми — лиц, не достигших 14 лет (в уголовном праве это малолетние).

Под молодежью как социально-демографической группой понимаем лиц в интервале от 18 до 29 лет включительно. В отношении этой группы прогнозируется резкое сокращение ее численности в России. Прогнозируется также обнищание российских граждан и нехватка трудовых кадров. Последнюю проблему

возможно решить только за счет миграционных процессов.

Жизненно важной является потребность в устранении существующих межнациональных разногласий в российском обществе. Такого же устранения требуют трения между гражданами Российской Федерации и иными лицами, проживающими в одном доме — России. Следует признать ее многонациональность и тем, кто не знал об этом, и тем, кто об этом забыл. Это российские десятилетние традиции.

К сожалению, распространяемые экстремистские идеи через информационные технологии в образовательной среде высокоэффективны. В российской ментальности на протяжении десятилетий сложились заостренные семейные устои, нравственные идеалы, сформировались стили поведения, одобряемые обществом. Сегодня заостренность как характеристика такого консервативного подхода и является положительным признаком здорового российского общества. Между тем навязываемые западным обществом насилие, однополые браки, так часто демонстрируемые в средствах массовой информации, в информационном поле, фильмах, — это попытки вмешательства с целью разрушения нашей российской ментальности.

Вообще «основная цель современной идеологии экстремизма и наркотизма — это сокращение численности славянского населения изнутри государства руками российской молодежи» [8, с. 35]. Как она реализуется? В ряде стран переписали учебники по истории, в них интерпретированы по-иному причины, ход и итоги Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов, школьники, получившие информацию из таких источников, иной истории не знают. Такое внедрение фальсифицированных образовательных программ сформировало новый тип личности

преступника — «национальный экстремист» [8, с. 35]. Последствия мы сейчас наблюдаем в виде совершения воюющими представителями «Мертвой головы» с особой жестокостью и цинизмом военных преступления. Исторический опыт такого зверства характеризовался бесчинствами «мертвоголовцев» в 1943 году в городе Харькове, на Курской дуге. Сегодня они там же применяют свой преступный потенциал.

Сам экстремизм представляет собой призывы к насильственным действиям против существующего политического, религиозного или социального строя; основной целью современной российской идеологии экстремизма является уничтожение нации. Тип жертвы в виде славянского населения определен критерием выделения нового типа личности «национальный экстремист». Русские, белорусы, украинцы относятся к восточным славянам.

Криминологическими характеристиками личности «национального экстремиста» являются: по полу — преобладают мужчины, но участие женщин также существенно, не менее 35 %; по возрасту — преобладают лица 18 — 29 лет, встречаются и несовершеннолетние; семейный статус характеризуется высоким процентом (более 50 %) неполных семей и втягиванием в экстремистскую деятельность своих близких (семейная криминальная специализация). Образовательные характеристики (вид образования, его завершенность) и характеристики занятости (соотношение работающих и неработающих) приближены к характеристикам корыстно-насильственного преступника.

Тип личности преступника «национальный экстремист» сформулирован на основе результатов авторского исследования, использовались исторический метод, метод включенного наблюдения в ходе специальной военной операции

(СВО), контент-анализ, анализировались мнения ученых-криминологов [9; 10; 11].

Перспективным профилактическим направлением является работа с несовершеннолетними с целью недопущения распространения среди них экстремистской идеологии. Еще семнадцать лет назад о таких российских перспективах писали доктор социологических наук профессор А. А. Козлов и доктор политических наук профессор Э. П. Теплов, проведя исследование в молодежной среде Европейской части России. «Среди положительно настроенных к экстремизму было больше лиц, живущих в неполной семье (27,1 % по сравнению с 21,6 % всей опрошенной молодежи). Не случайно, как выяснилось по ответам юношей и девушек, их относят (или относили раньше) к трудным подросткам (30,2 %). 48,1 % — желали участвовать в экстремизме» [12, с. 208 — 211].

Латентность преступной деятельности «национальных экстремистов» и «компьютерных сбытчиков» повышается с помощью различных информационных технологий.

С целью противодействия криминальному воздействию на молодежь, осуществляемому с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, законодатель предусмотрел квалифицирующие признаки в диспозициях норм ч. 2 ст. 110.2, ч. 2 ст. 205.2, п. «в» ч. 3 ст. 222, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. Такие уголовно-правовые нормы усиливают противодействие преступной идеологии, распространяемой с использованием информационных, телекоммуникационных технологий. Другие направления противодействия тоже есть, но для их реализации нужно длительное время, подготовка кадров, внедряющих разработки, основанные на междисциплинарном подходе.

Видится перспективной антирекламная антикриминальная кампания. Это новое направление государственного контроля за наполняемостью информационного пространства. Похожий контроль нужен и за продуктами информационной наполняемости сайтов, доступных как минимум малолетним и подросткам, с целью выявления незаконных предложений оружия, наркотиков, секс-услуг. Нужна определенная служба, состоящая из тех же программистов, информатиков, психологов, которые на систематической основе будут выявлять и блокировать такие информационные ресурсы. Систематичность работы таких специалистов позволит отслеживать продукты, новые по дате загрузки. То есть информационное пространство, представляющее в настоящее время информационный рынок, где реализуются и незаконные услуги, должен контролироваться с целью выявления и пресечения криминальных сделок, исключения формирования преступного имиджа и девиантного поведения молодого российского поколения.

Цифровые технологии применимы и в правоохранительной сфере, востребованы оперативными службами. Взаимосвязь между «цифровизацией» преступности, противодействием ей и безопасностью общества тесная. Однако «и законодатель, и правоприменитель не готов правильно реагировать на технологические перемены в мире, а реагировать должен» [3].

Справедливо мнение С. Ф. Милюкова об эффективности наказания в виде изоляции от средства, с помощью которого виновный зарабатывает деньги на продукте своей оцифровки. Речь идет о перспективе нового вида наказания, заключающегося в информационной изоляции.

Существуют и некоторые западные технологии в виде «программ, позволя-

ющих провести замены обращений с реальных сайтов распространителей наркотиков на фальшивые, реализующие незапрещенные вещества, когда искусственный интеллект выполняет функцию замены реального интернет-пространства на профилактический сайт» [1, с. 250]. Как следствие — снижение спроса на «бесконтактный сбыт».

Для внедрения таких технологий нужны криминологические исследования, в том числе в виде эксперимента по внедрению технологий.

«Компьютерный сбытчик» и «национальный экстремист», типы личности которых сформулированы нами,

представляют для национальной безопасности повышенную общественную опасность, состоящую для «компьютерного сбытчика» в направленности его преступного умысла против российского населения, в том числе и в виде распространения нравственных болезней (проституции) и зависимостей (наркотических). Повышенная общественная опасность «национального экстремиста» — в избранности жертвы, которой являются российские граждане. Поэтому указанные типы личности преступника требуют особого криминологического внимания и дополнительного криминологического исследования.

Список источников

1. Готчина Л. В. О цифровизации общества, преступности и противодействия ей // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 30 октября 2020 г. / Российский государственный университет правосудия ; под ред. Е. Н. Рахмановой. Санкт-Петербург : Астерион, 2020. С. 247–252.
2. Филонов Д. Интернет стал основным каналом сбыта синтетических наркотиков. URL: <https://ria.ru/20120207/559738738.html> (дата обращения: 29.11.2019).
3. Лебедев С. Я. Цифровой безопасности — цифровой уголовно-правовой ресурс. URL: <http://www.criminologyclub.ru/home/2-forthcoming-sessions/372-2019-11-13-11-25-36.html> (дата обращения: 29.11.2019).
4. Шестаков Д. А. Возвращаясь к безопасности ввиду «оцифровки» уголовного права. URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/373-2019-12-08-11-57-27> (дата обращения: 17.01.2024).
5. Зазулин Г. В. Безопасность от наркотизма в оцифрованном мире. URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/373-2019-12-08-11-57-27> (дата обращения: 17.01.2024).
6. Джафарли В. Ф. О созвучности тематики доклада профессора С. Я. Лебедева теории криминологической безопасности в сфере информационных технологий. URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/373-2019-12-08-11-57-27> (дата обращения: 17.01.2024).
7. Готчина Л. В. О национальном единении как пути к сохранению российственности. URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/465-vojna-globalnoj-oligarkhicheskoj-vlasti-protiv-rossii> (дата обращения: 10.02.2024).
8. Готчина Л. В. Современные проявления молодежного экстремизма через экскурс исследований // Особенности формирования антиэкстремистской и антитеррористической среды в вузе на современном этапе : сб. докладов Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 17 марта 2022 г. / Белгород, гос. техн. ун-т ; сост. В. И. Борисовский ; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. С. Н. Глаголева. Белгород : Изд-во БГТУ, 2022. С. 32–37.

9. Шестаков Д. А. Опасное состояние глобальной олигархической власти. (Отблеск давнего учения). URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/452-17-fevralya-2023-g-beseda-politicheskaya-kriminologiya> (дата обращения: 17.01.2024).

10. Милоков С. Ф. Способны ли мы остановить чудовищный конвейер террористических убийств? URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/452-17-fevralya-2023-g-beseda-politicheskaya-kriminologiya> (дата обращения: 17.01.2024).

11. Силаева М. А. О нормативно-правовых актах, регулирующих противодействие экстремизму в Республике Казахстан (в связи с протестами в Казахстане в январе 2020 г.). URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/432-politicheskaya-kriminologiya> (дата обращения: 17.01.2024).

12. Козлов А. А., Теплов Э. П. Терроризм в молодежном сознании: угроза и вопросы безопасности. Санкт-Петербург : [б. и.], 2007. 301 с.

Информация об авторе

Л. В. Готчина – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

L. V. Gotchina – Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.21

ПРИЧИНА ПРИЧИНЫ – ПРИЧИНА РЕЗУЛЬТАТА?!

Людмила Александровна ЗИМИРЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, zimpravo@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы влияния привходящих явлений на развитие причинной связи в преступлениях против жизни. Обращается внимание на закономерности уголовно-правовой причины, когда она не напрямую приводит к последствию, а через взаимодействие с иной причиной.

Ключевые слова: причинно-следственная связь, прямая причинная связь, сложная, составная причина

Для цитирования: Зимирева Л. А. Причина причины – причина результата?! // Криминалистъ. 2024. № 2 (47). С. 56 – 62.

Original article

THE REASON FOR THE REASON IS THE REASON FOR THE RESULT?!

Lyudmila A. ZIMIREVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, zimpravo@yandex.ru

Abstract. The article discusses issues related to the influence of circumstantial factors on developing of causation in crimes against life. Attention is drawn to the patterns of a criminal cause liability when, next to the cause, there are other events.

Keywords: causation, direct causal link, a complex, compound cause

For citation: Zimireva L. A. The reason for the reason is the reason for the result?! Criminalist. 2024;2(47):56-62. (In Russ.).

Причинно-следственная связь относится к системообразующим понятиям уголовного права и является связующим звеном триады «преступное деяние – причинно-следственная связь – наказуемое последствие», в которой выражается суть объективной стороны материальных составов преступлений.

Законодатель в нормах Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) не

дает этому фундаментальному понятию легального определения, поэтому вопрос о содержании причинно-следственной связи и критериях ее установления вызывает в теории права и на практике значительные расхождения.

Требования описания и мотивировки в приговоре причинно-следственной связи между деянием подсудимого и наступившими общественно опасными последствиями вытекают как из поло-

© Зимирева Л. А., 2024

жений уголовно-правовой науки, так и предписаний п. 2 ч. 1 ст. 299, ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре».

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 299 УПК РФ суд при постановлении приговора должен установить, что деяние совершил именно подсудимый. В силу ст. 302 УПК РФ в случае, если не установлена причастность подсудимого к совершению преступления, в его деянии отсутствует состав преступления, суд постановляет оправдательный приговор. Из предписаний ст. 307 УПК РФ следует, что описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления; обоснование принятых решений по вопросам, указанным в ст. 299 УПК РФ, т. е. обоснование решения относительно наличия причинно-следственной связи между деянием подсудимого и наступившими вредоносными последствиями. Высшая судебная инстанция в разъяснениях, данных в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре», обязывает нижестоящие суды мотивировать в приговоре выводы относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту. Это также предполагает обоснование в приговоре наличия доказанности причинно-следственной связи для материальных составов преступлений¹.

¹ Необходимо иметь в виду, что причинная связь устанавливается не только в случаях, когда деяние повлекло предусмотренное уголовным законом последствие, но и при создании реальной угрозы причинения вреда. Допу-

Проблемы установления причинной связи особенно ярко проявляются по уголовным делам, осложненным вмешательством в ее течение иных сил и обстоятельств². Приведем пример из судебно-следственной практики.

В одном из районных судов Нижегородской области рассматривалось уголовное дело некоего Ч., который вывел на автомобиле потерпевшего, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, на удаленное расстояние от населенного пункта, избил его и оставил на снегу при минусовой температуре окружающего воздуха. Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, смерть потерпевшего наступила от общего переохлаждения. Телесные повреждения, причиненные потерпевшему, оценивающиеся как тяжкий вред здоровью, прямого отношения к смерти не имеют, но способствуют более быстрому переохлаждению – пояснил эксперт в суде. По ходатайству стороны защиты в суде был допрошен специалист в области судебной медицины, показавший, что «главной причиной смерти от переохлаждения является алкогольное опьянение... Причинно-следственной связи между причинением потерпевшему телесных повреждений и переохлаждением не существует. Если бы не переохлаждение, с этой травмой потерпевший мог бы жить неопределенно долго и совершать целенаправленные действия. Перед смертью концентрация алкоголя у потерпевшего была высокая». Согласно заключению дополнительной медицинской экспертизы, «прямой причинно-следственной связи между телесными повреждениями

стим, при вменении ст. 125 УК РФ (оставление в опасности) должна быть доказана причинная связь между бездействием лица и реальной возможностью наступления смерти потерпевшего.

² Кассационные определения Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2009 г. по делу № 35-009-45, от 18 августа 2009 г. по делу № 48-009-71, от 20 ноября 2007 г. по делу № 46-007-86 и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

и смертью Ш. Д. С. от общего переохлаждения организма не имеется. Учитывая характер телесных повреждений, не исключена возможность Ш. Д. С. остаться живым после образования телесных повреждений при отсутствии низкой температуры окружающей среды и воздействия холодового фактора»¹.

По приведенному уголовному делу (и множеству подобных) в суде необходимо обсуждался вопрос о наличии причинно-следственной связи между противоправным деянием Ч. и смертью потерпевшего, о возможности осуждения подсудимого за причинение смерти.

На первый взгляд, и это как будто подтверждено судебно-медицинской экспертизой, непосредственная, главная, решающая причина смерти потерпевшего — климатические условия в зимний период, холод. Должен ли Ч. отвечать за наступившие последствия? Вместе с тем Ч. был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ, суд признал его виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

Доводы экспертизы позволили стороне защиты и подсудимому неоднократно обжаловать состоявшиеся судебные решения, требовать оправдания виновного ввиду, как они считали, отсутствия причинно-следственной связи.

Диспозиции ст. 105 и 111 УК РФ указывают на общественно опасный результат, а потому причинно-следственная связь между ним и деянием лица является обязательным признаком объективной стороны данных составов преступлений. В уголовном праве причинная связь понимается как отношение между явлениями, при котором одно или не-

сколько взаимодействующих явлений (причина) порождают другое явление (следствие) [1, с. 185].

В некоторых преступлениях причинная связь «может быть только непосредственной, состоящей из одного звена, в других же случаях — более отдаленной и сложной». Для убийства типична более «короткая», непосредственная причинная связь [2, с. 170]. Как правило, по делам об убийстве суды исходят из выводов заключения судебно-медицинского эксперта и ссылаются на наличие прямой причинно-следственной связи. Действительно, прямая (непосредственная) причинная связь встречается чаще, так как в большинстве случаев имеет место непосредственное причинение последствий. Удар ножом в сердце — ранение жизненно важных органов — смерть потерпевшего. Каждое последующее последствие удара непосредственно вытекает из предыдущего, им обусловлено и приведено в действие виновным.

Термин «прямая причинная связь», безусловно, имеет право на существование. Однако это не единственный вид причинной зависимости, который учитывается в уголовном праве. Сложности у правоприменителя прежде всего вызывает установление осложненной привходящими явлениями причинно-следственной связи.

Опосредованная причинная связь — это причинная связь не напрямую от явления к результату, а от явления к результату посредством чего-либо или кого-либо [3, с. 390]. «Опосредованная причинная связь традиционно понимается как связь между действиями лица, являющегося субъектом преступления, и наступившими последствиями, опосредованная действиями иных сил, не являющихся субъектами преступления данного состава» [4, с. 370].

Ориентация в установлении причинной связи исключительно на выводы судебно-медицинского эксперта, давшего заключение о медицинской причине

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 27 апреля 2017 г. по делу № 22-2320/2017 // Нижегородский областной суд : сайт. URL: <https://oblsud-nnov.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.12.2023).

смерти потерпевшего, не всегда отвечает принципам уголовно-правовой ответственности. А именно принципу вины, закрепленному в ст. 5 УК РФ. Позиции, с которых эксперт-медик и юрист устанавливают причину и связанное с ней последствие, область применяемых ими знаний различны. Для медика это прежде всего медицинская причина, ограниченная биологическими процессами, происходящими в организме человека. Для следователя, прокурора и судьи — это юридическая причинная связь, которая исследуется с точки зрения социальных особенностей, уголовно-правовых норм и правил.

Как верно указывает А. В. Наумов, «обычно сама причина вызывается рядом обстоятельств и, в свою очередь, порождает также не одно, а несколько самых разнообразных явлений следствий» [5, с. 203]. Причинная связь — чаще взаимодействие совокупности явлений, реже — двух внешне близких и последовательных явлений (одно из которых причина, другое — следствие). Как правило, причина и следствие отделены друг от друга целой цепочкой других явлений и обстоятельств, которые выступают в виде связывающих причину и следствие звеньев. Отсюда важное значение имеет то, что преступное последствие может иметь не одну причину, а несколько. В этом случае необходимо учитывать всю совокупность причин.

При опосредованной причинной связи вред причиняется опосредованно. В качестве факторов, посредством которых совершается преступление, в уголовно-правовой науке выделяют:

1) действия иных граждан, каковыми могут быть как субъекты уголовной ответственности (к примеру, соучастники преступления), так и не субъекты уголовной ответственности (допустим, малолетние или невменяемые либо даже введенные в заблуждение лица при посредственном исполнении); использо-

вание животных, технических средств и приспособлений;

2) природные явления (например, оставление на морозе избитого до потери сознания потерпевшего и последующая его смерть от переохлаждения);

3) особенности организма потерпевшего (допустим, лицо наносит легкий удар по голове пострадавшему, имеющему аномалию строения черепа, что приводит к летальному исходу).

В каждом случае квалификации важно учитывать, что причиной уголовно наказуемого последствия может выступать не только отдельное действие или бездействие виновного, но и осознанно используемое им оружие (в прямом и переносном смысле), природные явления, механизмы и т. п. Именно в комплексе с деянием преступника они образуют объективную сторону состава преступления. Важнейшим правилом уголовно-правовой причинности является осознание виновным присоединения к его деянию иных сил и обстоятельств.

Примером того, что уголовную ответственность понесет гражданин, действия которого, на первый взгляд, не находятся в прямой причинной связи с наступившими последствиями, выступает ч. 2 ст. 33 УК РФ, содержащая норму о том, что исполнителем признается лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости и других обстоятельств.

Применение опосредованной причинно-следственной связи в судебной практике иллюстрирует следующий пример. Верховным Судом Российской Федерации рассмотрена кассационная жалоба Б., осужденного по пп. «в», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Б. признан виновным в совершении убийства малолетнего К. из хулиганских побуждений. Как следует из приговора, находящийся в состоянии опьянения осужденный доставил принадлежащую ему пневматическую

винтовку к магазину и организовал из нее стрельбу по рекламному плакату и металлическим банкам из-под пива, установленным на деревянной скамейке, в направлении которых приблизительно в 35–36 м за растительностью был расположен оборудованный «тарзанкой» участок местности, где тем временем играли дети, включая К. Крики играющих детей были слышны Б., прохожие делали ему замечания. Несмотря на это, как установлено судом, стрельба из оружия была произведена как самим Б., так и лицами, получившими от него винтовку, в частности Р., для которого он ее заряжал из-за невозможности Р. это сделать самостоятельно, подсказывал тому, как держать оружие, рекомендовал занять положение «сидя», а также указывал направление стрельбы. Р. не достиг возраста привлечения к уголовной ответственности, а также значительно отставал в психическом развитии, что было очевидно для окружающих. Осужденный Б. в кассационной жалобе оспаривал квалификацию, данную следственными органами его действиям. Смертельный выстрел был совершен малолетним Р.¹

При опосредованной причинной связи результат причиняют несколько взаимодействующих явлений, или составная причина.

Подтверждение тому находим у выдающегося дореволюционного ученого Н. С. Таганцева, который отмечал, что всякое действие человека для достижения желаемого им результата предполагает содействие различного рода сил, как существующих в самом деятеле, так и

находящихся в среде, в которой они действуют, и в объекте, на который направлено действие [6, с. 172]. В курсе лекций по русскому уголовному праву профессор Н. С. Таганцев раскрывает эту мысль. Ответственность остается, когда виновный придал действующим силам такое направление, благодаря которому они вызвали результат. Также причинную связь не останавливают привходящие факторы, которые человек сознательно обращает в орудие своей преступной деятельности: силы природы, действия животного и человека. Виновным в лишении жизни будет являться преступник, натравивший на другого собаку, его загрызшую. Невменяемый является для лица, воспользовавшегося его действиями, таким же орудием, как и стихийные силы или натравленное животное. *Dominus causae* то же, что *causa causae* (в пер. с лат. — главная причина; это то же, что и причина причин) [7, с. 525–526].

Приходим к выводу, что правовая оценка деяния при опосредованной причинной связи находится в зависимости от осознания ее течения виновным.

Русский криминалист XIX века С. В. Познышев обоснованно указывал: «...вина есть внутренняя причина действия; понятие причинной связи обнимает, таким образом, и связь вины с действием» [8, с. 316]. Ученый приводил абстрактный, но интересный пример. Человек, посадивший растение, выступает его причиной, несмотря на то что непосредственной причиной (то, какое вырастет растение) будут являться свойства зерна [8, с. 323].

Лицо может быть привлечено к ответственности за умышленное причинение смерти, если оно осознавало, что его поведение будет причиной или войдет в состав поэтапной (составной) причины результата. А потому опосредованная иными факторами связь также должна быть положена в основу обвинения, потому что является причинной. Отсюда

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2021 г. № 45-УД21-41-А2. Доступ из справ.-правовой системы «КосультантПлюс». Также Б. осужден по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, по совокупности преступлений ему назначено наказание 9 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима и с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев. Приговор обжаловался адвокатом.

полагаем, что причина причины выступает причиной результата.

Таким образом, когда виновный сознательно использует привходящие обстоятельства, желает (прямой умысел) или сознательно допускает противоправные последствия либо относится к ним безразлично (косвенный умысел), ответственность наступает в зависимости от формы вины. Правовая оценка деяния как причинение смерти по неосторожности предполагает, что виновный предвидит абстрактную возможность течения причинной связи от его деяния к противоправному результату (рассчитывая на его предотвращение при легкомыслии) либо не предвидит ее течение, но должен был и мог предвидеть (при небрежности).

Суд по уголовному делу Ч. пришел к выводу, что виновный, «не проявляя необходимой внимательности и предусмотрительности, небрежно отнесся к возможности наступления смерти Ш. Д. С., оставил потерпевшего на снегу при минусовой температуре окружающего воздуха, на удаленном расстоянии от населенного пункта и с места происшествия скрылся, вследствие чего по неосторожности наступила смерть потерпевшего. Доводы стороны защиты о том, что смерть потерпевшего наступила от общего переохлаждения организма от действия холодного фактора, а также ссылки на показания специалиста Ф. Л. М. о влиянии на причины смерти состояния алкогольного опьянения потерпевшего не исключают виновности Ч. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку смерть потерпевшего наступила именно в результате неосторожных действий виновного, оставившего потерпевшего после избития в безлюдном месте на снегу при минусовой температуре окружающего воздуха»¹. Суд верно признал наличие

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 27 апреля 2017 г. по делу № 22-2320/2017 // Нижегородский областной

причинно-следственной связи между деянием Ч. и смертью потерпевшего от переохлаждения. Однако, на наш взгляд, суд ошибочно определил форму вины, отношение Ч. к смерти потерпевшего. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий (ч. 3 ст. 26 УК РФ). Фактические обстоятельства уголовного дела, то, что виновный вывез потерпевшего в безлюдное место, избил с применением предмета, используемого в качестве оружия, оставил при температуре воздуха -12°C , безусловно, подтверждает предвидение виновным смерти. При описанных в приговоре обстоятельствах можно говорить лишь о безразличном отношении виновного к последствиям своих противоправных действий, а потому его действия должны быть квалифицированы как преступление, совершенное с косвенным умыслом по отношению к возможной смерти потерпевшего, выразившимся в безразличии либо сознательном допущении, т. е. по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

По делу о посредственном причинении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации обоснованно отклонила жалобу осужденного, указав следующее. Суд правомерно признал Б. субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, исходя из условий совершения им преступных действий и надлежаще их квалифицировал по пп. «в», «и» указанной статьи, а также в должной мере обосновал содержание умысла Б. в зависимости от того, что в процессе хулиганства, производя выстрелы самостоятельно и посредством использования Р., заведомо не подлежащего уголовной ответственности, из пневматической винтовки с повышенной силой мощности и в направлении, где явно для него находились дети, Б. осознавал общественно-
суд : сайт. URL: <https://oblsud--nnov.sudrf.ru/> (дата обращения 18.12.2023).

ную опасность своих действий, предвидел возможность общественно опасных последствий в виде смерти ребенка, но относился к этому безразлично¹.

При этом верно и обратное. Если первоначальный деятель не использовал привходящие обстоятельства, не должен был и не мог предвидеть дальнейшее развитие причинно-следственной связи, уголовная ответственность за наступившие помимо его осознания и воли последствия исключается.

Допустим, Ч. высаживает избитого потерпевшего у здания больницы в часы ее работы, предварительно оговорив необходимость его туда обращения, а потерпевший самостоятельно, после отъезда автомобиля Ч., уходит в сторону от лечебного заведения и замерзает.

Вместе с тем полагаем необходимым обобщить подобную судебную прак-

тику и выработать рекомендации для правоприменителя, закрепив на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Их суть возможно свести к следующему утверждению. В преступлениях против жизни определяющим для установления причинной связи и привлечения к уголовной ответственности является то, что смертельный результат был обусловлен, порожден деянием виновного, присоединение опосредующих результатов факторов охватывалось сознанием виновного, а потому не прерывает запущенный процесс причинения. Вместе с тем возможность привлечения лица к уголовной ответственности зависит от последующего установления его вины, осознания лицом именно такого течения причинной связи в конкретных условиях места и времени.

Список источников

1. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. Москва : Госюриздат, 1960. 244 с.
2. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. Москва : Юрид. лит., 1972. 352 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд. Москва : Рус. яз., 1987. 797 с.
4. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. Москва : Юркнига, 2003. 480 с.
5. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2 т. Т. 1. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрид. лит., 2004. 496 с.
6. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : тип. И. Мордуховского, 1873. 568 с.
7. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. В 2 ч. Ч. 1. Тула : Автограф, 2001. 800 с.
8. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. Москва : А. А. Карцев, 1912. 653, X, [2].

Информация об авторе

Л. А. Зимирева – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

L. A. Zimireva – Senior Lecturer at the Department of criminal law, criminology and penal executive law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2021 г. № 45-УД21-41-А2. Доступ из справ.-правовой системы «КосультантПлюс».

Научная статья
УДК 343. 3/.7

КВАЛИФИКАЦИЯ УБИЙСТВА В ЦЕЛЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРГАНОВ ИЛИ ТКАНЕЙ ПОТЕРПЕВШЕГО

Денис Юрьевич КРАЕВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, k.d1979@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации предусмотренного пунктом «м» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего. Автор подробно останавливается на вопросах соучастия в данном преступлении, а также на том, с какими пунктами части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации может сочетаться пункт «м» данной нормы.

Ключевые слова: умышленное причинение смерти другому человеку, органы и ткани человека, цель использования, убийство, статья 105 Уголовного кодекса Российской Федерации

Для цитирования: Краев Д. Ю. Квалификация убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 63–72.

Original article

QUALIFICATION OF MURDER FOR THE PURPOSE OF USING ORGANS OR TISSUES OF THE VICTIM

Denis Ju. KRAYEV

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, k.d1979@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the problems of qualification of murder provided for in paragraph «m» of Part two of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation for the purpose of using the organs or tissues of the victim. The author dwells in detail on the issues of complicity in this crime, as well as on what other paragraphs of part two of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation can be combined with paragraph «m» of this norm.

Keywords: intentional causing the death of another person, human organs and tissues, purpose of use, murder, Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Krayev D. Ju. Qualification of murder for the purpose of using organs or tissues of the victim. Criminalist. 2024;2(47):63-72. (In Russ.).

В пункте «м» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) предусматривается

ответственность за умышленное причинение смерти другому человеку в целях использования органов или тка-

© Краев Д. Ю., 2024

ней потерпевшего. Ввиду отсутствия наработанной судебной практики применения п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, соответствующих научных исследований и разъяснений в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации в правоприменительной деятельности возникают проблемы квалификации данного преступления.

В частности, интересен вопрос об ответственности реципиента, т. е. лица, которому пересаживается орган (ткань) человека, предварительно умышленно лишенного жизни в целях использования его органов или тканей.

Здесь возможны следующие рассматриваемые в научной литературе типичные варианты квалификации: 1) если лицо, которому впоследствии пересаживается орган (ткань) убитого в указанных целях человека, само является исполнителем подобного убийства, содеянное квалифицируется по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ; 2) если лицо, которому пересаживается орган (ткань) убитого в указанных целях человека, не является исполнителем подобного убийства и узнает о том, что ему был пересажен орган (ткань) убитого ранее в соответствующих целях человека, только после трансплантации, в его действиях отсутствует состав какого-либо преступления; 3) если лицо, которому пересаживается орган (ткань) убитого в указанных целях человека, не является исполнителем или организатором подобного убийства, но до совершения убийства заранее дает согласие на трансплантацию и обещание заплатить за нужный орган (ткань), его деяние квалифицируется как пособничество в совершении преступления, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ [1, с. 17; 2, с. 44].

Некоторые ученые полагают, что врач, осуществляющий пересадку органа без законных на то оснований, по существу, автоматически становится по-

собником в преступлении против жизни донора [3, с. 52].

Действительно, врач может быть признан пособником убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего, если он заранее, т. е. до начала выполнения объективной стороны преступления, обещал произвести пересадку органов (тканей) потерпевшего. Если же врачу стало известно о незаконности приобретения органов (тканей) уже после совершения убийства донора, ни о каком соучастии речь не может идти, поскольку преступление уже окончено. В необходимых случаях можно говорить лишь о прикосновенности к преступлению в виде укрывательства и квалификации действий врача по ч. 2 ст. 316 УК РФ как заранее не обещанного укрывательства особо тяжкого преступления — убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего.

К сходным выводам приходит Н. А. Бабий [4, с. 128].

Безусловно, совершение убийства с целью последующей трансплантации органов или тканей человека затруднительно:

во-первых, без участия лица, обладающего познаниями в области медицины. Последний может быть соисполнителем, организатором, пособником, подстрекателем в преступлении, предусмотренном п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но может и не подлежать уголовной ответственности, когда используется «в темную» и в его действиях нет вины;

во-вторых, в одиночку, поскольку трансплантация — непростая медицинская операция, требующая как минимум помощи ассистентов лицу, производящему изъятие органов или тканей (а пересылка органов или тканей человека за границу практически невозможна без четко отлаженного преступного механизма).

Как отмечает директор НИИ трансплантологии и искусственных органов

В. Шумаков, в операции по пересадке органов должны участвовать как минимум десять высококвалифицированных врачей, поэтому провести изъятие органа в домашних условиях, вне клиники, в России нереально, а пересадить орган — тем более¹.

Однако отметим, что субъектом рассматриваемого вида убийства могут быть наряду с медиками и иные лица.

В научной литературе обосновано приводится пример, когда жертва убийства выдается заинтересованным в операции лицом за потерпевшего от дорожно-транспортного происшествия [5, с. 327].

Группа лиц без предварительного сговора вряд ли может совершить подобное убийство, в случае его совершения группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) содеянное необходимо квалифицировать по пп. «ж» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ст. 210 УК РФ соответственно.

В организованной группе, преступном сообществе (преступной организации) при самой простой схеме возможно следующее распределение ролей: одно лицо подыскивает будущую жертву убийства с целью последующей трансплантации ее органов или тканей, другое — осматривает и выносит решение о пригодности органов или тканей для трансплантации, третье лицо (с помощью иных лиц) проводит пересадку органов или тканей, четвертое — реализует изъятые биоматериалы.

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, приходим к выводу, что под убийством, предусмотренным п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует понимать причинение смерти другому человеку, совершенное с прямым умыслом в целях использования его органов и (или) тканей любым образом.

¹ Аргументы и факты. 2002. № 30. С. 12.

Так, Л. был осужден Новгородским областным судом по п. «м» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 244 УК РФ за убийство Б. в целях использования ее тканей и за надругательство над ее телом.

В дополнениях к своей апелляционной жалобе осужденный Л. указывает в том числе на то, что его действия неправильно квалифицированы по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку данный признак предусматривает ответственность за убийство с целью трансплантации органов человека.

Изучив материалы дела, обсудив доводы апелляционных жалоб и дополнений к ним, Верховный Суд Российской Федерации не нашел оснований для их удовлетворения по следующим причинам.

Противоправным действиям Л. суд дал правильную юридическую оценку по п. «м» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 244 УК РФ. Орудие преступления, локализация телесных повреждений, а также другие обстоятельства дела со всей очевидностью указывают на то, что Л. действовал с прямым умыслом на причинение смерти Б. В пункте «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривается ответственность за убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего. Из первоначальных показаний Л. следует, что еще до совершения убийства Б. он решил использовать ее кровь для создания ритуального изображения. Эти показания Л. согласуются с результатами осмотра места происшествия, свидетельствующими о наличии изображения на межкомнатной двери, нарисованного кровью. При этом Верховный Суд Российской Федерации разделяет вывод суда первой инстанции о том, что по смыслу уголовного закона убийство человека в целях использования его тканей, включая кровь (кровь — это жидкая подвижная ткань внутренней среды организма), «не предполагает специального субъекта

данного преступления и не сводится к изъятию тканей исключительно в целях их последующей трансплантации»¹.

Рассмотрим вопрос о том, с какими еще пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ может сочетаться п. «м» данной нормы.

В теории уголовного права высказывалось мнение, что п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ может сочетаться только с п. «ж» данной статьи [6, с. 135].

Некоторые ученые среди таких квалифицирующих признаков справедливо называют предусмотренный п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ признак убийства «из корыстных побуждений» [7, с. 147; 8, с. 106–108, 129].

Нельзя согласиться с суждениями о том, что «совершение убийства в целях изъятия органов или тканей потерпевшего по своему содержанию является разновидностью убийства из корыстных побуждений» [9, с. 64] и что убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего «возможно только как корыстное» [10, с. 21].

В соответствии с ч. 4 ст. 1 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи. Однако убийство, предусмотренное п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, может быть и не корыстным (а являться, например, частью религиозного ритуала), соответственно, в случае совершения убийства в целях изъятия органов или тканей потерпевшего из корыстных побуждений (например, для последующей продажи биоматериала) действия виновного для полного отражения субъективной стороны преступления требуют, на наш взгляд, квалификации по пп. «з» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2019 г. № 84-АПУ19-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Поэтому сложно согласиться с выводом С. В. Павлуцкой о том, что «действия виновного нельзя одновременно квалифицировать по п. „м“ и п. „з“ ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку корыстный мотив поглощается характером использования в любых целях... Указание на специальную цель — использование органов или тканей потерпевшего исключает возможность для одновременной квалификации такого убийства по п. „з“ ч. 2 ст. 105 УК» [11, с. 11, 25].

«Побуждения» и «цель» — это относящиеся к одному элементу состава преступления (субъективной стороне), но разные по значению уголовно-правовые категории, и одна из них не может «поглощать» другую. В действиях виновного лица, убивающего человека из корыстных побуждений в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего, присутствуют два квалифицирующих признака убийства, относящиеся к его субъективной стороне и характеризующие наличие «отягчающих» цели и побуждений поведения преступника. Почему же следует исключать из квалификации содеянного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если согласно общей теории квалификации преступлений и разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» убийство, совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных двумя и более пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ, должно квалифицироваться по всем этим пунктам?

Справедливости ради следует отметить, что С. В. Павлуцкая тем не менее не отрицает, что «возможная корыстная направленность придает рассматриваемому отягчающему обстоятельству дополнительную негативную окраску» [11, с. 152–153].

Следовательно, не исключается сочетание рассматриваемого признака убий-

ства и с предусмотренным п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ признаком «по найму». Например, когда нанятый за вознаграждение преступник убивает потерпевшего в целях изъятия его биологического материала, необходимого заказчику. В этом случае лицо, непосредственно лишившее жизни человека, будет нести ответственность по пп. «з», «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ как исполнитель, а заказчик, организовавший преступление, — по этим же нормам со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ.

Убийство в целях употребления в пищу частей тела человека для удовлетворения голода ввиду отсутствия пищи необходимо ограничивать от убийства в целях продажи частей трупа. Как справедливо отмечает Т. В. Кондрашова, к первому относится описанный В. Шаламовым в «Колымских рассказах» случай употребления в пищу амнистированными в 1953 году «блатарями», плывшими по реке Лене на одном пароходе с «фраерами», частей тела последних в условиях отсутствия пищи, к разряду вторых — преступная деятельность Эллы Абишевой в п. Шен неподалеку от г. Гагры, убивавшей вместе с бабушкой одиноких отдыхающих, которым они предлагали снять комнату, с последующим завладением их вещами и поеданием части тела потерпевшего и продажей остальных частей на рынке под видом мяса [8, с. 107].

Поскольку в первом случае отсутствует цель получения материального вознаграждения, убийство квалифицируется только по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, во второй же ситуации — по пп. «з» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное из корыстных побуждений, в целях использования органов или тканей потерпевшего. А. И. Стрельников полагает, что норму об убийстве в целях использования органов или тканей потерпевшего можно было бы и не

вводить, так как такое убийство охватывается пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а в отдельных случаях и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, когда лишается жизни больной, обреченный на смерть [10, с. 118].

Напротив, убийство в целях изъятия органов или тканей потерпевшего п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ охватываться не может, поскольку закрепленные в пп. «м» и «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ признаки по своему содержанию не совпадают: первый характеризует лишь субъективную сторону лишения жизни потерпевшего, в то время как совершение убийства группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой — его объективную сторону.

Убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего не может охватываться и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как признак «убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» и признак, предусмотренный в п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, разные по содержанию: первый характеризует возраст (состояние) потерпевшего, второй — цель преступления. Но это не означает, что они взаимоисключающие: возможны ситуации, когда в наличии будут оба эти признака (допустим, при причинении смерти восьмилетнему ребенку в целях изъятия его органов или тканей), а поскольку каждый из них характеризует свое отягчающее убийство обстоятельство, то вменению подлежат оба указанных признака.

Установление зависимости признака убийства, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, от беспомощности жертвы является необоснованным еще и потому, что такое состояние судебная практика и теория связывают только с физическими или психическими особенностями потерпевшего, а не с целями поведения виновного.

Нормы об убийстве в целях использования органов или тканей потерпевшего

и убийствах, предусмотренных пп. «в», «д», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, не соотносятся как общая и специальные, так как «специальная норма должна охватывать все признаки общей» [12, с. 213]. Наличие цели использования органов или тканей потерпевшего в действиях виновного по умышленному лишению жизни человека во всех случаях должно подлежать самостоятельной оценке, так как является отдельным основанием для вменения виновномуотягчающего обстоятельства, и только та квалификация содеянного ведет к назначению справедливого наказания, которая полно отражает все обстоятельства дела.

По мнению ряда криминалистов, сочетание квалифицирующего признака, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, возможно лишь с признаками, указанными в пп. «а», «в», «г», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ [2, с. 40; 9, с. 64; 13, с. 160].

Некоторые авторы полагают, что рассматриваемый квалифицирующий признак может по своей юридической характеристике сочетаться с квалифицирующими признаками, предусмотренными пп. «а», «в», «д», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ [14, с. 501].

На наш взгляд, кроме сочетания с признаками пп. «а», «в», «д», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, возможно сочетание признака причинения смерти, закрепленного в п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, с таким признаком, как «убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности» (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ), когда умышленное лишение жизни такой женщины совершается, например, в целях использования тканей и (или) органов потерпевшей либо плода.

Теоретически не исключается (хотя практически и маловероятно) сочетание признаков убийства, предусмотренных пп. «е» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, когда умышленное лишение жизни человека

совершается общеопасным способом в целях последующего изъятия с места преступления, например, тканей потерпевших.

Представляется, что одновременное вменение пп. «и» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ невозможно (например, в случае умышленного причинения смерти без видимого повода или с использованием незначительного повода как предложения для убийства¹). Здесь хулиганские побуждения и цель использования органов или тканей потерпевшего будут взаимно исключать друг друга, поскольку цель использования органов или тканей потерпевшего нельзя назвать незначительным поводом.

Есть мнение, что «в случае, если виновный перед убийством сообщает о намерении употребить <органы жертвы> в пищу, то содеянное следует квалифицировать, помимо п. „м“, еще и по п. „д“ (с особой жестокостью)» [15, с. 78].

Безусловно, если в указанной ситуации преступник глумится над жертвой, причиняет ей сильные психические страдания, «смакуя» совершение убийства и последующее употребление тела в пищу, то такое убийство следует признавать совершенным с особой жестокостью и квалифицировать по пп. «д» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в действиях виновного возможно присутствие особой жестокости, причиняющей не только психические, но и физические страдания, например, когда преступник отрезает органы и (или) ткани жертвы, находящейся в сознании).

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 : текст с изм. и доп. на 3 марта 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Излишне категоричным представляется утверждение о том, что «каннибализм... убийство человека ради кормления животных или зверей... следует квалифицировать также по п. „д“ ч. 2 ст. 105 УК РФ» [16, с. 113], поскольку возможна уголовно-правовая оценка таких случаев как по пп. «д», «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ (при условии, что виновный проявил особую жестокость, например, изымал органы у живой жертвы особо мучительным способом), так и лишь по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если виновный убил потерпевшего в целях использования его органов или тканей (допустим, для кормления животных, зверей или употребления в пищу мяса жертвы¹), но, например, одним ударом ножа в сердце, т. е. не проявив при этом особой жестокости.

Не исключено также сочетание пп. «л» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если убийство совершено по мотиву, допустим, религиозной ненависти или вражды с целью использовать органы потерпевшего [7, с. 148], поскольку указанные мотив и цель не являются взаимоисключающими.

Одновременное вменение пп. «а» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ не вызывает сомнений, так как это возможно, например, когда виновный имеет умысел на убийство двух или более лиц в целях получения их донорского материала.

В отличие от «простого» убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) целью убийства, квалифицируемого по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, является использование органов или тканей потерпевшего.

¹ Так, приговором Архангельского областного суда от 16 марта 2020 г. С. был осужден только по пп. «а», «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ и признан виновным в совершении убийств ФИО12, ФИО14 и ФИО7 с целью последующего использования в пищу тканей потерпевших (Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 8 сентября 2020 г. по делу № 55-473/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Так, З. был осужден по ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 244 УК РФ за убийство, т. е. умышленное причинение смерти другому человеку, и надругательство над телом умершей.

З., будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь на кухне, в ходе ссоры с ФИО28 нанес ей не менее четырех ударов не установленными предметами, причинив кровоподтеки в области глаз и нижней челюсти слева, множественные рвано-ушибленные раны слизистой губ, кровоизлияния в мягкие ткани головы в области височных мышц, относящиеся к категории причинивших легкий вред здоровью по признаку кратковременного расстройства здоровья на срок не более 21 дня. Далее на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений нанес ножом два удара в область груди, один из которых причинил ФИО28 проникающую колото-резаную рану груди с повреждением сердца, относящуюся к категории причинившей тяжкий вред здоровью и в данном случае приведшую к наступлению смерти.

Тогда же, после нанесения ударов ножом ФИО28, З., продолжая агрессивное поведение на почве личных неприязненных отношений, удостоверившись, что ФИО28 мертва, совершил надругательство над телом умершей ФИО28 — вскрыл ножом грудную клетку и живот ФИО28 и удалил из этих полостей внутренние органы².

Поскольку, как установил суд, мотивом причинения смерти потерпевшей были личные неприязненные отношения и, лишая ее жизни, З. не преследовал цели использования органов или тканей жертвы, убийство было квалифицировано по ч. 1 ст. 105 УК РФ, а

² Приговор Ейского городского суда (Краснодарский край) от 4 октября 2010 г. по делу № 1-257/10 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.02.2018).

действия 3. в части удаления внутренних органов из тела погибшей — по ч. 1 ст. 244 УК РФ.

По мнению некоторых правоведов, причинение смерти потенциальному донору с целью изъятия у него органов или тканей требует квалификации по совокупности ст. 120 и п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ [6, с. 196].

Представляется, что указанные действия виновного полностью охватываются п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Квалификация по совокупности ст. 120 и п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ возможна, если в ходе принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, применяя к потерпевшему насилие, виновный умышленно причинит ему смерть в целях трансплантации органов (тканей) потерпевшего.

В пункте «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ предусмотрен признак торговли людьми «в целях *изъятия* (курсив наш. — Д. К.) у потерпевшего органов или тканей». Отличие указанного признака торговли людьми от закрепленного в п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ существенное, поскольку в п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ цель торговли людьми ограничивается изъятием у жертвы органов или тканей. Если в ходе торговли людьми потерпевший умышленно будет лишен жизни в целях использования его органов или тканей, требуется квалификация по совокупности п. «м» ч. 2 ст. 105 и ст. 127.1 УК РФ.

По точному замечанию Т. В. Кондрашовой, совершение убийства для дальнейшего осуществления полового акта с трупом не может быть расценено как убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действия-

ми сексуального характера, так как эти преступления здесь не имеют места из-за отсутствия объекта (предмета) половых преступлений [8, с. 108]¹. Поскольку в описанных ситуациях не совершается половое преступление, такое деяние необходимо квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку «с целью облегчить совершение другого преступления» и ст. 244 УК РФ [7, с. 125, 329]. Сходной точки зрения придерживаются и другие ученые [17, с. 153–154; 18, с. 60].

В этих случаях виновный осознает общественную опасность своего деяния, направленного на лишение жизни другого человека с целью облегчить совершение надругательства над телом умершего, предвидит реальную возможность или неизбежность наступления смерти потерпевшего и желает ее наступления.

По этой же причине нельзя согласиться с тем, что действия лица, совершающего убийство с целью последующего удовлетворения половой страсти с трупом, не подпадают под п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и полностью охватываются п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ [19, с. 71].

Совершение убийства в целях использования органов или тканей жертвы (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) возможно по сексуальным мотивам, но лишь тогда, когда виновный, убивая человека, стремится удовлетворить половую страсть не путем манипуляций с трупом как единым целостным телом (т. е. совокупностью соответствующих органов (тканей)), а в связи с использованием отдельных его частей (органов или тканей), что предполагает их отчленение от трупа.

¹ См., напр.: Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 17 августа 2022 г. по делу № 55-536/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Маляева Е. О. Проблемы квалификации убийства с целью использования органов или тканей потерпевшего // Российский следователь. 2003. № 9. С. 16–18.
2. Тихонова С. С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования = Intravital and post-mortem donorship in the Russian Federation: questions of criminal-law regulation. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. 317, [2] с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).
3. Зырянов В. Н. Попустительство по службе, совершаемое в правоохранительной сфере: уголовно-правовая оценка, проблемные ситуации в законодательстве и правоприменительной практике и пути их решения : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Зырянов Виктор Николаевич. Ставрополь, 1999. 606 с.
4. Бабий Н. А. Квалификация убийств при отягчающих обстоятельствах : монография. Москва : ИНФРА-М, 2014. 288 с.
5. Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная : учебник / О. В. Бобылев, С. В. Бородин, С. С. Босхолов [и др.] ; под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. Москва : Юриспруденция, 1999. 782, [2] с.
6. Курс российского уголовного права. Особенная часть / С. В. Бородин, О. Л. Дубовик, С. Г. Келина [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. Москва : Спарк, 2002. 1040 с.
7. Капинус О. С. Убийства: мотивы и цели. Москва : ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. 310 с.
8. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2000. 348 с.
9. Якименко А. С. Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным изъятием органов и (или) тканей человека : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Якименко Александр Сергеевич. Ростов-на-Дону, 2007. 167 с.
10. Стрельников А. И. Ответственность за убийство, совершенное при обстоятельствах, отягчающих наказание (ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Стрельников Анатолий Иванович. Москва, 1998. 183 с.
11. Павлуцкая С. В. Убийства, совершаемые при отягчающих обстоятельствах, характеризующих особенности субъективной стороны : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Павлуцкая Светлана Владимировна. Владивосток, 2009. 199 с.
12. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрист, 2006. 304 с.
13. Ярошенко О. Н. Убийство: понятие и квалификация : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Ярошенко Ольга Николаевна. Нижний Новгород, 2003. 212 с.
14. Энциклопедия уголовного права. Т. 13. Преступления против жизни и здоровья. Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинина, 2013. 953 с.
15. Смирнов В. А. Убийство в целях использования органов и тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2003. № 3. С. 77–79.

16. Бабичев А. Г. Убийство и другие смежные преступления и деяния, связанные с посягательством на жизнь человека (вопросы разграничения при квалификации преступлений и правомерных деяний) / под науч. ред. Б. В. Сидорова. Казань : Центр инновационных технологий, 2016. 343 с.

17. Гостькова Д. Ж. Квалифицирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне составов преступлений против жизни и здоровья: вопросы теории и практики: по материалам Уральского федерального округа : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Гостькова Динара Жолаубаевна. Челябинск, 2018. 210 с.

18. Ситникова А., Павлов А. Уголовная ответственность за преступления, совершенные лицами с сексуальной перверсией // Уголовное право. 2007. № 1. С. 60–62.

19. Белокуров О. В. Квалификация убийства (ст. 105 УК РФ) : учеб. пособие. Москва : Юрист, 2004. 251 с.

Информация об авторе

Д. Ю. Краев – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. Ju. Krayev – Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.13

ПОВОДЫ И ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ
В ОТНОШЕНИИ ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ

Владимир Владимирович КОНИН¹, Константин Александрович КОРСАКОВ²,
Елена Васильевна СИДОРЕНКО³

^{1,2,3} Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Россия

¹ vkonin.kld@yandex.ru

² korsakovka@mail.ru

³ es195@yandex.ru

Аннотация. Введение в уголовный процесс уголовно-процессуального института защиты потерпевших и свидетелей посредством сохранения их данных в тайне раскрывает новые возможности в борьбе с организованной преступностью, но в то же время влечет ряд трудностей, связанных с реализацией режима секретности персональных данных таких лиц. В статье рассмотрены некоторые вопросы определения поводов для применения мер безопасности, а также, на основе анализа уголовного дела, ошибки, допускаемые на стадии предварительного следствия. С учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека сформулированы основания применения мер безопасности в отношении потерпевшего и свидетеля.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, свидетель, потерпевший, сохранение данных о личности в тайне, следственные ошибки

Для цитирования: Конин В. В., Корсаков К. А., Сидоренко Е. В. Поводы и основания применения мер безопасности в отношении потерпевшего и свидетеля // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 73 – 80.

Original article

REASONS AND GROUNDS FOR TAKING SECURITY MEASURES
TOWARDS THE VICTIM AND WITNESS

Vladimir V. KONIN¹, Konstantin A. KORSAKOV², Elena V. SIDORENKO³

^{1,2,3} Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

¹ vkonin.kld@yandex.ru

² korsakovka@mail.ru

³ es195@yandex.ru

Abstract. The introduction into criminal procedure of the institution for the protection of victims and witnesses by keeping secret their data opens up new possibilities in the fight against organized crime, but at the same time entails a number of difficulties associated with the implementation of the secrecy regime for personal data of such persons. The article discusses some issues of determining the reasons for the use of security measures, as well as, drawing on the analysis of a criminal

© Конин В. В., Корсаков К. А., Сидоренко Е. В., 2024

case, the mistakes made at the stage of the preliminary investigation. Taking into consideration the legal opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation and the position of the ECHR, the grounds for the use of security measures for the victim and witness are proposed.

Keywords: criminal proceedings, witness, victim, keeping personal data confidential, investigative errors

For citation: Konin V. V., Korsakov K. A., Sidorenko E. V. Reasons and grounds for taking security measures towards the victim and witness. *Criminalist*. 2024;2(47):73-80. (In Russ.).

Любое цивилизованное общество заинтересовано в том, чтобы каждое преступление было раскрыто и виновные в его совершении понесли заслуженное наказание. Именно на этом базируются принципы законности и справедливости в уголовном праве и уголовном процессе.

Но по ряду преступлений привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, бывает затруднено вследствие оказываемого на участников процесса, с помощью которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию, в частности потерпевших и свидетелей, неправомерного воздействия.

Это практически всегда выражается в угрозах уничтожения имущества, причинения вреда здоровью или даже смерти как самому участнику процесса, так и его близким. Запугивание имеет своим назначением вынудить свидетелей и потерпевших отказаться от дачи показаний, дать ложные показания либо существенно изменить ранее данные показания, в результате может сложиться ошибочное впечатление о полной невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, либо о существенно меньшей виновности и незначительности его роли в совершенном преступлении, о чем ранее уже отмечалось авторами [1, с. 120 – 125]. Но вместе с тем полагаем необходимым отметить, что, как свидетельствуют опросы участников уголовного судопроизводства¹,

иногда в качестве неправомерного воздействия на потерпевшего используется и такой вид, как подкуп. При этом, что было отмечено опрашиваемыми, потерпевшие подкуп воспринимали как возмещение причиненного преступлением материального вреда, компенсацию моральных страданий, поэтому соглашались принять денежные средства и изменить показания в пользу лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Этот вид воздействия, несмотря на видимую законность – возмещение вреда, причиненного преступлением, все же носит характер незаконного, если потерпевший после получения денежных средств начинает по просьбе лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, либо их защитников менять показания в сторону улучшения положения таких лиц, в том числе и в вопросе квалификации их действий.

Как показывает практика и подтверждает опрос следователей, подобное очень часто происходит в результате взаимодействия адвоката – защитника привлекаемого к ответственности лица и адвоката – представителя потерпевшего.

Именно поэтому государство, пытаясь достичь целей уголовного судопроизводства, перечисленных в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), возлагает на свидетеля и потерпевшего обязанность добросовестно выполнять

¹ В процессе работы над статьей было опрошено 48 адвокатов, входящих в состав членов Адвокатской палаты Калининградской области, Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга

га, Адвокатской палаты Томской области; 36 следователей различных подразделений Следственного комитета Российской Федерации и МВД России.

требования уголовно-процессуального законодательства, что способствует осуществлению уголовного судопроизводства и вынесению дознавателем, следователем и судом законного, обоснованного и справедливого решения по возникшему уголовно-правовому конфликту. В то же время необходимо учитывать и вероятную опасность для этих участников уголовного судопроизводства в связи с их участием в изобличении лиц, виновных в совершении преступления.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 года впервые была предусмотрена в ч. 9 ст. 166 возможность защиты потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц от реального либо предполагаемого неправомерного воздействия с целью воспрепятствования нормальному ходу расследования преступления. Но указанная норма носила исключительно теоретический характер.

В дальнейшем принятие Федерального закона от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» позволило детализировать механизм защиты данных участников от неправомерного воздействия.

Таким образом, впервые в российском уголовном судопроизводстве было реализовано право на обеспечение безопасности достаточно значимых участников уголовного судопроизводства, чьими показаниями устанавливаются обстоятельства, входящие в предмет доказывания.

Законность этого института была подтверждена и Конституционным Судом Российской Федерации, который, в частности, отметил, что «содержащиеся в части девятой статьи 166 и части пятой статьи 278 УПК Российской Федерации специальные правила проведения процессуальных действий и оформления их результатов относятся к числу пра-

вовых средств, используемых в указанных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации конституционно значимых целях, в том числе для обеспечения борьбы с преступностью и защиты прав и законных интересов потерпевших, свидетелей и иных лиц, оказывающих содействие в раскрытии и расследовании преступлений»¹.

Указанный институт вызвал большой интерес среди ученых и практиков, поскольку представлял реальный инструмент в борьбе с самыми опасными видами преступности — организованной и преступных сообществ.

Разработке обеспечения безопасности указанных участников было посвящено достаточно большое количество исследований, осуществленных как с позиций уголовно-процессуального законодательства [2, с. 72 — 76; 3, с. 9 — 13; 4, с. 14 — 18; 5, с. 51 — 53 и др.], так и с позиций криминалистики [6, с. 169 — 176; 7, с. 50 — 53; 8, с. 135 — 139 и др.].

В то же время не все авторы восприняли данный институт как позитивный. Так, И. В. Смолькова полагает, что «институт так называемого „анонимного“ свидетеля представляет собой отход от принципов непосредственности и состязательности процесса. Соккрытие данных о личности свидетеля можно даже рассматривать как меру, нарушающую право обвиняемого на защиту» [9, с. 82 — 88]. Представляется, что данное утверждение достаточно спорно.

Вместе с тем применение на практике данного института периодически вызывает некоторые дискуссионные вопросы.

Например, по мнению Н. Ю. Волосовой и О. В. Журкиной, отсутствие еди-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Пеункова Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 276, частями второй и пятой статьи 278 и статьей 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2016 г. № 2156-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ного критерия, который бы позволял осуществлять отбор кандидатов на участие в данной программе, в российском законодательстве приводит к тому, что к участию допускаются лица, в защите которых нет необходимости, что следует рассматривать как злоупотребление правом со стороны принимающих такое решение [10, с. 162 – 171].

Анализ практики частично подтверждает данное мнение. Так, при изучении архивного уголовного дела № 1-14/2014 (1-446/2013)¹ по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ (два эпизода), было установлено, что поводом для возбуждения уголовного дела послужили материалы оперативно-разыскной деятельности, документирования совершения сотрудниками таможни коррупционных преступлений. К материалам уголовного дела в качестве иных документов следователем были приобщены материалы, полученные в процессе оперативно-разыскной деятельности, в частности заявление лица (в дальнейшем признанного по делу потерпевшим) о согласии на участие в оперативно-разыскных мероприятиях в рамках проводимого оперативного эксперимента, акты получения им и сдачи специальной видео- и аудиоаппаратуры, расписки в получении денежных средств, предназначенных для передачи должностным лицам – сотрудникам таможни. Во всех этих документах указывались полные данные лица, содействовавшего правоохранительным органам. Также к материалам уголовного дела были приобщены документы об учреждении данным гражданином юридического лица, созданного в рамках оперативного эксперимента для легендирования его деятельности, заключавшейся в выявлении

¹ Уголовное дело № 1-14/2014 (1-446/2013) по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ // Архив Ленинградского районного суда г. Калининграда.

преступной деятельности сотрудников таможни, в которых также были указаны все его персональные данные.

Одновременно при проведении оперативно-разыскных действий, связанных с вручением специальной аппаратуры и денежных средств, присутствовали лица, выполнявшие роль псевдопонятых (действующим законодательством, регулирующим проведение оперативно-разыскных мероприятий, наличие понятых не предусмотрено, но, как показывает анализ практики, сотрудники, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, подстраховываются, привлекая для этой цели посторонних лиц и тем самым фактически создавая дополнительно свидетельскую базу). В процессе допроса этих лиц в судебном заседании они назвали фамилию, имя и отчество лица, которому вручались специальная аппаратура и денежные средства, предназначенные для подкупа сотрудников таможни.

Помимо этого все персональные данные этого лица содержались в объяснении, которое было отобрано у данного лица (заявителя) по результатам предварительной проверки, и в постановлении о признании заявителя потерпевшим. Но в дальнейшем, спустя достаточно продолжительное время, на основании ч. 9 ст. 166 УПК РФ следователь принял решение о сохранении в тайне данных потерпевшего (заявителя), о чем вынес соответствующее постановление. Сомнительность этого решения была очевидной, но руководитель следственного органа согласился с решением следователя, несмотря на то что какой-либо реальной опасности для заявителя (потерпевшего) не существовало.

В процессе выполнения требований ст. 217 УПК РФ обвиняемый К. и его защитник в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела сделали замечание, обратив внимание на необоснованность принятого решения, указав,

что все данные лица, в отношении которого было принято решение о сохранении его личных данных в тайне, находятся в материалах уголовного дела в открытом доступе, в связи с чем решение следователя является необоснованным, и просили его отменить.

В ходе судебного разбирательства, допрашивая лицо, данные о котором на основании постановления следователя были сохранены в тайне, защитник и подсудимый стали уточнять вопросы, предшествовавшие возбуждению уголовного дела, а именно получение этим лицом специальной аппаратуры, получение денежных средств, регистрация юридического лица, дача объяснения после подачи заявления о совершенном преступлении. В итоге сторона защиты ходатайствовала перед судом о вызове и допросе в качестве свидетеля лица, участвовавшего в производстве оперативно-разыскных мероприятий, а также выступившего в качестве заявителя и давшего объяснение по поводу заявления о совершенном преступлении.

Суд был вынужден удовлетворить ходатайство стороны защиты, несмотря на возражения государственного обвинителя.

В процессе допроса этого лица было выявлено большое количество противоречий в сформированной следователем доказательственной базе (было установлено, что значительная часть доводов о виновности подсудимого К. базировалась на предположениях, не подкреплённых доказательствами), что позволило стороне защиты поставить под сомнение все собранные следствием доказательства и оспорить доводы стороны обвинения о виновности подсудимого. В результате Ленинградским районным судом г. Калининграда был постановлен оправдательный приговор, который затем был предметом рассмотрения в апел-

ляционной и кассационной инстанциях и оставлен без изменения¹.

Для того чтобы избежать подобных необоснованных решений, необходимо, чтобы решение следователя о сохранении чьих-либо данных в тайне было не только законным, обоснованным и мотивированным, но и разумным и гармонировало с теми материалами, которые уже включены в уголовное дело в качестве доказательств, в том числе в виде иных материалов, к каковым, как правило, относятся рассекреченные материалы оперативно-разыскной деятельности. Данные участника должны быть зафиксированы в материалах уголовного дела таким образом, чтобы его нельзя было идентифицировать с конкретной личностью, иначе действия по сохранению данных о потерпевшем и свидетелях в тайне теряют свой смысл и опасность для лица, данные о котором формально сохранены в тайне, фактически не утрачиваются.

В настоящее время отсутствует единый критерий, который бы позволял следователю принимать обоснованное решение о наличии реальной опасности для лиц, участвующих в содействии уго-

¹ Это уголовное дело вызывает интерес тем, что по нему было допущено значительное количество следственных ошибок. В частности, к следственной ошибке можно отнести следующее: со всеми сотрудниками таможни, занимавшими низовые должности и непосредственно получавшими взятки от участников внешнеэкономической деятельности, по своей сути представлявшими низовое звено должностных лиц таможни, было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В то же время каких-либо отвечающих требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств причастности к коррупционным преступлениям вышестоящих руководителей таможни следствием получено не было, все обвинение базировалось исключительно на предположениях, исходящих от лица, участвовавшего в оперативно-разыскных мероприятиях, и сотрудников таможни, занимавших низовые должности и по своему должностному статусу не взаимодействовавших с руководителями таможни.

ловному судопроизводству, соответственно, в необходимости защиты этих лиц.

Наличие или отсутствие опасности для свидетеля либо потерпевшего, а также ее серьезность на современном этапе определяют конкретные должностные лица (следователь, начальник органа дознания, суд). При отсутствии единых критериев такой отбор может быть субъективным и основываться в том числе на достаточно невысоком профессиональном уровне лица, принимающего данное решение.

В связи с этим вызывает интерес позиция Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Необходимо отметить, что в связи с прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы приостановлено действие Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении Российской Федерации, в связи с чем в настоящее время значение прецедентности решений ЕСПЧ для российского правоприменителя отсутствует, но ранее вынесенные решения продолжают представлять интерес¹. Так, по мнению ЕСПЧ, сокрытие данных свидетелей возможно и при отсутствии реальной угрозы, как превентивный метод защиты, поскольку по ряду категорий преступлений (например, совершенных сплоченными и организованными группами, действующими в сфере незаконного оборота наркотиков) теоретически существует угроза применения противоправных действий в их отношении (Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Доорсон против Нидерландов» (*Doorson v Netherlands*) от 26 марта 1996 года, *Reports of Judgments and Decisions 1996-II*).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие

¹ О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федеральный закон от 28 декабря 2023 г. № 43-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

четко разработанных критериев оценки наличия либо отсутствия опасности для лиц, содействующих установлению всех обстоятельств по делу, следует все же руководствоваться превентивным подходом, с тем чтобы исключить вероятность противоправного воздействия на участников процесса. Примерно такой же позиции придерживаются, например, А. Халиков, Е. В. Марьина и другие ученые [11, с. 45 — 47; 12, с. 131 — 136; 13, с. 159 — 172].

Это не означает, что к каждому потерпевшему либо свидетелю, выступающему на стороне обвинения, следует применять меры по обеспечению безопасности. Но если уголовное дело расследуется в отношении группы лиц (когда не все участники преступной группы выявлены и задержаны), преступления носили дерзкий характер, сопровождались насилием, размер наказания за совершенные преступления может быть довольно значительным, то здесь существует достаточно высокая вероятность того, что к потерпевшему либо свидетелям будут применены незаконные методы воздействия, следовательно, вопрос о сохранении данных указанных участников в тайне необходимо решать незамедлительно, руководствуясь исключительно только вероятностью наличия такой возможности [14, с. 34 — 40].

В качестве примера можно обратить внимание на следующее. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая положения ст. 114 УПК РФ, основанием для временного отстранения от должности является наличие достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый, оставаясь на занимаемой им должности, продолжит преступную деятельность, будет угрожать участникам уголовного судопроизводства или другим способом воздействовать на них с целью добиться с их стороны определенных действий или решений, сможет

уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу¹.

Исходя из вышеприведенного мнения, действуя по аналогии, можно предложить правоприменителю принимать меры безопасности, согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ, при наличии достаточных оснований, которые нами были перечислены выше.

Но при этом необходимо избегать ошибок, которые были допущены при

расследовании приведенного нами выше уголовного дела, когда, несмотря на принятие решения о сохранении данных участника уголовного судопроизводства в тайне, его оказалось достаточно легко идентифицировать с конкретным лицом, что явно не соответствовало предъявляемым законодательством требованиям о сохранении его данных в тайне, соответственно, защите от возможных противоправных воздействий на это лицо.

Список источников

1. Конин В. В. Оценка показаний в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2018. № 7-8. С. 120–26.
2. Азаренок Н. Процессуальные гарантии охраны интересов свидетеля в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2013. № 2. С. 72–76.
3. Левченко О. В., Мищенко Е. В. Потерпевший и его безопасность в уголовном процессе: теоретический аспект // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 4. С. 9–13.
4. Ендольцева А. В. Защита потерпевших от бытовых насильственных преступлений: все ли сделано в этом направлении? // Мировой судья. 2020. № 10. С. 14–18.
5. Ревина И. В. Безопасность лиц, содействующих правосудию: проблемы обеспечения // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 51–53.
6. Мишин А. В. Тактико-криминалистические основы обеспечения безопасности потерпевшего и свидетеля при расследовании преступлений // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 4. С. 169–176.
7. Мишин А. В. Ситуационные особенности противоправного посягательства на участников досудебного производства по уголовному делу // Вестник. Государство и право. 2020. № 27. С. 50–53.
8. Немченко О. О. Сущность и содержание криминалистического обеспечения защиты интересов потерпевшего по уголовным делам // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство : сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф., г. Пенза, 5 марта 2020 г. Пенза : Наука и просвещение, 2020. С. 135–139.
9. Смолькова И. В. Псевдоним свидетеля в уголовном судопроизводстве (с учетом практики Европейского суда по правам человека) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 82–89.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Щербинина Алексея Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями части третьей статьи 50, части шестой статьи 114, пункта 8 части второй статьи 131 и части второй статьи 248 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 г. № 429-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванченко Игоря Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 29 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» и частью второй статьи 76 Трудового кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1109-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Волосова Н. Ю., Журкина О. В. Сколько стоит жизнь под псевдонимом: критический взгляд на программу защиты свидетелей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 162–171.

11. Халиков А. Обеспечение безопасности при сокрытии данных о личности // Законность. 2007. № 10 (876). С. 45–47.

12. Марьина Е. В. О проблеме познаваемости истины в уголовном процессе // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. Санкт-Петербург : Петрополис, 2018. С. 131–136.

13. Тамбовцев А. И. Негласность как межотраслевой социально-правовой феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 159–172.

14. Кудрявцева А. В. Право потерпевшего на эффективное расследование: содержание и механизм реализации // Уголовный процесс. 2023. № 5 (221). С. 34–40.

Информация об авторах

В. В. Конин – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент;

К. А. Корсаков – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Е. В. Сидоренко – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

V. V. Konin – Associate Professor at the Department of criminal procedure law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

K. A. Korsakov – Associate Professor at the Department of criminal procedure law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

E. V. Sidorenko – Associate Professor at the Department of criminal procedure law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Science (Law), Honorary Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.3/7

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕУПЛАТЫ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ

Юлия Владимировна МОРОЗОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, yuliya-morozova@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации неуплаты средств на содержание детей, анализируется позиция Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика, выдвигаются предложения по квалификации и изменению законодательства.

Ключевые слова: неуплата алиментов, совокупность преступлений, продолжаемое преступление, несовершеннолетний, неоднократность

Для цитирования: Морозова Ю. В. Вопросы квалификации неуплаты средств на содержание детей // Криминалистъ. 2024. № 2 (47). С. 81 – 89.

Original article

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF NONPAYMENT OF CHILD SUPPORT

Yuliy V. MOROZOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, yuliya-morozova@inbox.ru*

Abstract. The author considers the qualification issues of nonpayment of child support, analyzes the position of the Supreme Court of the Russian Federation and judicial practice, puts forward the proposals for qualification and changes in legislation.

Keywords: nonpayment of alimony, cumulative offences, continuous crime, minor, repeatability

For citation: Morozova Y. V. Problems of qualification of nonpayment of child support. Criminalist. 2024;2(47):81-89. (In Russ.).

В соответствии со статьей 38 Конституции Российской Федерации материнство и детство, семья находятся под защитой государства.

Несмотря на принимаемые государством меры, проблема защиты прав несовершеннолетних, в частности имущественных, связанных с неуплатой алиментов, остается актуальной. Государ-

ство продолжает искать эффективные способы защиты интересов несовершеннолетних, в том числе уголовно-правовыми средствами.

Норма ст. 157 «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) претерпела существенные изменения

© Морозова Ю. В., 2024

с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ¹. Изменились название статьи (ранее ст. 157 УК РФ называлась «Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей»), криминообразующие признаки, появился новый признак — «неоднократно», отличающийся от прежнего его толкования преюдициальным содержанием, заключающимся в том, что обязательным условием уголовного преследования лица является его предварительное привлечение за то же деяние к административной ответственности в порядке, установленном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

Статья 157 УК РФ включает два самостоятельных состава преступления.

Ответственность за неуплату родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, если это деяние совершено неоднократно, предусматривается в ч. 1 ст. 157 УК РФ.

Согласно ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. В случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке. Семейным кодексом Российской Федерации предусматривается обязанность родителей содержать своих нетрудоспособных совершенно-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

летних детей, нуждающихся в помощи (ст. 85).

Основным непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения по обеспечению интересов несовершеннолетнего. Исходя из законодательной конструкции анализируемого состава, полагаем возможным также выделить дополнительный непосредственный объект — общественные отношения в сфере правосудия.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, характеризуется бездействием в юридическом смысле, выраженным в неоднократной неуплате родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста.

До принятия Федерального закона от 3 июня 2016 года № 323-ФЗ объективная сторона анализируемого преступления выражалась в злостном уклонении от уплаты алиментов. Под злостным уклонением судебная практика понимала следующие обстоятельства: уклонение от уплаты после официального предупреждения об уголовной ответственности, смена жительства, нежелание трудоустроиться, предоставление ложных сведений о своих доходах и имуществе и т. д.

Согласно действующей редакции статьи, обязательным признаком объективной стороны состава является неоднократность неуплаты родителем средств на содержание несовершеннолетних детей или нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста. В примечании 1 к ст. 157 УК РФ неоднократность определяется как неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершен-

нолетних детей или нетрудоспособных совершеннолетних детей, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ), в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Статья 5.35.1 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за неуплату без уважительных причин родителями или трудоспособными детьми в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Изменение уголовно-правовой нормы, изложенной в ч. 1 ст. 157 УК РФ, вызвало некоторые затруднения в практике ее применения.

Так, одним из первых возник вопрос, связанный со временем совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ. В частности, непонятно, по истечении какого периода времени после привлечения лица к административной ответственности и назначения ему административного наказания возможно привлечение к уголовной ответственности в случае, если лицо продолжает не уплачивать алименты.

Судебная практика складывалась противоречиво. Нет единого мнения по данному вопросу и в научной среде [1, с. 32–36]. Точка в дискуссии была

поставлена Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 22 декабря 2022 года № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)». Так, в п. 5 Постановления указано, что под неуплатой алиментов следует понимать умышленное неисполнение (уклонение от исполнения) обязанности по внесению лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, алиментных платежей в течение двух и более месяцев подряд в рамках возбужденного исполнительного производства.

Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание на то, что лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние и продолжившее неуплату средств на содержание детей, не может быть привлечено к уголовной ответственности за неуплату алиментов за те периоды, срок уплаты за которые наступил до вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.35.1 КоАП РФ.

Подобная позиция Пленума объясняется, на наш взгляд, тем, что в этом случае уголовную ответственность предопределяет административная ответственность и общественную опасность деяния, свойственную для преступления, законодатель связывает именно с тем, что лицо, не выполнив предусмотренную законом обязанность, подвергается административной ответственности, но продолжает не исполнять данную обязанность. Соответственно, неуплата алиментов до вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении образует состав только административного правонарушения.

Вместе с тем на практике одной из самых распространенных ошибок яв-

ляется включение периода неуплаты, являющейся поводом для административной ответственности, в период неуплаты, рассчитанной для привлечения лица по ч. 1 ст. 157 УК РФ.

Как следует из приговора, П. признан виновным и осужден за неуплату родителем без уважительных причин в нарушение решения суда средств на содержание несовершеннолетних детей, если это деяние совершено неоднократно.

Указанное преступление совершено им в период с 30 декабря 2021 года по 24 марта 2022 года, когда, будучи привлеченным к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ за неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда средств на содержание детей в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, никаких мер для исполнения решения суда не принимал, алименты не выплачивал.

В результате неуплаты П. средств на содержание несовершеннолетних детей в период с 30 декабря 2021 года по 24 марта 2022 года образовалась задолженность. Как следует из материалов дела, постановлением от 17 ноября 2021 года П. привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ за неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда средств на содержание детей в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства.

Однако П., подвергнутый административному наказанию, продолжил неуплату ежемесячных алиментных платежей, в том числе не произвел платежи за декабрь, январь и последующие месяцы. В данном случае неуплата алиментов за декабрь, имевшая место с 1 января по 28 февраля, могла свидетельствовать о наличии в его действиях признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, начиная с 00 часов 1 марта.

Вместе с тем согласно постановлению о расчете задолженности от 25 марта 2022 года П. обязан выплачивать ежемесячно сумму алиментов, равную двум прожиточным минимумам (на момент расчета задолженности составлял 11 642 рубля). В то же время за декабрь (30 – 31 декабря 2021 года) сумма задолженности составила только лишь 1 502 рубля 19 копеек. Несмотря на то что постановление мирового судьи от 17 ноября 2021 вступило в законную силу 13 декабря 2021 года, осужденному вменен период неуплаты алиментов с 30 декабря 2021 года, и в силу требований ст. 252 УПК РФ только этот период может учитываться при установлении его виновности.

Неуплата же алиментов за январь, имевшая место с 1 февраля по 31 марта, могла свидетельствовать о наличии в действиях осужденного признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, начиная с 00 часов 1 апреля и так далее.

Однако вмененный органом дознания П. период совершения преступления с 30 декабря 2021 года по 24 марта 2022 года, с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, приведенных в п. 5 постановления от 22 декабря 2022 года № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)», не свидетельствует о неуплате им без уважительных причин в нарушение решения суда средств на содержание детей за январь и последующие месяцы в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства¹.

¹ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 августа 2023 г. по делу № 77-2823/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». См. также: Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции

Непростым остается вопрос, подлежит ли лицо повторному привлечению к ответственности в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию, если данное лицо продолжает неуплату алиментов после осуждения по ст. 157 УК РФ.

Следует согласиться с мнением, что в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, такое лицо может быть неоднократно привлечено к уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ. То есть одно административное правонарушение может последовательно являться преюдицией для нескольких преступлений [2, с. 266]. Тот факт, что после привлечения к административной ответственности лицо продолжает неуплачивать алименты, не дает оснований для повторного привлечения его к административной ответственности по ст. 5.35.1 КоАП РФ, а является основанием для привлечения виновного именно к уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ.

Следует обратить внимание на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, отраженную в Определении от 6 июня 2019 года № 1509-О¹, где суд указал, что из закона не вытекает, что административное правонарушение, предусмотренное ст. 5.35.1 КоАП РФ, является элементом объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ. Неоднократность в преступлениях с административной преюдицией является признаком субъекта состава преступления. Соответственно, каких-либо огра-

от 16 февраля 2023 г. № 77-253/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ По запросу мирового судьи судебного участка № 23 Елизовского судебного района в Камчатском крае о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 157 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2019 г. № 1509-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ничений для многократного привлечения к уголовной ответственности лица, уклоняющегося от уплаты алиментов, в период, когда оно считается привлеченным к административной ответственности, не имеется. Как минимум в течение года такое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ несколько раз.

Дискуссионным является вопрос, связанный с возможностью применения института малозначительности деяния при оценке действий лица, которое без уважительных причин уплачивало алименты не в полном размере. Верховный Суд Российской Федерации рекомендует при решении вопроса о том, является ли деяние малозначительным, принимать во внимание, в частности, размер неуплаченных сумм, длительность периода, за который уплата алиментов осуществлена не полностью, мотивы, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый), и иные обстоятельства дела².

Судебная практика не рассматривает частичную уплату алиментов, а также небольшую сумму задолженности как обстоятельства, изменяющие характер и степень общественной опасности преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ.

Так, суд признал доводы защитника о малозначительности совершенного преступления в связи с частичным возмещением материального ущерба в размере 165 тыс. рублей несостоятельными. Общая задолженность по алиментам составляла 547 769 рублей 57 копеек.

В решении суд указал, что малозначительность свидетельствует о том, что содеянное не причинило существенного вреда охраняемым уголовным законом

² О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 39. П. 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

интересам личности, общества, государства и не создало угрозу причинения такого вреда. Судом установлено, что Г. Д. частично возмещен материальный ущерб в сумме 165 тыс. рублей. При этом ущерб не является определяющим признаком общественной опасности деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, а характер и степень общественной опасности совершенного преступления, определяемые с учетом объекта посягательства (интересы несовершеннолетнего), не позволяют оценить деяние по ч. 2 ст. 14 УК РФ как малозначительное¹.

По другому делу суд апелляционной инстанции, принимая во внимание, что осужденный не осуществлял уплату алиментов на протяжении более двух месяцев, что размер задолженности за данный период рассчитывался исходя из установленного решением суда размера алиментов, рассчитанного в долях к размеру всех видов заработка и иного дохода осужденного, а также мотивы, которыми руководствовался осужденный, в том числе то, что у него имеются иные иждивенцы, а дети от первого брака, по его мнению, живут в достатке, учитывая характер и степень общественной опасности содеянного, пришел к выводу, что вопреки доводам апелляционной жалобы размер задолженности по алиментам в сумме 3 680 рублей не свидетельствует о малозначительности деяния².

Полагаем, что суды верно исходят из того, что размер задолженности не свидетельствует о малозначительности деяния. Причиненный ущерб не является элементом состава анализируемого преступления, соответственно, общественную опасность законодатель связывает

¹ Приговор Куйбышевского районного суда города Самары от 13 июня 2023 г. по делу № 1-163/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Верховного суда Республики Крым от 14 февраля 2023 г. по делу № 22-321/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не с суммой ущерба, а с действиями, причиняющими вред объекту преступления, а именно интересам несовершеннолетнего. Поэтому при принятии решения о применении ч. 2 ст. 14 УК РФ, на наш взгляд, суды прежде всего должны оценить, насколько бездействием виновного были нарушены интересы несовершеннолетнего.

Кроме того, как уже указывалось, при совершении преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, неисполнением решения суда нарушаются и общественные отношения в сфере правосудия. Данное обстоятельство не может не учитываться.

Законодателем не урегулирован вопрос, связанный с неуплатой алиментов в отношении двух и более несовершеннолетних детей.

Верховный Суд Российской Федерации высказал следующую позицию, отметив, что бездействие лица, обязанного уплачивать алименты нескольким детям в соответствии с различными судебными актами или нотариально удостоверенными соглашениями, которое подвергнуто административному наказанию за неуплату алиментов в нарушение лишь одного из судебных актов (соглашений) и после этого не производит платежи только в нарушение другого судебного акта (соглашения), не образует состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 года № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации связывает уголовную ответственность за неуплату алиментов лишь с неуплатой по тому же судебному акту или соглашению, за неисполнение которого ранее лицо

было привлечено к административной ответственности. Это позволило сделать вывод о том, что если виновный не уплачивает алименты в отношении нескольких несовершеннолетних по разным судебным актам или соглашениям, по которым возбуждены разные исполнительные производства, и лицо за неисполнение каждого привлечено к административной ответственности, последующая неуплата алиментов на каждого несовершеннолетнего является самостоятельным составом преступления и действия виновного подлежат квалификации по совокупности преступлений¹.

При этом, по мнению некоторых авторов, данное положение отражает «отступление Верховного Суда Российской Федерации от традиционного понимания продолжаемого преступления как преступления, состоящего из ряда тождественных действий, направленных на достижение единой цели, применительно к преступлениям, предусмотренным ч. 1 и ч. 2 ст. 157 УК РФ» [3, с. 63–67].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, на наш взгляд, не отступал от общепринятой позиции, он всего лишь сделал акцент на том, что признак неоднократности образуют аналогичные деяния. Проблема квалификации действий лица в случае неуплаты алиментов на содержание двух и более детей в данном Постановлении не рассматривалась.

Относительно разграничения единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений применительно к ст. 157 УК РФ полагаем необходимым обозначить следующее.

В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43

¹ См., напр.: Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21 сентября 2023 г. № 77-2027/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о делящихся и продолжаемых преступлениях» продолжаемым является преступление, состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом.

О единстве умысла виновного могут свидетельствовать, в частности, такие обстоятельства, как совершение тождественных деяний с незначительным разрывом во времени, аналогичным способом, в отношении одного и того же объекта преступного посягательства и (или) предмета преступления, направленность деяний на достижение общей цели.

При установлении вышеуказанных критериев действия лица по неуплате алиментов на содержание двух и более несовершеннолетних могут быть квалифицированы как единое продолжаемое преступление. В иных случаях действия лица должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ.

Ссылка на то, что единство умысла определяется совершением деяния в один период времени, а также на то, что объективная сторона выражена в неуплате родителем в нарушение решения суда или соглашения средств на содержание детей и при этом квалификация преступления не зависит от количества детей, на содержание которых виновный обязан выплачивать алименты, на наш взгляд, несостоятельна.

Не можем мы согласиться и с мнением о том, что «наличие у виновного лица обязанности содержать двоих и более несовершеннолетних детей, алименты на которых взысканы разными судебными решениями в пользу разных взыскателей, не свидетельствует о совершении нескольких преступлений, так как общественно опасное бездействие допущено в один период, имеет один мотив и одну

цель, в силу этого образует один состав преступления» [4, с. 44].

Исходя из законодательной конструкции состава, полагаем, что ключевым моментом является не количество детей, на содержание которых лицо не выплачивает алименты, а количество судебных решений (соглашений), которые умышленно не исполняет виновный. А в самом судебном решении (соглашении) может быть указан один ребенок или более.

Учитывая однородность признаков состава преступления и состава административного правонарушения, связанных с неуплатой средств на содержание детей, полагаем возможным сослаться на п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 года № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», где определено, что «в случае принятия в отношении лица нескольких судебных актов о взыскании алиментов либо наличия нескольких соглашений об уплате родителем алиментов (например, ввиду обязанности предоставлять содержание нескольким детям), в связи с неисполнением каждого из которых возбуждены исполнительные производства и имеются данные о фактах неуплаты алиментов в течение двух и более месяцев подряд, такие факты подлежат самостоятельной квалификации по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ».

По тем же основаниям, считаем, что ссылка на позицию Пленума, обозначенную в постановлении от 25 декабря 2018 года № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)», где указывается, что «невплата

заработной платы одним и тем же работникам либо разным работникам частично свыше трех месяцев и полностью свыше двух месяцев, если содеянное охватывалось единым умыслом виновного, квалифицируется только по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, при этом все признаки деяния должны быть приведены в описательной части обвинительного приговора. В иных случаях невыплата заработной платы частично и полностью образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 145.1 УК РФ», неприменима для анализируемой категории дел.

Учитывая конструкцию объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, единство умысла по данной категории дел, действительно, определяется не количеством нарушенных трудовых договоров, а невыполнением предусмотренной законом обязанности в отношении нескольких лиц.

Статья 157 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение конкретного решения суда или соглашения, соответственно, умысел виновного направлен не на неисполнение обязанности по уплате алиментов как таковой (как имеет место в случае, предусмотренном ст. 145.1 УК РФ), а на нарушение предписаний конкретного решения суда или нотариально удостоверенного соглашения. При таких обстоятельствах отсутствует единство умысла, необходимое для признания деяния продолжаемым преступлением, и неуплата алиментов на содержание двух и более несовершеннолетних детей, совершаемая в нарушение нескольких судебных актов о взыскании алиментов либо нескольких соглашений об уплате родителем алиментов (например, ввиду обязанности предоставлять содержание нескольким детям), в связи с неисполнением каждого из которых возбуждены исполнительные производства, если

лицо по каждому из них привлечено к административной ответственности, должна квалифицироваться по совокупности преступлений.

Вместе с тем в целях исключения правовой неопределенности следует согласиться с мнением о необходимости дополнить ст. 157 УК РФ третьей частью, предусматривающей ответственность

родителя за неуплату без уважительной причины в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание двух и более несовершеннолетних детей, а равно двух и более нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, если это деяние совершено неоднократно.

Список источников

1. Филиппов П. А. Лекции о преступлениях против семьи и несовершеннолетних : учеб. пособие. Москва : Проспект, 2019. 296 с.
2. Карпов И. П. Вопросы квалификации неуплаты алиментов // Законность. 2023. № 6. С. 32–36.
3. Вешняков Д. Ю. Отграничение совокупности преступлений от продолжаемого преступления в Постановлении Пленума Верховного Суда России о судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 6. С. 63–67.
4. Макеева И. С., Харламова А. А. Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей // Законность. 2021. № 10. С. 40–45.

Информация об авторе

Ю. В. Морозова – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

Y. V. Morozova – Associate Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.3/7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»: НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Андрей Вячеславович НИКУЛЕНКО

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, nikulenkoa@mail.ru*

Аннотация. Развитие современных компьютерных технологий и сети «Интернет» не осталось без внимания преступного элемента, который умело пользуется компьютерной безграмотностью населения, в основном старшего возраста, устоявшимися стереотипами мышления и укоренившимся в сознании представлением о способах совершения большинства преступлений, прежде всего против собственности. Еще большую опасность вызывает глубокое погружение несовершеннолетних и молодежи в интернет-пространство, черпающих оттуда зачастую неверную информацию и негативные примеры поведения.

Ключевые слова: преступления, совершаемые посредством сети «Интернет», негативное воздействие, возможности противодействия

Для цитирования: Никуленко А. В. Преступления, совершаемые посредством сети «Интернет»: неиспользованные возможности противодействия // Криминалистъ. 2024. № 2 (47). С. 90 – 97.

Original article

CRIMES COMMITTED VIA THE INTERNET: UNUSED COUNTERACTION OPPORTUNITIES

Andrey V. NIKULENKO

*A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia,
nikulenkoa@mail.ru*

Abstract. The development of modern computer technologies and the Internet has not been ignored by criminals, who skillfully use the computer illiteracy of the population, mainly older people, with well-established stereotypes of thinking with well-established stereotypical thinking and a sharp perception of how most offences are committed, primarily against property. Even more dangerous is the deep immersion of minors and young people into the Internet space, which often provide them with incorrect information and negative examples of behavior.

Keywords: crimes committed via the Internet, negative impact, counteraction possibilities

For citation: Nikulenko A. V. Crimes committed via the Internet: unused counteraction opportunities. Criminalist. 2024;2(47):90-97. (In Russ.).

© Никуленко А. В., 2024

Компьютеризация, интернетизация коснулись практически всего цивилизованного мира. На сегодняшний день уровень проникновения Интернета в Российской Федерации составляет 89 %.

Интернет и «искусственный интеллект» приобретают все более значительные возможности. Посредством сети «Интернет» происходит межличностное общение (что, впрочем, на наш взгляд, не вполне хорошо, так как заменяет личное общение), осуществляются сделки купли-продажи, включая сделки с крупной недвижимостью, производятся межбанковские переводы и т. п.

Помимо водительского удостоверения, паспорта транспортного средства, ИНН и т. д. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации разработало проект правил использования «цифровых паспортов». По данным ВЦИОМ, 42 % россиян уже хотят их оформить. Так, вместо бумажных документов россияне смогут предъявлять QR-код и фотографию на своих смартфонах в приложении «Госуслуги». В некоторых случаях дополнительно понадобится одноразовый пароль, к примеру, для покупки алкоголя или табака.

Внедрение «цифрового паспорта» будет проходить в несколько этапов. На первом, когда правила официально утвердят и опубликуют, по цифровому паспорту можно будет посещать музеи и мероприятия, покупать алкоголь или табак, билет на поезд дальнего следования. Можно будет получать государственные услуги, но не все. Например, это будет невозможно при регистрации прав собственности на недвижимость, оформлении и замене внутренних и заграничных паспортов¹.

¹ Российская газета. 2023. 19 сент. URL: <https://rg.ru/2023/09/18/originalnyj-podhod>.

В ближайшее время Банк России, Национальная система платежных карт и Единая биометрическая система планируют запустить пилотный проект по биоэквайрингу — оплате товаров и услуг при помощи биометрии. Банковский счет будет привязан непосредственно к биометрии человека, которая с 1 октября 2023 года хранится в Единой биометрической системе. Внутри самой системы хранятся только математические модели. Их будут сравнивать с поступающими запросами при проведении платежа.

Биоэквайринг станет частью системы быстрых платежей — после аутентификации пользователя по его биометрическим данным деньги будут списываться с привязанного банковского счета².

В то же время нельзя не увидеть и отрицательные стороны этих возможностей. Развитие сети «Интернет» происходит значительно быстрее, чем осуществляются изменения в сознании граждан. Противодействию деструктивному влиянию сети «Интернет» посвящен соответствующий раздел Стратегии развития информационного общества, действующей до 2030 года, где отмечается, что «с появлением и развитием цифровизации не только облегчается процесс влияния на взгляды, позиции, интересы индивида, на формирование его моделей поведения, но и предоставляется возможным воздействовать на стратегические цели, способствующие и структуризации, и организации, и обеспечению контроля за распространением деструктивно влияющей на личность информации³. Указ Президента Рос-

html?ysclid=lol0geo38d903972021 (дата обращения: 01.11.2023).

² Российская газета. 2023. 26 сент. URL: <https://rg.ru/2023/09/26/vziraia-na-lica.html?ysclid=lol17rhez1217380294> (дата обращения: 01.11.2023).

³ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 —

сийской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹ ориентировал на особое внимание к цифровой трансформации многоаспектных сфер жизнедеятельности, сбережению российского народа, обеспечению необходимой степени защищенности граждан от различных внешних угроз и рисков.

С частью негативных сторон сети «Интернет» сталкиваются многие граждане, в частности наиболее незащищенные слои общества — подростки и пожилые люди. Это наличие в Сети недостоверной информации, широкие возможности для совершения противоправных и антисоциальных действий, появление различного рода зависимостей (чаще всего игровой и (или) потребительской (бесконтрольное совершение покупок)).

«Посредством Сети происходит склонение и вовлечение несовершеннолетних в преступность, внедрение в запрещенные экстремистские организации, в мероприятия, связанные с рискованным поведением (руфинг и зацепинг). Ситуация усугубляется склонением через сеть „Интернет“ к потреблению запрещенных веществ (наркотические, психотропные вещества, их аналоги), вовлечением в „группы смерти“ и, как результат, — значительным числом суицидов несовершеннолетних. Посредством Сети лица, не достигшие возраста совершеннолетия, проявляют делинквентное поведение путем совершения мошеннических действий, краж электронных

2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (дата обращения: 10.09.2023).

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. 2021. 22 июля.

денежных средств с банковских счетов, иных киберпреступлений. Механизмы деструктивного информационного воздействия проявляются посредством нагнетания межнациональной, социальной напряженности, этнической, религиозной ненависти, как результат — рост актов противоправного поведения подростков, в т. ч. преступлений террористической направленности» [1, с. 6].

Противоправное поведение, обусловленное в том числе влиянием контента информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», представляет опасность для различных общественных институтов, характеризуясь латентностью, высокой степенью повторяемости, деструктивностью и опасной самодетерминацией, формированием «резерва» для повторной и рецидивной преступности.

Кроме того, как отмечают специалисты, наркотики посредством сети «Интернет» сами пришли в наш дом. Следует отметить, что приобрести запрещенные средства и вещества становится едва ли не проще, чем заказать доставку продуктов. В настоящее время приобрести (заказать) запрещенные препараты можно прямо из дома, не вставая со стула. Их привезут в указанное место и оставят в тайнике. Не менее опасным представляется вовлечение в «группы смерти», что является причиной значительного роста суицидов среди подростков. Посредством сети «Интернет» совершаются мошеннические действия, занятие запрещенными видами деятельности (проституция, игромания, экстремистские проявления), террористические акты, кражи электронных денежных средств с банковского счета, иные киберпреступления.

«Подтверждением является удельный вес преступлений в киберпространстве, в которых участвуют несовершеннолетние. Особую озабоченность вызывают

деяния, направленные против национальной безопасности, в которые активно вовлекаются несовершеннолетние: значительная часть преступных проявлений терроризма, экстремизма связаны с публичными призывами к осуществлению подобной преступной деятельности. Так, по сведениям национальной статистики, в январе – октябре 2021 г. преступления, обусловленные призывами к экстремистской деятельности, имеют прирост на 37,1 % (440), большинство из которых совершено с применением возможностей информационно-телекоммуникационной сети „Интернет”» [1, с. 7–8]. Отметим, что в предыдущем году ситуация складывалась не лучшим образом.

В целях защиты от деструктивного влияния сети «Интернет» в Российской Федерации принимаются специальные меры противодействия. Так, в 2020 году в Роскомнадзор поступило более 22 тыс. заявлений от правообладателей, сформировано 8,5 млн определений Мосгорсуда о блокировании аккаунтов. В результате удалены запрещенный к распространению контент с около 108 тыс. сайтов сети «Интернет», 531 тыс. материалов, нарушающих нормы действующего законодательства, включая 208 тыс. материалов экстремистских и террористических организаций. Подлежало блокированию 15 тыс. сайтов в связи с неисполнением обязанности по удалению. В целом с 2012 по 2020 год в Российской Федерации удалено более 1,5 млн деструктивно влияющих на личность материалов, включая контент, связанный с пропагандой самоубийств, с детской порнографией, с распространением запрещенных веществ¹. В 2021 году (январь – октябрь) в России выде-

¹ Роскомнадзор назвал число заблокированных по требованию суда сайтов. URL: <https://ria.ru/20191203/1561905785.html> (дата обращения: 10.09.2023).

лено три категории «запрещенного контента»: призывы к самоубийству, детская порнография, наркотики, всего заблокировано более 427 тыс. материалов, что на 42 % больше, чем за 2020 год².

Между тем проблемы остаются, что обусловлено в том числе пробелами уголовного законодательства, в частности «отсутствием в отдельных составах преступлений, фактически обусловленных влиянием сети „Интернет”, квалифицирующего признака „с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»» (ст. 119, 163, 205.1 УК РФ); неурегулированностью вопросов криминализации определенных негативных явлений, проявляемых в Сети (кибербуллинг, секстинг, груминг, троллинг и т. д.), иными несовершенствами уголовного законодательства» [1, с. 9].

Несовершенной нам представляется статистическая отчетность. Отчет о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации (форма 1-ВТ)³, Отчет федерального статистического наблюдения Генеральной прокуратуры Российской Федерации⁴, другие не демонстрируют

² Роскомнадзор с января по сентябрь 2021 года заблокировал более 427 тыс. материалов с запрещенным контентом. URL: <https://telesputnik.ru/materials/gov/news/roskomnadzor-za-9-mesyatsev-2021-goda-zablokirovalbolee-427-tys-materialov/> (дата обращения: 10.09.2023).

³ Об утверждении формы Отчета о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникационной и компьютерной информации (Форма 1-ВТ) : Приказ МВД России от 1 апреля 2002 г. № 311 // Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20VK/> (дата обращения: 10.10.2023).

⁴ Об утверждении форм федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС, № 2-ЕГС, № 3-ЕГС, № 4-ЕГС : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 2 июля 2012 г. № 250 // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru>

объективную ситуацию преступности в Российской Федерации, обусловленной деструктивным влиянием сети «Интернет», ввиду фрагментарности отражаемой информации (отсутствует весь перечень подобных преступлений и соответствующие сведения о статистике преступности).

В направлении противодействия преступности несовершеннолетних следует выделить диссертацию Е. В. Кузнецовой [2, с. 18], в которой автор обосновала криминогенный потенциал сети «Интернет», а также диссертационное исследование М. Н. Туруновой.

«Как подсчитали эксперты компании экспертиз в сфере информационных технологий и права, сегодня переписка в мессенджерах используется в качестве доказательства примерно в каждом пятом уголовном деле. Не многие граждане задумываются о том, что переписка в чате может не только стать доказательством, но и увеличить срок.

В целом ряде статей УК содержится дополнительный квалифицирующий признак: совершение преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“. Это экстремистские преступления, клевета, распространение наркотиков и многие другие»¹.

«В частности, по признаку, предусмотренному пунктом «б» части 2 статьи 228.1 УК РФ, при незаконном сбыте наркотических средств квалифицируются действия лица, которое с использованием сети „Интернет“ подыскивает источник незаконного приобретения наркотических средств с целью последующего

¹ Российская газета. 2022. 10 нояб. URL: <https://rg.ru/2022/11/10/ispolzovanie-messendzherov-v-prestupleniiah-usilivaet-nakazanie.html>. (дата обращения: 01.11.2023).

сбыта или соучастников незаконной деятельности по сбыту наркотических средств, а равно размещает информацию для приобретателей наркотических средств.

По указанному признаку квалифицируется и совершенное в соучастии преступление, если связь между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“ (например, при незаконном сбыте наркотических средств обеспечивалась связь между лицом, осуществляющим закладку наркотических средств в тайники, и лицом, передавшим ему в этих целях наркотические средства)»².

Для обычных же граждан главное, что любые электронные следы помогают защититься от «плохих» людей. Например, мошенников или тех, кто рассылает ваши пикантные фото или банально оскорбляет.

Кроме того, Верховным Судом Российской Федерации проанализированы вопросы, возникающие при определении и изменении территориальной подсудности уголовных дел, в том числе о преступлениях, совершенных с использованием Интернета. Проблема в том, что нередко преступники в момент совершения преступления находились за границей. Возникает вопрос, в какой суд направлять дело, если, допустим, иностранный хакер похитил у россиянина важную информацию с домашнего но-

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37. П. 20. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

утбука. Как российскому правосудию дотянуться до конкретного заграничного хакера — это уже второй вопрос. Сначала важно запустить юридические механизмы. В некоторых случаях процесс может пройти заочно, а обвиняемый будет находиться в международном розыске¹.

Не оставлен без внимания Верховного Суда Российской Федерации и вопрос об определении места преступления при его совершении посредством сети «Интернет». Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что при киберпреступлениях местом совершения преступления является то, откуда действовал злоумышленник. Так, при хищении средств с банковского счета это то место, откуда были совершены действия по переводу похищенных средств, а не отделение банка, где был открыт счет потерпевшего. Об этом говорится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 38 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам», которым внесены уточнения в постановления от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в части хищения средств с банковского счета или электронных денежных средств: «25(2). Кражу, ответственность за которую предусмотрена пунктом „г“ части 3 статьи 158 УК РФ, следует считать оконченной с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого

¹ Российская газета. 2022. 31 окт. URL: <https://rg.ru/2022/10/31/moshenniku-ukazhut-mesto.html> (дата обращения: 01.11.2023).

владельцу этих денежных средств причинен ущерб. Исходя из особенностей предмета и способа данного преступления местом его совершения является, как правило, место совершения лицом действий, направленных на незаконное изъятие денежных средств (например, место, в котором лицо с использованием чужой или поддельной платежной карты снимает наличные денежные средства через банкомат либо осуществляет путем безналичных расчетов оплату товаров или перевод денежных средств на другой счет)»².

«При определении места совершения преступлений с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и, соответственно, территориальной подсудности уголовного дела судам необходимо учитывать, что доступ к данной Сети может осуществляться с помощью различных компьютерных устройств, в том числе переносных (мобильных)»³. Местом преступления является то, где непосредственно были совершены преступные действия. «Например, при публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности — территория, на которой лицом использовалось компьютерное устройство для направления другому лицу электронного сообщения, со-

² О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 38. П.1. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37. П. 19. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

держашего такие призывы, независимо от места нахождения другого лица, или использовалось компьютерное устройство для размещения в сети «Интернет» информации, содержащей призывы к осуществлению экстремистской деятельности»¹.

Не менее важной представляется нам разработка МВД России поправок к Федеральному закону от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в соответствии с которыми «к необходимым для следственных действий данным приравнивается любая информация, передаваемая через Интернет. Изменения дадут силовикам право быстро и до судебного предписания получить удаленный доступ к данным из дата-центров, облачных хранилищ, от операторов связи и устройств граждан»².

Еще в июне 2021 года были приняты поправки к Федеральному закону от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», которые позволили правоохранителям запрашивать в рамках оперативно-розыскного мероприятия данные о геолокации (местонахождении абонента). Сделано это было для облегчения поиска пропавших людей³.

Источником информации могут быть устройства физлиц, данные операторов связи, провайдеров и IT-компаний, говорит руководитель «Интернет-розыск» И. Бедеров: «Под действие проекта попадает и трафик: история выхода в Сеть, передаваемые через мессенджеры дан-

ные, работа с внешними облачными сервисами и т. д.»⁴.

Впрочем, на наш взгляд, и этого явно недостаточно. Вопросы совершенствования регулятивного законодательства, в частности Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федерального закона от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и других федеральных законов, подзаконных актов, технических регламентов, оставим «на откуп» соответствующим специалистам. Не выходя за рамки научной специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки (юридические науки)», попробуем предложить усовершенствовать уголовное законодательство, а также практику его применения.

В целях устранения несовершенства уголовного законодательства обоснованно внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации путем дополнения отдельных составов преступлений квалифицирующим признаком «совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“», а именно следующих составов преступлений: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) (преступление против личности); вымогательство (ст. 163 УК РФ) (преступление против собственности); содействие в террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) (преступление против общественной безопасности). Поскольку законодатель уже предусмотрел соответствующий квалифицирующий признак в других статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, подчеркивая значительную

¹ Там же.

² Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=140881> (дата обращения: 06.11.2023).

³ Коммерсантъ. 2023. 16 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6320992> (дата обращения: 05.11.2023).

⁴ Там же.

общественную опасность совершения преступлений посредством использования сети «Интернет», появляется целесообразность дополнения ст. 63 УК РФ таким обстоятельством, отягчающим наказание, как совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [1, с. 12–13].

В целях пресечения противоправной деятельности на первоначальном ее этапе (в ходе предварительной преступной деятельности, в частности, похищения на хищение) уже используется практика блокирования банковских пе-

реводов, носящих «сомнительный» характер и (или) вызывающих опасения у служб безопасности банков. Предлагаем не просто блокировать, но и удаленно выводить из строя устройства, посредством которых осуществляется попытка совершения преступления. Тем более IMEI переносного устройства персонализирован с сим-картой или IP-адресом стационарного компьютера.

На наш взгляд, это будет прямо укладываться в условия правомерности необходимой обороны и способствовать предупреждению преступлений, связанных с использованием сети «Интернет».

Список источников

1. Турунова М. Н. Противодействие влиянию сети «Интернет» на преступное поведение несовершеннолетних : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые (юридические) науки» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Турунова Меруерт Нурлановна. Санкт-Петербург, 2023. 24 с.
2. Кузнецова Е. В. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кузнецова Елена Владимировна. Курск, 2019. 26 с.

Информация об авторе

А. В. Никуленко – профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Nikulenko – Professor at the Department of criminal law of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.13

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Яна Михайловна ПЛОШКИНА

*Красноярский юридический институт (филиал) Сибирского федерального университета,
Красноярск, Россия, ploshkina_yana@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется правовая природа досудебного соглашения о сотрудничестве, рассматривается, что лежит в основе данного процессуального института: идея компромисса или идея соглашения. Представлены различные подходы к трактовке правовой природы данного института: досудебное соглашение о сотрудничестве является упрощенной формой уголовного судопроизводства, разновидностью ускоренного производства, специальным производством. В ходе исследования автор пришел к выводу, что досудебное соглашение о сотрудничестве — одно из проявлений компенсаторной модели уголовного судопроизводства, позволяющее добровольно, мирно, неконфронтационным путем урегулировать конфликт, возникший в результате совершения преступления.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, правовая природа, компромисс, сотрудничество, компенсаторная модель

Для цитирования: Плошкина Я. М. Правовая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Криминалисту. 2024. № 2 (47). С. 98 – 104.

Original article

THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Yana M. PLOSHKINA

*Krasnoyarsk Law Institute (branch) of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
ploshkina_yana@mail.ru*

Abstract. The article examines the legal nature of the pre-trial cooperation agreement, considers what underlies this procedural institution: the idea of compromise or the idea of agreement. Various approaches to the interpretation of the legal nature of this institution are presented: whether the pre-trial agreement on cooperation is a simplified form of criminal proceedings, or a type of accelerated proceedings, or special proceedings. In the course of the study, the author came to the conclusion that the pre-trial cooperation agreement is one of the manifestations of the compensatory model of criminal proceedings, which allows for voluntary, peaceful, non-confrontational settlement of the conflict that arose as a result of committing an offence.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, legal nature, compromise, cooperation, compensatory model

For citation: Ploshkina Y. M. The legal nature of the institution of the pre-trial cooperation agreement. Criminalist. 2024;2(47):98-104. (In Russ.).

© Плошкина Я. М., 2024

В результате принятия Федерального закона от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в российском уголовном судопроизводстве появился институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Данным Федеральным законом раздел X «Особый порядок судебного разбирательства» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) был дополнен новой главой 40.1, предусматривающей особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. На сегодняшний день сформированная более чем за десять лет судебная практика позволяет сделать вывод, что данный институт занял свое место в системе российского уголовного судопроизводства. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в порядке главы 40.1 УПК РФ в 2022 году было рассмотрено 2 821 уголовное дело, в 2021 году – 2 831, в 2020 году – 2 823, в 2019 году – 3 156, в 2018 году – 3 735, в 2017 году – 4 157, в 2016 году – 4 190, в 2015 году – 4 251, в 2014 году – 4 157, в 2013 году – 3 344, в 2012 году – 2 649 уголовных дел¹.

Однако до сих пор наличие в российском уголовном судопроизводстве института досудебного соглашения о сотрудничестве вызывает дискуссии, одна из которых касается его правовой природы.

Согласно позиции ряда ученых, основу досудебного соглашения о сотрудничестве составляет идея компромисса, заключающегося в наличии законодательных гарантий определенных уступок в отношении обвиняемого (подозреваемого) в обмен на совершение им

определенных позитивных постпреступных действий [1, с. 155; 2, с. 32].

Позволим не согласиться с представленной точкой зрения. В конфликтологии компромисс – это тактика поведения в конфликте, когда его участники в ходе взаимных уступок соглашаются на частичное удовлетворение собственных интересов в обмен на достижение частичных интересов других участников конфликта, его основа – технология «уступок сближения» [3, с. 50]. Компромисс представляет собой частичное решение проблемы, когда конфликт может быть не разрешен, но его внешнее противостояние может перейти во внутренний план участников, а затем развернуться и продолжиться в другом месте и в другое время, но по основным характеристикам это будет тот же самый конфликт [4, с. 51].

В институте досудебного соглашения о сотрудничестве отсутствуют какие-либо «уступки сближения» из-за регламентированной в главе 40.1 УПК РФ процедуры рассмотрения дела в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и закрепленных в законе правил назначения наказания. В рассматриваемом институте отсутствует также частичное решение проблемы, так как условиями для заключения соглашения о сотрудничестве являются желание обвиняемого (подозреваемого) заключить данное соглашение, проявляющееся в виде направления прокурору через следователя письменного ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве со стороны обвиняемого (подозреваемого) (чч. 1 и 3 ст. 317.1 УПК РФ), т. е. требуется добровольность заключения данного соглашения обвиняемым (подозреваемым) и обязательное участие защитника, отсутствие которых выступает основанием для принятия судом решения о назначении судебного разбирательства в общем порядке (п. 2 ч. 2 и ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ), а также согласие обвиняемого с предъ-

¹ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 18.12.2023).

явленным обвинением (ч. 1 ст. 317.5 и ч. 3.1 ст. 317.7 УПК РФ). Фактически речь идет о признании обвиняемым или подозреваемым своей вины в совершенном преступлении. Характер взаимодействия сторон при заключении соглашения о сотрудничестве предполагает их совместную деятельность по выработке и составлению данного соглашения (чч. 1 и 2 ст. 317.3 УПК РФ). Желаемый результат взаимодействия сторон при досудебном соглашении о сотрудничестве определяется не уступками, что характерно для компромисса, а является следствием совместных действий. Следовательно, с позиции теории конфликта речь идет о такой стратегии поведения, как сотрудничество, т. е. совместная деятельность, в результате которой участники конфликта стремятся к интегрированию интересов, к выявлению совместимости и общности интересов [4, с. 61–62]. Согласно Толковому словарю русского языка, сотрудничать – это работать, действовать вместе, принимать участие в общем деле [5, с. 273], т. е. взаимодействовать. О. В. Качалова в своей докторской диссертации также пришла к выводу, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве прежде всего имеет целью деятельное сотрудничество [6, с. 19]. Таким образом, основу поведения сторон досудебного соглашения о сотрудничестве составляет идея сотрудничества как одна из стратегий разрешения уголовно-правового конфликта.

Российские ученые неоднозначно трактуют данный институт. О. В. Качалова относит досудебное соглашение о сотрудничестве к ускоренному производству, для которого характерны сокращение процесса доказывания, отказ обвиняемого от полноценной процедуры рассмотрения дела в суде, отсутствие спора по поводу предъявленного обвинения [6, с. 16–17]. Другие исследователи досудебное соглашение о сотрудничестве понимают как разновидность упрощенного порядка уголовного су-

допроизводства, поскольку упрощение реализуется за счет существенного сокращения судебного следствия и некоторых ограничений, связанных с невозможностью обжалования вынесенного в особом порядке приговора вследствие несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела [7, с. 69–76; 8, с. 12–13]. В науке существует подход, согласно которому институт досудебного соглашения о сотрудничестве является не упрощенной формой уголовного судопроизводства, а специальным производством, так как состоит из усложненных (в ходе предварительного расследования) процедур, предусмотренных главой 40.1 УПК РФ, связанных с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве и принятием соответствующих процессуальных решений, и упрощенных процедур (на этапе судебного разбирательства) [2, с. 15].

Согласно представленным позициям, упрощение и ускорение уголовного судопроизводства при реализации норм главы 40.1 УПК РФ достигается фактически за счет сокращения судебного процесса доказывания. Вместе с тем существующий порядок рассмотрения дела в соответствии с положениями главы 40.1 УПК РФ не в полной мере способствует процессуальной экономии и упрощению уголовного процесса. Исходя из п. 4 ч. 1 ст. 154, ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ и п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16), уголовное дело в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, с целью применения особого порядка проведения судебного заседания подлежит выделению в отдельное производство. Обязатель-

ность выделения в отдельное производство дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, следует прежде всего из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16. В итоге при совершении преступлений в соучастии суд обязан рассматривать не одно, а несколько уголовных дел. Не взирая на упрощенную форму, судья по каждому уголовному делу должен установить, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обосновано и подтверждается собранными по делу доказательствами. Поэтому ряд исследователей считают, что данный институт не является экономичным способом осуществления правосудия [9, с. 159 – 169].

По нашему мнению, данный институт следует рассматривать как одно из проявлений компенсаторной модели в российском уголовном судопроизводстве, позволяющее добровольно, мирно, неконфронтационным способом урегулировать конфликт, возникший в ходе совершения преступления, посредством добровольного сотрудничества подозреваемого (обвиняемого) со следствием. В основе мирного урегулирования конфликта лежит идея сотрудничества как одна из стратегий разрешения уголовно-правового конфликта. Предметом соглашения о сотрудничестве выступают в том числе конкретные действия, которые обязуется совершить подозреваемый или обвиняемый в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ). Поэтому заключение соглашения о сотрудничестве и его реализация позволяют позитивно урегулировать криминальный конфликт, тем самым устранить конфронтацию сторон, стабилизировать общественные отношения, нормализо-

вать межличностные взаимоотношения и снять напряженность.

Однако действующее российское уголовно-процессуальное право предоставляет лицу, совершившему преступление, шанс на мирное урегулирование криминального конфликта посредством заключения досудебного соглашения о сотрудничестве только до момента объявления об окончании предварительного следствия, так как ходатайство о его заключении подозреваемый или обвиняемый вправе заявить с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ). Таким образом, не только подсудимые, но и обвиняемые после направления уголовного дела в суд в Российской Федерации такой возможности не имеют. На наш взгляд, заслуживающим внимания является предусмотренный в Республике Казахстан достаточно широкий временной промежуток, в течение которого лицо, совершившее преступление, вправе заявить ходатайство о заключении процессуального соглашения о сотрудничестве. Так, согласно ч. 3 ст. 618 УПК Республики Казахстан¹ ходатайство о заключении процессуального соглашения о сотрудничестве может быть заявлено с момента начала досудебного расследования и до стадии исполнения приговора включительно.

Вместе с тем из-за законодательной неопределенности отсутствует ясность, в отношении каких категорий преступлений возможно заключить досудебное соглашение о сотрудничестве. В УПК РФ нет каких-либо ограничений по категориям преступлений, по которым возможно заключать досудебное соглашение о сотрудничестве. Согласно ст. 317.1 – 317.4 УПК РФ и п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 досудебное соглашение о сотрудничестве можно за-

¹ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 18.12.2023).

ключить с обвиняемым (подозреваемым) при расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия, в том числе и в случаях, предусмотренных в ч. 4 ст. 150 УПК РФ, т. е. когда по письменному указанию прокурора уголовное дело, расследуемое в форме дознания, может быть передано для производства предварительного следствия. Исходя из действующего правового регулирования, институт досудебного соглашения возможно применить по всем уголовным делам независимо от формы вины, тяжести преступления и наличия соучастников [7, с. 69–76; 10, с. 1076].

Так, «каждое третье досудебное соглашение о сотрудничестве заключается по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств. По уголовным делам о взяточничестве и других коррупционных преступлениях досудебные соглашения заключаются в единичных случаях. Часть досудебных соглашений о сотрудничестве заключается с лицами, совершившими преступления небольшой и средней тяжести» [11, с. 3] (например, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, — п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ; подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства — ч. 2 ст. 326 УК РФ¹; пособничество в превышении должностных полномочий — ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 286 УК РФ²; мошенничество с причинением значительного ущерба гражданину — ч. 2 ст. 159 УК РФ и мелкое взяточничество — ч. 1 ст. 291.2 УК РФ³).

¹ Приговор Шучанского районного суда (Курганская область) от 18 июня 2021 г. по делу № 1-54/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ukRVgB4z7Wr8/> (дата обращения: 18.12.2023).

² Приговор Буденновского городского суда (Ставропольский край) от 24 ноября 2020 г. по делу № 1-372/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BLVnNeyzIpQT/> (дата обращения: 18.12.2023).

³ Приговор Лесозаводского районного суда (Приморский край) от 5 октября 2020 г.

В российской науке имеются различные точки зрения по поводу заключения досудебного соглашения о сотрудничестве относительно категорий преступлений: от возможности заключения подобного соглашения по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, представляющих значительную общественную опасность и сложность в раскрытии и расследовании (различные формы организованной преступности, коррупционные преступления, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков [12, с. 125], а также преступления террористического характера, преступления в сфере незаконного оборота оружия, легализация денежных средств, добытых преступным путем, и пр. [6, с. 21–22]), до возможности заключения соглашения о сотрудничестве независимо от категории преступления [11, с. 12].

В целях правовой определенности полагаем необходимым закрепить в УПК РФ круг дел, по которым возможно заключать досудебное соглашение о сотрудничестве. Например, в п. 2 ч. 1 ст. 612 УПК Республики Казахстан предусмотрено заключение соглашения о сотрудничестве по всем категориям преступлений при способствовании раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений.

Считаем, что цели и назначение рассматриваемого института могут носить комбинированный характер (эффективное расследование преступлений, которые трудно выявить и доказать, а также процессуальная экономия и ускорение производства за счет сокращения процесса доказывания). Принимая во внимание, что данный институт выступает одним из проявлений компенсаторной

по делу № 1-265/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/g9Ea44lbDco1/> (дата обращения: 18.12.2023).

модели уголовного судопроизводства, учитывая заложенный в нем компенсаторный механизм, полагаем возможным заключать досудебное соглашение о сотрудничестве с лицами, совершившими тяжкие и особо тяжкие преступления, представляющие сложность в раскрытии и расследовании, в исключительных случаях — с лицами, совершившими преступления иной тяжести при условии, что общественная опасность раскрытых преступлений благодаря содействию со следствием лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, превышает общественную опасность лиц, заключивших соглашение о сотрудничестве, и совершенных ими преступлений.

Кроме того, благодаря предусмотренному компенсаторному механизму подозреваемый (обвиняемый), заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве, добровольно активно содействуя следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ), по сути, компенсирует неблагоприятные последствия совершенного преступления и содействует возмещению причиненного обществу и государству преступлением вреда в части восстановления нарушенного правопорядка.

Для заключения соглашения о сотрудничестве не требуется согласия потерпевшего, главой 40.1 УПК РФ не предусмотрено его участие. На наш взгляд, с учетом публичного характера досудебного соглашения о сотрудничестве не следует рассматривать потерпевшего в качестве субъекта соглашения, вместе с тем необходимо учитывать его интересы.

В связи с этим заслуживающим внимания является опыт некоторых стран постсоветского пространства. Согласно ч. 4 ст. 468.6 УПК Республики Беларусь в ходатайстве о заключении досудебно-

го соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) указывает не только действия, которые он обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, но и действия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, иные действия, направленные на заглаживание причиненного преступлением вреда¹. На наш взгляд, подобный подход, ориентированный на возмещение причиненного преступлением вреда не только обществу, государству, но и потерпевшему, верный, поскольку позволяет в какой-то мере компенсировать фактическое игнорирование его интересов. В Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, и в Республике Казахстан, не требуется согласия потерпевшего на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Вместе с тем в п. 22 ч. 6 ст. 71 УПК Республики Казахстан закреплено право потерпевшего знать о намерении сторон заключить процессуальное соглашение, о его условиях и последствиях, предлагать свои условия по возмещению ущерба, причиненного преступлением, либо возражать против его заключения.

С целью защиты прав и законных интересов потерпевшего предлагаем при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве учитывать его мнение, в ходатайстве о заключении соответствующего соглашения подозреваемый (обвиняемый) обязан указывать не только действия по активному содействию следствию, но и действия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, иные действия, направленные на заглаживание причиненного престу-

¹URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 18.12.2023).

плением вреда. Полагаем возможным дополнить права потерпевшего правом знать о намерении заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, его последствиях, предлагать свои условия по заглаживанию причиненного преступлением вреда или возражать против заключения соглашения о сотрудничестве.

Таким образом, институт досудебного соглашения о сотрудничестве следует признать одним из проявлений компен-

саторной модели уголовного судопроизводства, позволяющим добровольно мирно урегулировать криминальный конфликт благодаря положительным потспреступным действиям лица, совершившего преступление, направленным на активное содействие следствию, т. е. в основе данного института лежит идея сотрудничества как стратегии разрешения конфликта.

Список источников

1. Погорельский А. А. Дискуссионные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 150 – 160.
2. Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Тисен Ольга Николаевна. Оренбург, 2017. 62 с.
3. Бочарова Е. Е. Конфликтология : учеб.-метод. пособие. Саратов : Наука, 2011. 110 с.
4. Хасан Б. И., Сергоманов П. А. Психология конфликта и переговоры : учеб. пособие. 3-е изд., стер. Москва : Академия, 2007. 192 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва : Рус. яз., 2009. 960 с.
6. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Качалова Оксана Валентиновна. Москва, 2016. 55 с.
7. Никоноров Г. В. Определение круга преступлений, при расследовании которых допустимо заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2023. № 3. С. 69 – 76.
8. Пиюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Пиюк Алексей Валерьевич. Томск, 2017. 39 с.
9. Лодыженская И. И., Панфилов Г. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правоприменения и пути их преодоления // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С. 159 – 169.
10. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Статут, 2021. 1328 с.
11. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. 31 с.
12. Кондрат И. Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика. Москва : Юстицинформ, 2015. 174, [1] с.

Информация об авторе

Я. М. Плошкина – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Красноярского юридического института (филиала) Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

Y. M. Ploshkina – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics of the Krasnoyarsk Law Institute Siberian Federal University, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.3/7

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ДЕЯНИЙ, ОБРАЗУЮЩИХ ПРИЧАСТНОСТЬ К САМОУБИЙСТВУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Надежда Ивановна ПРЯХИНА¹, Елена Владимировна СУСЛИНА²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ pry-nadezhda@yandex.ru

² elenasuslina81@gmail.com

Аннотация. Удельный вес совершенных с использованием сети «Интернет» преступлений, предусмотренных ст. 110 – 110.2 УК РФ, достаточно высок, что предопределяет специфику данной группы посягательств как с криминологической точки зрения, так и с уголовно-правовой. В статье описываются детерминанты преступных посягательств в виде причастности к самоубийствам несовершеннолетних и оценивается факт включения в ст. 110 – 110.2 УК РФ признака совершения преступления в сети «Интернет». Авторы на основе анализа судебной практики приходят к выводу о правильности введения указанного квалифицирующего признака в статьи, регламентирующие ответственность за причастность к самоубийству.

Ключевые слова: склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства, доведение до самоубийства, использование сети «Интернет», способ совершения преступления, самоубийства несовершеннолетних

Для цитирования: Пряхина Н. И., Суслина Е. В. Использование сети «Интернет» для совершения деяний, образующих причастность к самоубийству несовершеннолетних // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 105 – 112.

Original article

USING THE INTERNET TO COMMIT ACTS THAT CONSTITUTE INVOLVEMENT IN THE SUICIDE OF MINORS

Nadezhda I. PRJAHINA¹, Elena V. SUSLINA²

^{1,2} St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹ pry-nadezhda@yandex.ru

² elenasuslina81@gmail.com

Abstract. The proportion of offences committed using the Internet under articles 110–110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is quite high. That fact predetermines the specific features of this group of crimes both from the criminological point of view and criminal law point of view. The article describes the determinants of criminal offences in the form of involvement in suicides of minors and evaluates the fact of inclusion in Articles 110–110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation of the sign of committing an offence on the Internet. The authors, based on the analysis of judicial practice, conclude that it is correct to introduce this qualifying feature into the articles regulating liability for involvement in suicide.

© Пряхина Н. И., Суслина Е. В., 2024

Keywords: inducement to commit suicide, assisting suicide, leading to suicide, use of the Internet, means of committing an offence, suicide of minors

For citation: Prjahina N. I., Suslina E. V. Using the Internet to commit acts that constitute involvement in the suicide of minors. *Criminalist*. 2024;2(47):105-112. (In Russ.).

В феврале 2016 года Роспотребнадзор впервые сообщил об информационной активности так называемых «групп смерти» в социальных сетях. По результатам проведенной проверки в отношении закрытых групп в социальной сети «ВКонтакте», упомянутых в СМИ как пропагандирующие суицид в подростковой среде, из 8 378 ссылок на страницы сайтов в сети «Интернет» 8 219 содержали информацию суицидального характера. За последующие четыре года Роспотребнадзором было выявлено 80 тыс. ссылок на страницы сайтов в сети «Интернет», где 95 % размещенных материалов были признаны запрещенными к распространению в России как содержащие информацию о способах совершения самоубийства.

На фоне всплеска активности «групп смерти» возникли сложности с привлечением к ответственности их кураторов, поскольку зачастую вовлечение несовершеннолетних в игры аутодеструктивного и суицидального характера не сопровождалось прямыми угрозами, ограничивалось предложениями, уговорами, предоставлением информации в виде «заданий», конечным итогом которых должно было стать самоубийство несовершеннолетнего. Для повышения эффективности противодействия такому виду общественно опасных деяний в уголовный закон были внесены новые нормы об уголовной ответственности за причастность к самоубийству¹ (ст. 110.1, 110.2 Уголовного кодекса Российской

¹ В рамках данного исследования авторы объединяют все деяния лиц, которые так или иначе повлияли (собирались повлиять) на возникновение и реализацию у другого лица намерения совершить самоубийство, понятием «причастность к самоубийству».

Федерации (далее — УК РФ)) и изменена редакция ст. 110 УК РФ посредством дополнения квалифицирующими признаками, в том числе признаком совершения доведения до самоубийства в отношении несовершеннолетнего, а также совершения указанного деяния в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

В пояснительной записке к принятому законопроекту отмечалось, что «новые виды склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства не прогнозировались ранее наукой, не были своевременно оценены криминологами и по факту приняли широкий масштаб, оказавшись вне уголовно-правовой оценки, а значит, и вне мероприятий правоохранительных органов по выявлению организаторов такой деструктивной деятельности, своевременному пресечению их действий, а также защите потерпевших»².

Однако это не совсем так. Криминологические прогнозы применения суггестивных методов в криминальных целях с широким использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе описание возможных новых форм общественно опасного поведения в этой сфере, в науке давались. При этом особое внимание обращалось на фактор абсолютного господства СМИ и разви-

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/118634-7> (дата обращения: 05.11.2023).

тия телекоммуникационных систем, в особенности беспроводных средств связи индивидуального пользования (мобильной связи и Интернета), что позволяет за короткий промежуток времени получить большой охват аудитории и донести значительные объемы информации, в том числе с элементами негативной суггестии, до конкретных получателей [1, с. 44–47; 2, с. 29–33].

Еще одним аргументом разработчиков законопроекта было появление «новых форм преступных действий, оказывающих влияние на сознание ребенка и мотивацию его поведения, которые не охватываются действующими составами Уголовного кодекса Российской Федерации». Данный тезис тоже нельзя в полной мере признать верным, поскольку формулировка способов совершения преступления в ст. 110 УК РФ позволяла и при отсутствии ст. 110.1 и ст. 110.2 УК РФ привлечь к ответственности большинство лиц, распространяющих суицидальный контент и воздействующих на несовершеннолетних для достижения конечной цели – совершения подростком самоубийства, только на более поздней стадии совершения деяния, т. е. когда среди участников «групп смерти» ими отбирались наиболее уязвимые и в отношении их начиналось персонифицированное воздействие.

Так, суды само вовлечение в суицидальную игру, формулирование заданий аутодеструктивного характера и требование отчетов об их выполнении признавали жестоким обращением и квалифицировали содеянное лицом по ст. 110 УК РФ: «... потребовал от Т. безоговорочного повиновения и неукоснительного следования указаниям при выполнении заданий так называемой „игры“, для чего в период с 13.04.2017 г. по 21.04.2017 г. вел с ней переписку в ночные и ранние утренние часы, то есть во время, предназначенное для отдыха и сна, что являлось дополнительной пси-

хотравмирующей нагрузкой для Т. В целях проверки контроля над Т. Бульвин в порядке предварительного задания 13.04.2017 г. в ночное время суток дал поручение Т. нанести себе по десять порезов на каждой руке, что Т. в этот же период времени было выполнено с направлением Бульвину фотоотчета»¹.

На данный момент существование в ст. 110–110.2 УК РФ признака совершения указанных деяний «в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть „Интернет“») научным сообществом оценивается неоднозначно. И если его наличие в ч. 2 ст. 110.2 УК РФ, как правило, не вызывает возражений, то применительно к ст. 110 и 110.1 УК РФ указывается, что такое усиление ответственности не является оправданным, а внесение данного признака просто стало «модным» в последнее время [3, с. 156].

И даже если уговоры или обман при склонении были адресованы посредством сети «Интернет» конкретному лицу, то это могло бы происходить и через отправленное письмо, СМС-сообщение, посредством городской телефонной связи, что не меняет общественной опасности содеянного.

Однако с таким утверждением крайне сложно согласиться, особенно в случае совершения деяний в отношении несовершеннолетних. Во-первых, следует отметить, что в современных условиях, когда значительная часть общения несовершеннолетних осуществляется посредством переписки в мессенджерах и социальных сетях (при этом собеседниками становятся как знакомые, так и совершенно посторонние, как ровесники, так и лица старшего возраста), с потер-

¹ Приговор Урванского районного суда (Кабардино-Балкарская Республика) от 24 мая 2018 г. по уголовному делу № 1-66/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.11.2023).

певшим гораздо легче войти в контакт, используя такие средства общения. Родители, как правило, достаточно рано начинают настраивать детей на опасность личного общения с незнакомцами на улице и в иных общественных местах, при этом виртуальное общение несовершеннолетним (а зачастую и их родителям) кажется безопасным в силу удаленности от собеседника, поэтому на такое общение часто запреты не действуют. И те же факторы, которые могут играть положительную роль для несовершеннолетних, преимущества цифровой среды в части возможностей найти поддержку, психологическую, социальную, финансовую и правовую помощь, имеют и негативный аспект: форумы, порталы и группы, несущие в себе полезную цель найти поддержку друг у друга, используются для совершения общественно опасных действий, преследующих цель сформировать у подростка уверенность в безвыходности ситуации и убедить в лишении себя жизни [4, с. 197].

Если же речь идет о виртуальном общении со знакомыми, то оно помогает скрыть личность посредством использования чужих или фейковых аккаунтов, когда виновный опасается, что воздействие напрямую не окажется эффективным, или имеет цель избежать привлечения к ответственности. Так, в одном из исследованных случаев виновная и потерпевшая были знакомы, в связи с чем для склонения к самоубийству использовался фейковый аккаунт в социальной сети «ВКонтакте».

Разница в возрасте между лицами была незначительной, имело место перенесение виновной своих внутренних переживаний на другое лицо в форме склонения потерпевшей к самоубийству. Виновная сама состояла на учете у психиатра и проходила лечение в связи с попыткой суицида в несовершеннолетнем возрасте, в социальной сети создала «виртуальную семью», заменявшую ей

реальное общение, была склонна к необоснованной агрессии и обиде на людей, с которыми поддерживала личное общение (в связи с чем и возникла мысль о склонении к самоубийству потерпевшей как о способе отомстить)¹.

Во-вторых, при склонении к самоубийству сеть «Интернет» является не только средством коммуникации, но и зачастую выступает дополнительным фактором, побуждающим к уходу из жизни, поводом для иллюзий об альтернативном существовании [5, с. 110].

В научной литературе указывается, что «пользователям внушается идея о „загробном существовании“ в качестве „психоэнергоинформационной“ сущности в виде набора килобайтов, что органично встраивается в представление современных подростков о мироустройстве. Речь идет о поколении, для которого цифровая среда является неотъемлемой частью картины мира, поэтому и внушаемая ему идея некоего „продолжения“ жизни в Интернете <...> не кажется ему невероятной» [6, с. 107], и подростки в силу возрастных особенностей психики, повышенной внушаемости, восприимчивости верят, что после прохождения точки «невозврата человек переживает „информационное перерождение“ и навеки сливается с Сетью» [7, с. 9].

В-третьих, публичное распространение определенной информации — видеороликов или фотографий с участием потерпевшего, опубликование переписки и т. д. — может выступать гораздо более мощной с точки зрения воздействия на психику человека (в первую очередь несовершеннолетнего) формой реализации такого способа доведения до самоубийства, как систематическое унижение человеческого достоинства.

¹ Приговор Судакского городского суда (Республика Крым) от 7 мая 2018 г. по уголовному делу № 1-25/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.11.2023).

В-четвертых, использование сети «Интернет» с каждым годом становится все более востребованным способом совершения преступлений, в особенности несовершеннолетними в отношении сверстников: причинение вреда без непосредственного контакта с потерпевшим «глаза в глаза» гораздо более комфортно с точки зрения соотношения затраченных физических и эмоциональных усилий и результативности действий. Все указанные факторы, безусловно, дают основание полагать, что совершение данных посягательств с использованием сети «Интернет» существенно облегчается, а значит, увеличивается опасность содеянного, что и выражается в обоснованном включении рассматриваемого квалифицирующего признака в ст. 110 и 110.1 УК РФ.

Необходимо отметить, что удельный вес посягательств анализируемой группы достаточно высок: из числа исследованных 75 приговоров (ст. 110–110.2 УК РФ) посягательства в отношении несовершеннолетних были совершены в 1/3 случаев (25 дел), из которых с использованием сети «Интернет» осуществлено 10 деяний (40 % от числа посягательств на несовершеннолетних), квалифицированных как по ст. 110.2 УК РФ, так и по ст. 110.1 и ст. 110 УК РФ.

Анализ судебной практики, случаев, получивших широкую огласку в СМИ, и статических данных показал, что воздействие на несовершеннолетних, конечным итогом которого становится либо может стать самоубийство (попытка его совершить), осуществляется по одному из двух возможных направлений и двумя категориями субъектов. Первую группу образуют посягательства, совершаемые знакомыми с потерпевшими лицами, реализуемые при непосредственном контакте. Во-вторую группу входят посягательства, представляющие собой разнообразное воздействие незнакомых взрослых либо несовершеннолетних лиц

на подростков с использованием сети «Интернет», в том числе через создание «групп смерти», распространение информации о самоубийствах, вовлечение в игры аутодеструктивного и суицидального характера. Указанные две группы посягательств различаются по многим показателям, в частности, субъекты посягательств имеют различные возрастные и мотивационные характеристики, а также иной набор детерминантов.

Так, если речь идет о доведении до самоубийства лицами, находящимися с несовершеннолетними в родстве или иных отношениях, совершающими посягательства при непосредственном контакте с потерпевшим, то возраст данной категории варьируется в пределах 30–45 лет; если же содеянное осуществляется с использованием сети «Интернет», а характер деяния предполагает склонение к самоубийству либо организацию такой деятельности, а также доведение до самоубийства без непосредственного контакта с потерпевшим, то возраст совершающих такие деяния резко снижается и составляет от 16 до 30 лет.

Еще один аспект, отличающий посягательства в виде разного рода причастности к самоубийству несовершеннолетних, совершаемые с использованием сети «Интернет», – иной характер мотивации виновных. Во всех исследованных случаях, когда преступление было совершено в ходе взаимодействия с потерпевшим, а субъектами выступали родственники потерпевшего или знакомые лица, преступление совершалось из личных неприязненных отношений или вследствие возникшего с потерпевшим конфликта. В тех же случаях, когда виновные не были знакомы с потерпевшими, взаимодействие осуществлялось посредством сети «Интернет», а действия выразились в манипулировании несовершеннолетними, вовлечении их в игры суицидальной и аутодеструктивной направленности («Синий кит»,

«F57» и аналоги), мотивация носила совершенно иной, но во всех случаях схожий характер — стремление к доминированию, управлению людьми, воздействию на сознание незнакомых лиц: «желая повысить свою значимость и авторитет, пренебрегая жизнью и здоровьем человека, относясь к указанным ценностям с презрением и высокомерием, желая испытать чувство превосходства, самоутверждения, доминирования, контроля над другими людьми и манипулирования ими, а также желая решать и распоряжаться судьбами людей, в том числе несовершеннолетних, доводя их до самоубийства»¹; «повышения уровня самооценки своей личности, самоутверждения себя как человека, способного руководить действиями других лиц»²; «моральное удовлетворение вследствие выполнения подростками его заданий»³; «очистка Земли от „биомусора“, под которым понимаются люди, не приносящие пользу обществу. Задачей „администратора“ сообщества становится выявление подобных лиц среди подписчиков путем изучения их личности и доведения до самоубийства»⁴; «движимый низостными побуждениями, про-

¹ Постановление Люберецкого городского суда (Московская область) от 21 января 2019 г. по уголовному делу № 1-44/2019 (1-920/2018) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.11.2023).

² Приговор Звериноголовского районного суда (Курганская область) от 10 января 2019 г. по уголовному делу № 1-3/2019 (1-37/2018) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.11.2023).

³ Приговор Еткульского районного суда (Челябинская область) от 5 сентября 2018 г. по уголовному делу № 1-57/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.11.2023).

⁴ Приговор Индустриального районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край) от 6 июня 2018 г. по уголовному делу № 1-138/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.11.2023).

являя цинизм желая самоутвердиться и подчеркнуть свою значимость»⁵.

Для всех видов посягательств, предусмотренных ст. 110—110.2 УК РФ, общими детерминантами выступают личностные характеристики несовершеннолетних. Особенности восприятия обстоятельств, окружения, построения отношений со сверстниками и старшими лицами, родителями и иными родственниками, стремление казаться более взрослым и независимым в сочетании с повышенной уязвимостью, возбудимостью, внушаемостью и гипервосприимчивостью, обостренными реакциями на позитивные и негативные события в жизни наделяют данную группу повышенной виктимностью.

При этом причинный комплекс в каждой из двух выделенных групп посягательств имеет специфику. Первая группа посягательств предопределяется закрытостью семейно-бытовой сферы от внешнего воздействия, усиленной стремлением большинства лиц не допустить вмешательство кого бы то ни было в личную, семейную сферу, отсутствием профилактического воздействия на внешне благополучные семьи при получении информации о единичных случаях применения насилия к несовершеннолетним или жестокого обращения с несовершеннолетними и ограниченностью способов уголовно-правового воздействия на лиц, которые совершили преступление в исследуемой сфере.

Применительно ко второй группе детерминантами на современном этапе выступают:

1) открытость и доступность получения и распространения информации, а также любого общения через социальные сети, мессенджеры для всех категорий лиц как со сверстниками, так и с

⁵ Приговор Урванского районного суда (Кабардино-Балкарская Республика) от 24 мая 2018 г. по уголовному делу № 1-66/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.11.2023).

лицами более старшего либо младшего возраста. Это, с одной стороны, позволяет совершенно незнакомым людям состоять в переписке без учета их местонахождения, часового пояса, возраста и иных характеристик. С другой стороны, возможность регистрации в социальной сети или мессенджере под «ником» (псевдонимом), создания фейкового аккаунта, использования чужих аккаунтов облегчает обман потенциальных потерпевших, когда взрослые могут выдавать себя за подростков, знакомые лица общаться под видом посторонних. Как показывает анализ практики, преступные деяния, совершенные с использованием сети «Интернет», оказывались результативными именно из-за легкости начала общения, сбора необходимой виновному информации о потерпевшем посредством изучения его страницы в социальной сети, что зачастую создавало у потерпевшего иллюзию осведомленности виновного о его жизни, проблемах и стремления помочь в них разобраться;

2) разобщенность людей в современном мире, в том числе эмоциональная отстраненность родственников и знакомых. Переход общения между педагогами и учениками, родителями и детьми, сверстниками в разряд формального, эмоционально отстраненного, незаинтересованного приводит зачастую к игнорированию первых признаков вовлеченности ребенка в суицидальные сообщества и игры аутодеструктивного характера. Анализ практики показал, что далеко не сразу родителями были выявлены (если вообще выявлялись) факты выполнения потерпевшими опасных заданий, в том числе и в виде причинения себе вреда (нанесения порезов или иных повреждений), переписки с кураторами «групп смерти», просмотра суицидального контента. Как отмечается в литературе, для родителей крайне важно «следить за эмоциональной составляющей ребенка, сравнивая его поведение

дома и в обществе, изучать логику его поступков и правильно определять их причины» [8, с. 72]. И наоборот, в тех случаях, когда родители и дети поддерживали живое, эмоциональное общение, между ними сложились доверительные отношения, попытки вовлечения несовершеннолетних в выполнение опасных заданий, склонения к самоубийству практически сразу пресекались родителями или оказывались нерезультативными в силу отказа потерпевших от опасного общения;

3) недостаточная эффективность профилактической работы в отношении создания и размещения суицидального контента в СМИ, сети «Интернет» и других общедоступных источниках. Этот фактор имеет несколько направлений воздействия. Во-первых, меры противодействия размещению в Сети запрещенной информации, несмотря на разработанный на законодательном уровне и применяемый механизм, не дают максимального результата, если осуществляются исключительно силами государственных органов. В частности, к профилактической работе по мониторингу социальных сетей на предмет суицидального контента целесообразно привлекать общественность, как это сделано, например, в рамках проектов «кибердружин» – групп людей, противодействующих интернет-сообществам аутодеструктивной и суицидальной направленности. Наиболее известными среди них являются проект «Медиа-Гвардия»¹ в Республике Башкортостан и движение волонтеров «Киберпатруль»² в Тюменской области.

Во-вторых, не всегда эффективен, а иногда, наоборот, опасен, непродуманный подход к осуществлению про-

¹ См. страницу проекта в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/mediagvardia>).

² Проект реализуется в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/kiberpatrul>) и на сайте проекта (<https://mediacentr72.ru/kiberpatrul-tyumenskoy-oblasti>).

филактических мер среди населения, в первую очередь – среди самих несовершеннолетних и их родителей. В частности, речь идет о просвещении детей в школах относительно «групп смерти», которое, с одной стороны, вызвало панику среди родителей и общественности в целом, а с другой стороны, как следует из материалов проведенного исследования, повлекло повышенный интерес к этой теме. В частности, согласно одному из проанализированных дел, виновная заинтересовалась темой «групп смерти», узнав об их существовании на родитель-

ском собрании в школе, где училась ее малолетняя дочь, разработала собственную игру суицидального характера, в которую вовлекала несовершеннолетних¹.

Все вышеуказанные факторы определяют специфику посягательств, представляющих собой причастность к самоубийству несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети «Интернет», и обуславливают необходимость установления повышенной ответственности за совершение деяний указанным способом.

Список литературы

1. Шарапов Р. Д. Криминальная гипносуггестия: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Государство и право. 2004. № 11. С. 44–51.
2. Антюфеева О. С. Криминологические проблемы популяризации суицидального поведения среди несовершеннолетних в информационном обществе // Актуальные вопросы права и отраслевых наук. 2016. № 1 (2). С. 29–33.
3. Устинова Т. Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // Lex russica. 2020. № 3. С. 151–159.
4. Перица А. С. Уголовно-правовые инструменты охраны личности в условиях цифровизации // Виктимология. 2023. Т. 10, № 2. С. 193–203.
5. Борков В. Н., Дизер О. А. Уголовно-правовые и психологические аспекты побуждения к самоубийству // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 1 (84). С. 106–112.
6. Бычкова А. М., Раднаева Э. Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 101–115.
7. Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 5–12.
8. Серебрянникова А. В. Условия и причины суицида несовершеннолетних // Colloquium-journal. 2021. № 3 (90). С. 69–73.

Информация об авторах

Н. И. Пряхина – доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

Е. В. Суслина – доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. I. Prjahina – Associate Professor at the Department of criminal law of the St. Petersburg State University, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

E. V. Suslina – Associate Professor at the Department of criminal law of the St. Petersburg State University, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

¹ Приговор Собинского городского суда (Владимирская область) от 10 сентября 2018 г. по уголовному делу № 1-1-134/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.11.2023).

Научная статья
УДК 343

СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Олег Валерьевич РУСЕЦКИЙ

Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Минск, Беларусь, O.rusetskii@gmail.com

Аннотация. Результативность предупреждения преступлений зависит от системной организации предупредительной деятельности, актуальности, предметности и качества проводимых мероприятий, их обоснованности надлежащей аналитической и прогностической оценкой происходящих в обществе изменений.

В статье рассмотрены основные криминогенные особенности процессов информационной модернизации современного социума, обозначен прогноз развития криминальной ситуации, высказаны предложения относительно централизации, цели, задач и направлений профилактики преступлений в информационном пространстве.

Ключевые слова: информация, информационно-коммуникационные технологии, предупреждение преступности, криминальная ситуация, информационное пространство

Для цитирования: Русецкий О. В. Система профилактики преступлений в информационном пространстве // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 113 – 120.

Original article

CRIME OF PREVENTION SYSTEM IN THE INFORMATION FIELD

Oleg V. RUSETSKY

Scientific and Practical Center for Problems of Reinforcing Law and the Rule of Law and Order of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus, Minsk, Belarusia, O.rusetskii@gmail.com

Abstract. The effectiveness of crime prevention depends on the systematic organization of preventive activities, the relevance, subject matter and quality of the activities carried out, their validity by an appropriate analytical and prognostic assessment of the changes taking place in society.

The article examines the main criminogenic features of the processes of information modernisation of modern society, outlines the forecast of the development of the criminal situation, and makes suggestions regarding centralization, goals, objectives directions of crime prevention in the information space.

Keywords: information, information and communication technologies, crime prevention, criminal situation, information space

For citation: Rusetsky O. V. Crime of prevention system in the information field. Criminalist. 2024;2(47):113-120. (In Russ.).

© Русецкий О. В., 2024

В современном мире деятельность человека в информационном пространстве становится преобладающей. Ежедневное создание, преобразование, передача, использование, хранение информации в коммерческих, интеллектуальных (научных), личных (бытовых) и иных целях сопровождают жизнь все большего количества людей, оказывают воздействие на индивидуальное и общественное сознание, постепенно включаясь в число доминантных потребностей индивида, формируют мотивацию и условия его поведения. Это становится реальностью ввиду интенсивно и экспансивно развивающейся социотехнической системы глобального информационно-коммуникационного взаимодействия, использующей достижения, выгоду и удобство сетевых и иных технологий для проникновения в жизнь каждого человека.

Я. И. Гишинский, исследуя протекающие в социуме процессы, указывает на такое свойство «общества постмодерна», как «виртуализация жизнедеятельности» [1]. По мнению отдельных правоведов, философов и социологов, современный мир подвержен тенденциям информационного переустройства, в том числе связанным с формированием нового вида социальной организации — «сетевого общества» [2; 3; 4].

Преступность в информационном пространстве объективно является следствием появления новых средств и способов противоправной деятельности, специфической (социально-технической) среды потенциальной ее реализации, происходящих изменений общественного сознания, образа жизни населения. Исследование в криминологическом ракурсе современных процессов информационной модернизации социума позволяет выделить их особен-

ности, играющие значимую роль в детерминации девиантного, в том числе криминального, поведения. Среди наиболее важных из них необходимо отметить следующие.

1. Воздействие информационных технологий на детей.

Удовлетворение познавательных и развлекательных потребностей, яркая и контролируемая «реальность» компьютерного мира создают у детей привязанность к данной форме деятельности, впоследствии играющую важную роль в формировании психологического (эмоционального, подсознательного) отношения к электронным гаджетам. При недостатке внимания со стороны родителей, реальных и позитивных контактов со сверстниками и другими людьми телефон или компьютер становится «другом», навсегда получая статус незаменимого спутника жизни, которому можно доверять.

С точки зрения криминологии важными являются аспекты, связанные с формированием внутренней оценки содержания электронного гаджета как источника положительных эмоций и априори достоверных и полезных сведений. Данные установки, действующие на этапе включения несовершеннолетних в процесс сетевого взаимодействия, получения и использования интернет-информации, становятся условиями последующего криминального или виктимного поведения подростков. Вовлеченность несовершеннолетних в информационно-коммуникационную среду, создающую предпосылки для проблемной социализации (например, в плане формирования адекватной шкалы ценностных установок), взаимодействия с преступниками (например, наркодилерами, экстремистами, мошенниками, страдающими педофилией криминаль-

но ориентированными лицами и др.), при малой степени представленности превентивных механизмов в виртуальной среде следует рассматривать как фактор, снижающий возможности предупреждения криминального и иного девиантного поведения подростков, их криминальной виктимизации.

2. Виртуализация сознания и мировоззрения населения.

Виртуальная (коммуникативная или игровая) реальность имеет особенность построения, связанную с редукцией значимых элементов социальной действительности. Это способствует востребованности соответствующих технологий, в том числе потому, что одним из таких элементов является система последствий (ответственность) за проявление деструктивной либо иной неприемлемой обществом активности, которая в большинстве случаев отсутствует или не в полной мере функциональна (например, травля в социальных сетях, убийство в компьютерной игре и др.).

Психологические механизмы переноса навыков и поведенческих стереотипов из одного вида реальности в другой являются сложными, многосторонними и требующими тщательного изучения. Однако уже сейчас установлено, что равноправие и одновременное сосуществование в сознании обыденной и искусственно построенной с помощью технологий реальности способствует возникновению у человека (особенно в детском возрасте) иллюзорного чувства реальности [5]. Это негативно отражается на мировоззрении индивидуумов, снижает возможность адекватной оценки событий, мотивирует неуверенность в будущем, фрустрацию, порождает анархические настроения и так далее. Сталкиваясь с реалиями физического мира, последствиями собственных по-

ступков, в том числе связанными с уголовным преследованием, такие люди могут неадекватно (как и свои действия) оценивать соответствующие решения правоохранительной и судебной системы, что негативно отражается на достижении целей уголовной ответственности.

Понимание процесса «виртуализации» сознания имеет важное значение при оценке возможности формирования поведенческих механизмов лиц несовершеннолетнего и молодежного возраста, ориентирующих их действия не только в информационном, но и в жизненном пространстве, прогнозировании их потенциального вовлечения в криминальную и иную противоправную деятельность.

3. Зависимость от Интернета и информационно-коммуникационных технологий.

Исследователи в области психологии, медицины и социологии отмечают тенденцию к выработке более широкого представления об индивидуальных зависимостях. Наряду с традиционными, или химическими (алкоголизм, потребление наркотиков), уже достаточно давно упоминаются поведенческие психологические зависимости, среди которых выделяется зависимость от Интернета [6]. Данный феномен предполагает ряд в различной степени выраженных у индивида поведенческих и психологических характеристик, особенностей образа жизни, которые связаны с потребностью постоянного использования информационно-коммуникационных технологий.

В криминологии различные виды зависимости рассматриваются как функциональное нарушение типовой и, как правило, социально приемлемой модели поведения человека. Ряд исследований подтверждают взаимосвязь алкогольной

и наркотической зависимости с совершением преступлений, проявляющуюся в том числе в риске криминальных действий, направленных на достижение обусловленной зависимостью цели (например, хищение средств для приобретения наркотиков, алкоголя).

В контексте рассматриваемого вида зависимости от информационно-коммуникационных технологий данный аспект также является значимым. В случае ограничения пользования Интернетом (например, для предотвращения экстремистских действий либо в воспитательных целях родителями) данные меры создают условия противоправного поведения зависимых лиц (например, убийство родителей).

Также следует учитывать, что последствия зависимости от Интернета в значительной мере влияют на процесс социализации несовершеннолетних. При наличии соответствующей зависимости у родителей объективно снижается степень их участия в воспитании ребенка.

4. Использование информационных технологий для достижения деструктивных политических целей.

По мнению автора концепции сетевого общества М. Кастельса, в современном мире информация распространяется через диверсифицированную, всеобъемлющую систему средств информации и сетевой межличностной коммуникации, поэтому политическая игра все чаще разыгрывается в этом виртуальном пространстве [7]. Динамичность, постоянное обновление конфигурации, глобализация, мобильность и адаптивность данных средств способствуют достаточно быстрой целенаправленной ориентации и коррекции общественных настроений. Распространенные в социуме представления о том, что пронизывающие общество потоки информации — произвольные, следующие неконтроли-

руемой логике рынка и технологий, не зависящие от геополитических факторов — способствуют результативности таких действий. При этом объективно управление процессами манипулирования общественным сознанием осуществляется не без участия собственников соответствующих информационных технологий.

В криминологической плоскости итогом соответствующей деструктивной внешнеполитической деятельности становятся проявления экстремизма и терроризма, причины и условия формирования которых требуют глубокого и всестороннего изучения. Центральным объектом современных исследований в рассматриваемой области выступает деструктивное информационное воздействие, направленное на дестабилизацию общественного сознания в политических, социально опасных, иных подобных целях. Такие исследования проводятся как в Российской Федерации [8; 9; 10], так и в Республике Беларусь. Например, в ходе реализации промежуточного этапа научно-исследовательской работы «Повышение эффективности правотворчества и правореализации в сфере противодействия преступности с учетом современных тенденций развития общества и государства», проводимой ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»¹, научным

¹ Отчет о проведении промежуточного этапа НИР за 2023 год, задачей которого являлось на основе обобщения практики правоприменения в сфере противодействия преступности определить основные проблемы правоприменения и выявить факторы, снижающие эффективность правотворчества и правореализации : утв. решением Ученого совета ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» от 22 декабря 2023 г. // Генеральная прокуратура Республики Беларусь : офиц. сайт. URL:

руководителем которой является автор настоящей публикации, в числе факторов, снижающих эффективность правотворчества и правореализации в сфере противодействия экстремизму, были обозначены:

длительность нахождения Республики Беларусь в социально-политических условиях, допускающих внешнее информационное воздействие на общественное сознание, а также внутреннюю организованную деятельность по распространению идей и взглядов псевдодемократического, ложноисторического и иного деструктивного характера, ведущих к формированию у части населения экстремистски ориентированных (приоритетно политически направленных) мировоззренческих позиций;

наличие информационного противодействия (информационной войны) с недружественными странами, использующими технологии манипулирования общественным сознанием для достижения собственных геополитических целей.

В числе иных негативных факторов, определенных в рамках данного исследования и связанных с информационной сферой, следующие:

интенсивное освоение информационных технологий, влекущее переход общественных отношений в различных сферах в информационное пространство, при недостаточно высоком общем уровне компьютерной грамотности граждан (в том числе руководителей и работников субъектов хозяйствования);

несоответствие динамики развития информационных технологий и национального технологического уровня их разработки, внедрения и освоения, снижающее возможности организационно-правового реагирования на новые

<https://prohuratura.gov.by/ru/> (дата обращения: 12.02.2024).

угрозы (особенно в условиях внешнеполитического кризиса);

неподготовленность (виктимогенность) значительной части населения к активно развивающимся отношениям в кредитно-финансовой сфере, криминальным (мошенническим и иным корыстным) схемам и посягательствам, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (в силу особенностей возраста, статуса, менталитета, недостаточной финансовой грамотности и др.).

Данные факторы, имеющие в своей основе объективные исторические предпосылки, по-видимому, также актуальны и для Российской Федерации.

К проблемным в криминологическом плане вопросам информационной модернизации современной социальной действительности также следует отнести связанные с отдельными аспектами реализации соматических прав человека, динамичным развитием и внедрением технологий искусственного интеллекта.

Анализируя указанные выше особенности, можно прогнозировать существенные изменения характеристик криминальной ситуации.

За последние десятилетия отмечаются неоднократные дополнения и корректировка положений уголовных законов, связанных с преступлениями в информационном пространстве. С развитием средств цифровой коммуникации (мобильные средства связи, информационно-коммуникационные сети и др.), дальнейшей модификацией СМИ спектр преступлений, предметом которых выступает информация, по-видимому, только расширится.

В качестве основных тенденций в ближайший период времени следует обозначить дальнейшую трансформацию средств и способов совершения традиционных преступлений (хищений, посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних, террористической

и экстремисткой деятельности и др.), а также появление новых составов уголовно наказуемых деяний (например, незаконное использование технологии искусственного интеллекта, виртуальное хулиганство и др.). В более отдаленной перспективе можно говорить о существенных качественных изменениях структуры преступности, связанных с рассмотренным выше влиянием процессов развития информационных технологий на детерминацию противоправного поведения, расширением качественных характеристик и свойств информации как потенциального объекта и предмета уголовно наказуемых деяний. К ним можно отнести уже развивающиеся и применяемые технологии (3D, дипфейк), техники производства и распространения информации (ипритинг, прайминг, фрейнинг, дизайн и др.) [11], связанные с повышением уровня индивидуального и массового воздействия информационных продуктов.

В контексте обозначенных выше доводов для криминологии особенно важным является то, что эффективность традиционных (существующих) средств и методов предупреждения преступности в условиях новой социальной организации объективно снижается, что предопределяет необходимость конструирования системы предупредительной деятельности, адекватной реалиям и тенденциям современной действительности, структурно встроенной в ее информационные «социотехнические» механизмы существования и развития.

Профилактику (предупреждение) преступности в информационном пространстве целесообразно рассматривать как деятельность, направленную на выявление и устранение причин и условий криминального и иного девиантного поведения участников социального (коммуникационного) взаимодействия в информационном пространстве, снижение негативного влияния криминогенных

факторов, связанных с процессами его развития, а также создание условий для законопослушного поведения граждан, социальной реинтеграции правонарушителей.

Базовой целью данной деятельности выступает сокращение количества и позитивное изменение структуры преступлений, объектом или предметом которых является информация в ее различных формах.

Достижение указанной цели требует решения следующих сложных задач:

1) создание экономических, социальных, культурных, научных, технических и иных условий, обеспечивающих максимально безопасное развитие информационных технологий, включая формирование нравственной и правовой культуры социально-позитивного взаимодействия в информационном пространстве, ценностных и мировоззренческих ориентаций адекватного восприятия виртуальной реальности (особенно в среде несовершеннолетних и молодежи);

2) систематическая идентификация, нейтрализация либо редукция действия социальных и личностных факторов, причин и условий, детерминирующих криминальное и иное деструктивное, девиантное поведение участников социального (коммуникационного) взаимодействия в информационном пространстве.

Возможным средством реализации указанных задач может стать организационно-правовое формирование (на государственном и в перспективе межгосударственном уровне, прежде всего в рамках Союзного государства) и обеспечение эффективного функционирования системы предупредительной деятельности в информационном пространстве (как специфического структурного элемента существующей системы профилактики правонарушений), функционально способной адекватно (в комплексе) оценивать происходящие

изменения и процессы, прогнозировать их развитие, формировать, а также (по возможности) оперативно осуществлять меры эффективного реагирования.

В практическом плане это может быть государственная организация (орган), имеющая полномочия координации специализированной предупредительной деятельности субъектов профилактики правонарушений, иных государственных и общественных структур по данному направлению, надлежаще оснащенная в техническом и кадровом планах.

К основным функциям данной организации (органа) следует отнести:

изучение криминогенности процессов развития информационных технологий, разработку мер (концепций, стратегий, нормативных правовых актов), направленных на ее снижение, в том числе посредством обеспечения технологического суверенитета в информационной сфере;

мониторинг (в том числе с использованием современных технических средств) информационного пространства, направленный на выявление требующих реагирования фактов, связанных с необходимостью защиты социально полезной (в том числе охраняемой законом) информации, а также предупреждением и пресечением случаев вредоносного информационного воздействия на население (особенно на несовершеннолетних и молодежь);

разработку и реализацию мер общесоциальной, специальной и индивидуальной (например, посредством рассылки сообщений), а также виктимологической профилактики, осуществимых посредством использования современных возможностей информационных технологий в отношении пользователей Интернета, субъектов информационно-коммуникационной сферы;

координацию соответствующей предупредительной деятельности субъектов профилактики (в том числе

посредством информирования о необходимости предусмотренного законом реагирования на выявленные в ходе мониторинга факты), методическое обеспечение и техническое сопровождение проводимых мероприятий.

Предметное поле системной предупредительной деятельности в информационном пространстве предполагает как осуществление реализуемых в настоящее время (в том числе с использованием информационных технологий) «классических» мероприятий (например, правового просвещения), так и создание и внедрение инновационных форм и средств предупредительной деятельности (например, специализированных программ мониторинга и биометрической идентификации пользователей, защиты информации, электронных средств сопровождения лиц группы виктимного риска и др.), связанных с опосредованным внедрением элементов существующего в реальности социально-правового контроля преступного и иного отклоняющегося от социальных норм поведения.

Подводя итог, следует отметить, что эффективность организованной на практике системы профилактики преступлений напрямую зависит от непрерывной и комплексной реализации мер, формируемых на основе глубокой проработки вопросов социально-личностной природы криминального и иного отклоняющегося от социальных норм поведения. Предложенная централизация предупредительной деятельности в информационной сфере позволит в значительной мере систематизировать реализуемые в настоящее время меры, устранит дублирование отдельных функций государственных структур (например, связанных с мониторингом информационного пространства), будет способствовать качественному развитию системы профилактики правонарушений.

Список источников

1. Гишинский Я. И. Современное состояние и перспективы российской криминологии // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 175–180.
2. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Киберпреступность и цифровая трансформация // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1 (7). С. 39–53.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. Москва : Academia, 1999. 640 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. Москва : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Войсунский А. Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 1. Москва : Смысл, 2002. С. 82–101.
6. Войсунский А. Е. Исследование Интернета в психологии // Интернет и российское общество / Моск. центр Карнеги ; под ред. И. Семенова. Москва : Гендальф, 2002. С. 235–250.
7. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Россия в конце XX века : тезисы докладов Междунар. конф. Москва, 1998. С. 36–48.
8. Бобровский О. В. Аналитическая модель деструктивного информационно-психологического манипулирования общественным сознанием // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 63–68.
9. Саркисян Г. Г., Булгаков С. С. Деструктивное информационное воздействие в сети Интернет: постановка проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2 (66). С. 138–144.
10. Скрипкина Т. П., Макаренко А. А. Анализ деструктивного информационно-психологического воздействия посредством телекоммуникационных технологий на российских пользователей // Вестник Московского государственного областного университета : электронный журнал. 2022. № 4. С. 165–175. URL: <https://vestnir-mgou.ru/jour> (дата обращения: 12.01.2024).
11. Сарна А. Я. Технологии воздействия на аудиторию в современном медиа-пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13, вып. 2. С. 218–235.

Информация об авторе

О. В. Русецкий – заместитель директора Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Information about the author

O. V. Rusetsky – Deputy Director at the Scientific and Practical Center for Problems of Reinforcing Law and the Rule of Law and Order of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.352.4

ИЗЛИШНИЕ КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВА ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ КАК ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аслям Наилевич ХАЛИКОВ

*Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия,
han010@yandex.ru*

Аннотация. В статье обосновывается, что квалифицирующие признаки получения взятки — получение взятки за незаконные действия, в групповом исполнении и сопряженное с вымогательством — являются излишними и на практике составляют сложности при доказывании обвинения по названным признакам. При этом признаки «за незаконные действия» и «сопряженное с вымогательством взятки» конкурируют между собой, а групповое исполнение получения взятки в большей степени можно квалифицировать как посредничество во взяточничестве или различные формы соучастия. Основными квалифицирующими признаками получения взятки должны быть должностное положение преступника и размер получаемого вознаграждения.

Ключевые слова: вымогательство взятки, дача взятки, квалификация преступления, незаконные действия, коррупция, обвинение, получение взятки

Для цитирования: Халиков А. Н. Излишние квалифицирующие признаки состава получения взятки как проблемы процесса расследования и судебного рассмотрения уголовных дел // Криминалистъ. 2024. № 2 (47). С. 121 – 128.

Original article

NEEDLESS QUALIFYING ELEMENTS IN DEFINITION OF THE OFFENCE OF BRIBERY AS A PROBLEM OF INVESTIGATION AND CRIMINAL PROCEEDING

Aslyam N. KHALIKOV

Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, han010@yandex.ru

Abstract. The article substantiates that the qualifying features of bribery — receiving a bribe as for unlawful acts, in group execution and coupled with extortion — are superfluous and in practice constitute difficulties in proving the charges on these features. At the same time, the signs «for illegal actions» and «associated with extortion of a bribe» compete with each other, and group execution of bribes taking can be qualified to a greater extent as mediation in bribery or various forms of complicity. The main qualifying signs of receiving bribes should be the official position of the criminal and the amount of remuneration received.

Keywords: extortion of a bribe, giving a bribe, qualification of a crime, illegal actions, corruption, accusation, receiving a bribe

For citation: Khalikov A. N. Needless qualifying elements in definition of the offence of bribery as a problem of investigation and criminal proceeding. Criminalist. 2024;2(47):121-128. (In Russ.).

© Халиков А. Н., 2024

Борьба с коррупцией, активно начавшаяся после принятия Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», потребовала внесения изменений в законодательство, регламентирующее юридическую ответственность, в том числе уголовную, за правонарушения и преступления коррупционного характера. Однако справедливости ради следует отметить, что эти изменения в законе не только усиливали уголовную ответственность, но и совершенствовали механизмы привлечения виновных лиц к ответственности за коррупционные правонарушения. Наиболее ярким подтверждением этому стал, на наш взгляд, введенный в 2016 году состав преступления «мелкое взяточничество», предусмотренный ст. 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Законодатель представил отдельную квалификацию данного вида мелкой коррупции и значительно снизил размеры уголовного наказания за взяточничество в сумме, не превышающей 10 тыс. рублей. Тем самым государство показало, что оно не может слепо карать за коррупционные преступления без учета реальных обстоятельств их совершения, наказание разумно должно соответствовать непосредственной общественной опасности преступного поведения.

В целом, анализируя составы должностных, или служебных, преступлений — в нашем случае получения взятки, — следует признать, что общественная опасность подобных посягательств имеет два основных показателя, которые должны найти отражение в уголовном законе. Это статус должностного лица (чем выше его положение, тем более опасным для общества и государства будут его противоправные деяния в

виде использования своих должностных полномочий за незаконное вознаграждение) и масштаб преступления в виде суммы получаемой взятки. От размера взятки, как правило, зависит вред, причиняемый обществу и государству и, в определенной степени, взяткодателю в виде материального ущерба. Оба этих показателя опасности совершаемых должностных деяний четко обозначены в квалифицирующих признаках ст. 290 УК РФ. Первый показатель — высокий статус преступника — выделен в ч. 4 названной статьи, где усилена уголовная ответственность от 5 до 10 лет лишения свободы в отношении лиц, занимающих государственную должность Российской Федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации или должность главы органа местного самоуправления. Вторым показателем является сумма взятки, влияющая на размер наказания: от 10 до 25 тыс. рублей — простой размер, предусмотренный ч. 1 ст. 290 УК РФ, влечет наказание до 3 лет лишения свободы; от 25 до 150 тыс. рублей — значительный размер, предусмотренный ч. 2 ст. 290 УК РФ, — наказание до 6 лет лишения свободы; от 150 тыс. до 1 млн рублей — крупный размер, предусмотренный ч. 5 ст. 290 УК РФ, — наказание от 7 до 12 лет лишения свободы; свыше 1 млн рублей — особо крупный размер, предусмотренный ч. 6 ст. 290 УК РФ, — наказание от 8 до 15 лет лишения свободы.

Тем самым главные признаки получения взятки, свидетельствующие об ее высокой общественной опасности, такие как статус должностного лица и размер взятки, в уголовном законе обозначены с достаточно большим разделением сроков наказания и их суровости, особенно при получении взятки в крупном и особо крупном размерах. И отсюда возника-

ет вопрос, а насколько эффективны и отвечают уголовно-правовым категориям и принципам уголовного права другие квалифицирующие признаки получения взятки:

получение взятки за незаконные действия (бездействие) — ч. 3 ст. 290 УК РФ;

получение взятки группой лиц по предварительному сговору или организованной группой — п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ;

получение взятки путем вымогательства — п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

В первую очередь, проблема квалификации по трем названным признакам исходит из резко поднятой планки наказания: от 3 до 8 лет лишения свободы за получение взятки за незаконные действия и от 7 до 12 лет за групповое деяние и получение взятки, сопряженное с ее вымогательством. Названные размеры наказаний далеко не всегда соответствуют реальной общественной опасности самого деяния с учетом суммы получаемой взятки, а также субъекта преступления, имеющего часто невысокое должностное положение. Причем названный вид наказания, как правило, исключает его условный характер либо применение других видов наказания. Для подтверждения можно привести наиболее типичные случаи применения пп. «а» и «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Допустим, два инспектора ГИБДД (или участковые сотрудники полиции, сотрудники патрульно-постовой службы и т. д.) получают взятку в размере 15–30 тыс. рублей за несоставление протокола об административном правонарушении (его незаконное составление). И вместо части первой или второй ст. 290 УК РФ, где наказание значительно меньше, названные должностные лица привлекаются к ответственности за тяжкое или особо тяжкое преступление, за которое предусмотрено наказание свыше 3 лет

(ч. 3 ст. 290 УК РФ) или 7 лет (ч. 5 ст. 290 УК РФ) лишения свободы.

Тем самым с позиции принципа справедливости, т. е. соответствия наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения, резкое повышение планки наказания практически с нуля (чч. 1 и 2 ст. 290 УК РФ) до минимум 7 лет (ч. 5 ст. 290 УК РФ) при минимальном размере взятки (свыше 10 тыс. рублей) не вполне соответствует гуманизму карательных санкций в уголовном праве, поскольку степень общественной опасности совершения преступления индивидуально или в группе в данном случае особо не изменяется. Тем более когда речь идет о социально адаптированных гражданах — должностных лицах, имеющих положительные служебные и личные характеристики, семью, а значит, возможности исправиться при небольших сроках лишения свободы.

Но это только один аспект проблемности трех названных квалифицирующих признаков (за незаконные действия, группой лиц, путем вымогательства) получения взятки с точки зрения исчисления сроков наказания, когда при размере взятки 11 тыс. рублей или при весьма сомнительной незаконности действий должностного лица (в данном случае законность действий преступника исключается априори!) радикально вырастают сроки лишения свободы. Обратимся к каждому из названных квалифицирующих признаков, которые составляют сложности при расследовании и при дальнейшем судебном рассмотрении уголовного дела.

Так, при групповом получении взятки все должностные лица, действующие в группе, должны выполнить объективную сторону преступления, заключающуюся согласно ч. 1 ст. 290 УК РФ в том, что должностное лицо получает лично

или через посредника взятку за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе. В большинстве случаев только одно должностное лицо может принимать решение (при расследовании уголовного дела, составлении административного протокола, при принятии решения по налоговому правонарушению и т. д.), которое закрепляется его подписью в официальном документе. То есть деньги или иные материальные блага в виде взятки должностные лица могут получать совместно, само же решение, выполненное за взятку, осуществляет, как правило, одно должностное лицо. Однако при существующей следственной и судебной практике получение взятки будет вменено всем должностным лицам, действующим в группе, именно по групповому признаку, хотя полный состав преступления, описываемый в ч. 1 ст. 290 УК РФ, будет только у одного должностного лица, принявшего и само вознаграждение и непосредственное решение в документальном исполнении. Другие же лица могут быть привлечены к ответственности за соучастие в получении взятки по ст. 33, ч. 1 ст. 290 УК РФ либо посредничество во взяточничестве по ст. 291.1 УК РФ.

Из этого следуют сложности квалификации группового получения взятки, когда полный состав получения взятки (получение взятки и вынесение решения в пользу взяткодателя) очень редко можно встретить у каждого из членов группы, привлекаемых именно за получение взятки. Как мы отметили, часто в этом

случае происходит смешение посредничества во взяточничестве и исполнения получения взятки непосредственно в группе лиц, что влияет на определение участника группового преступления и его роли в окончательном составе получения взятки. П. С. Яни, делая обзор уголовных дел, связанных с посредничеством во взяточничестве и соучастием в получении взятки, и приводя примеры, отмечает различную судебную практику оценки посредничества во взяточничестве и группового получения взятки. Нет необходимости указывать все тонкости квалификации получения взятки, приведенные в работе П. С. Яни, но в большинстве случаев суды квалифицируют действия лиц, способствующих получению взятки, как посредничество, т. е. по ст. 291.1 УК РФ [1, с. 47–52; 2, с. 29–34].

Можно привести пример судебной практики из работы Б. В. Волженкина, когда начальник отдела по борьбе с экономическими преступлениями за укрытие лиц, сбывающих фальсифицированную водку, поручил подчиненному оперуполномоченному получить взятку у сбытчика такой водки. Но решение об укрытии преступления принимал, разумеется, сам начальник отдела. Изначально действия начальника и оперуполномоченного были квалифицированы по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ как получение взятки группой. Однако первая инстанция вынесла оправдательный приговор в отношении оперуполномоченного. Затем кассационный суд отменил оправдательный приговор, указав на необходимость квалификации как за групповое получение взятки [3, с. 425–426]. Но следует заметить, что оперуполномоченный не выполнял всех действий состава получения взятки, так как не принимал никаких решений в качестве должностного лица за полученное вознаграждение. Его действия могут быть квалифи-

цированы, скорее, как посредничество в получении взятки.

Переходя к признаку вымогательства при получении взятки, отметим, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — Постановление) вымогательство взятки обозначается как требование должностного лица дать взятку, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, а также заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов. При этом Пленум подчеркивает, что не имеет значения, была ли у должностного лица реальная возможность осуществить указанную угрозу.

Однако данный признак вымогательства взятки в определенной степени совпадает с квалифицирующим признаком «за незаконные действия» (ч. 3 ст. 290 УК РФ). При предъявлении обвинения весьма трудно бывает определить, где начинается вымогательство, т. е. требование материального стимула, если должностное лицо совершает незаконные действия, которые оно не вправе совершить, и где будут незаконные действия.

В Постановлении подчеркивается, что вымогательство будет иметь место независимо от того, была ли у должностного лица реальная возможность осуществить высказанную угрозу. В данном случае можно говорить о конкуренции с мошенничеством. И это также вызывает сложности при составлении обвинения по делам о взятках в отношении лиц, в действиях которых требование денег

происходит фактически через обман, а не использование должностных полномочий. Отсюда вымогательство, с одной стороны, сложно определить, а с другой стороны, его признаки могут быть при получении взятки.

Возможны и более сложные случаи вымогательства взятки. Предположим, А. совершил преступление, и следователь Б., угрожая ему привлечением к уголовной ответственности, суровым наказанием и т. д., предлагает «решить вопрос» за определенную сумму. На первый взгляд, явно присутствует вымогательство, но наличествует ли оно в уголовно-правовом плане? В соответствии с Постановлением действия следователя Б., хотя и схожи с вымогательством, не будут считаться таковым вследствие того, что лицо «вымогает» взятку за освобождение от уголовной ответственности, т. е. за совершение незаконных действий. Данные деяния получают уголовно-правовую оценку как «простое» получение взятки [4, с. 34]. О сложности квалификации вымогательства взятки пишут и другие авторы [5, с. 12–15].

Если же говорить в целом о понятии вымогательства взятки, то угроза нарушения прав и интересов лиц, дающих взятку, присутствует практически всегда. И получается весьма искусственная конструкция данного квалифицирующего признака, следователи или судьи вынуждены устанавливать требование взятки при законных или незаконных действиях, хотя за взятку любые действия являются незаконными.

Еще один квалифицирующий признак получения взятки — это получение взятки за незаконные действия, что предусмотрено ч. 3 ст. 290 УК РФ. О данном признаке мы сказали в связи с вымогательством взятки, поскольку у обоих квалифицирующих признаков есть такое общее свойство, как исполне-

ние должностным лицом незаконных действий. Правда, считается, что при вымогательстве взятки должностное лицо угрожает определенными незаконными действиями, способными причинить вред правам и интересам взяткодателя, а при получении взятки за незаконные действия такие угрозы не осуществляются. В Постановлении Пленум формулирует понятие незаконных действий (бездействия), совершаемых должностным лицом:

когда они совершены при отсутствии предусмотренных законом оснований или условий для их реализации;

относятся к полномочиям другого должностного лица;

могли быть осуществлены только коллегиально либо по согласованию с другим должностным лицом или органом;

состоят в неисполнении служебных обязанностей;

никто и ни при каких обстоятельствах не вправе их совершать.

Проблема здесь состоит в том, что речь идет о совокупности получения взятки с превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) или со злоупотреблением должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). И вряд ли логично объединять два состава преступления.

Однако главное не в этом. В практике расследования преступления «получение взятки» весьма трудно бывает определить, где заканчиваются незаконные действия и начинается законная деятельность. Наиболее типичный пример — это деятельность должностных лиц контролирурующих и надзорных служб и правоохранительных органов. Все они имеют право проверять подконтрольные или поднадзорные организации, сосредоточенные в масштабе одного района, региона или всей территории России. Причем деятельность

практически всех контролирующих, надзорных и правоохранительных органов регламентирована федеральными законами. Это означает, что полномочия должностных лиц этих государственных органов распространяются формально в отношении всей территории страны, всех учреждений, организаций, граждан и иных лиц. Конечно, у каждого должностного лица существуют свои индивидуальные полномочия, зафиксированные в ведомственных актах или в индивидуальных должностных инструкциях (регламентах), что, однако, не исключает регулирование их деятельности общими законодательными нормами. И когда эти должностные лица контролирующих, надзорных и правоохранительных органов приступают к выполнению своих полномочий за взятку, очень трудно бывает определить, где их обоснованные, а значит, законные действия, а где незаконные действия, например в виде излишних проверок либо привлечения невиновных лиц к уголовной, административной или дисциплинарной ответственности. В результате за одинаковые действия одни должностные лица будут привлечены к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 290 УК РФ, а другие будут формально действовать в пределах своих полномочий, хотя фактически совершать незаконные действия. И здесь возникает ранее отмеченная проблема квалификации вымогательства взятки.

Вследствие невозможности точной квалификации преступления как незаконные или законные действия должностных лиц идет искажение принципа равенства граждан перед законом, когда за одни и те же деяния может иметь место различная квалификация получения взятки. По этому поводу более категоричный вывод делает В. Борков, который на основе исследований П. С. Яни

заключает, что проблему неопределенности содержания незаконных действий за взятку и соотношения данного квалифицированного состава с основным составом преступления создал законодатель. Если исходить из того, что общие признаки взяточничества определены в основном составе, то и незаконное поведение должно соответствовать действиям (бездействию) за взятку, описанным в ч. 1 ст. 290 УК РФ. Признание деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, в качестве самостоятельного состава и вида получения взятки лишает толкование незаконных действий всякого ориентира и формально позволяет признать взяточником должностное лицо, которое получило материальное вознаграждение за совершение любого правонарушения или преступления [6, с. 16].

Наши суждения об исключении излишних квалифицирующих признаков получения взятки вызваны, разумеется, не жалостью к взяточникам, а необходимостью законного подхода к квалификации преступлений и определению справедливого наказания. Точно сформулировать понятие вымогательства или тем более незаконных действий при получении взятки весьма проблематично и будет гораздо разумнее уйти от подобной квалификации. Групповое получение взятки также составляет трудности при установлении роли каждого из преступников, особенно, как мы показали, в случае принятия личного «должностного решения» в пользу взяткодателя. Поэтому следует избегать ошибок и излишних уголовно-правовых схем квалификации, которые при назначении уголовного наказания вполне компенсируются с учетом размера получаемой взятки либо статуса должностного лица. Причем усилить наказание, допустим, за вымогательство или групповое преступление всегда воз-

можно путем вмененияотягчающих обстоятельств совершения преступления (пп. «в», «г», «е1» и др. ст. 63 УК РФ) либо назначения дополнительного наказания в виде штрафа. Однако доводить до абсурда, для примера, получение двумя сержантами полиции или даже оперуполномоченными взятки в размере от 15 до 30 тыс. рублей, когда лишение свободы возрастает от нуля до 7 лет и выше, вряд ли приемлемо.

Разумеется, наше мнение по исключению квалифицирующих признаков получения взятки из ст. 290 УК РФ в определенной трансформации относится и к составу дачи взятки, предусмотренному ст. 291 УК РФ, также содержащей квалифицирующие признаки «за незаконные действия» и «группой лиц». Также наши выводы применимы к составу ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп», где фактически повторяются квалифицирующие признаки ст. 290 УК РФ.

И чтобы автора не обвинили в излишней «доброте» к коррупционерам, а с другой стороны, продолжая мысль об опасности отдельных субъектов получения взятки, позволим предложить отдельный квалифицирующий признак состава получения взятки относительно специальных субъектов данного преступления. Таким квалифицирующим признаком получения взятки следует признать получение взятки должностным лицом правоохранительных органов, в должностные полномочия которых входит непосредственная деятельность по борьбе с коррупцией, а также судей. Считаем, что перечисленные субъекты ввиду повышенной общественной опасности получения ими взяток за свои действия в рамках служебных полномочий «заслуживают» и более усиленного по наказанию квалифицирующего признака получения взятки.

Список источников

1. Яни П. С. Посредничество во взяточничестве и соучастие в получении или даче взятки // Законность. 2023. № 5. С. 47–52.
2. Яни П. С. Посредничество во взяточничестве и соучастие в получении или даче взятки // Законность. 2023. № 6. С. 29–34.
3. Волженкин Б. В. Служебные преступления : комментарий законодательства и судебной практики. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2005. 558 с. (Научно-практический комментарий).
4. Прохорова М. Л., Марков А. А. Взятничество: некоторые проблемные вопросы регламентации уголовной ответственности и квалификации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 9 (139). С. 33–39.
5. Куликов А. В., Воробьев А. В. Вымогательство взятки: теоретические и практические проблемы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (54). С. 12–15.
6. Борков В. Незаконное поведение за взятку: неопределенность закона и разъяснения Верховного Суда // Уголовное право. 2012. № 4. С. 13–16.

Информация об авторе

А. Н. Халиков – профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. N. Khalikov – Professor at the Department of criminalistics of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.9

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Искандер Альфредович ХАЛИКОВ

*Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Казань, Россия, iskanderh@mail.ru*

Аннотация. Исходным фактором, оказавшим и продолжающим оказывать влияние на процесс отнесения общественно опасного деяния в отношении элементов исторического и культурного наследия к числу преступных, является фактическая распространенность данного деяния. Автором отмечено, что анализ правоприменительной практики должен иметь перманентный характер. Он выступает предтечей законотворческой деятельности, а также благодаря обобщению правоприменительной практики создает правовые условия для коррекции уголовно-правового предписания в целях более эффективного его применения в будущем. Применительно к деяниям в отношении исторического и культурного наследия законодателем не была оценена их распространенность, не были определены наиболее распространенные формы преступного поведения, что отразилось на выявляемости отдельных преступных актов.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, историческое и культурное наследие, общественная опасность, памятники истории и культуры

Для цитирования: Халиков И. А. Распространенность общественно опасного деяния как фактор криминализации преступлений в отношении исторического и культурного наследия // Криминалистъ. 2024. № 2 (47). С. 129 – 135.

Original article

THE PREVALENCE OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS AS A FACTOR OF CRIMINALIZATION OF CRIMES AGAINST THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

Iskander A. KHALIKOV

*Kazan Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
Kazan, Russia, iskanderh@mail.ru*

Abstract. The initial factor that has influenced and continues to have an impact on the process of classifying a socially dangerous act in relation to elements of historical and cultural heritage as criminal is its actual prevalence. The author notes that the analysis of law enforcement practice should have a permanent character. It acts as a forerunner of legislative activity, and also, thanks to the generalization of law enforcement practice, creates legal conditions for the correction of criminal law regulations in order to more effectively apply it in the future. In the case of acts against historical and cultural heritage, the legislator did not assess their prevalence and did not identify the most common forms of criminal behaviour, which affected the detectability of individual criminal acts.

© Халиков И. А., 2024

Keywords: criminal law policy, historical and cultural heritage, public danger, historical and cultural monuments

For citation: Khalikov I. A. The prevalence of socially dangerous acts as a factor of criminalization of crimes against the historical and cultural heritage. *Criminalist*. 2024;2(47):129-135. (In Russ.).

Существует ряд значимых факторов, как оказывающих влияние на отнесение общественных отношений к числу подлежащих уголовно-правовой охране, так и раскрывающих содержание социально-криминологической обусловленности уголовно-правовой политики и норм, устанавливающих уголовно-правовые запреты. Благодаря им исследуемое законодателем противоправное деяние признается преступлением. Особое место среди указанных факторов занимает распространенность общественно опасного деяния.

По мнению Н. И. Коржанского, на определение объекта, подлежащего уголовно-правовой охране, оказывают влияние различные социальные факторы, основными из которых являются: место, роль и социальная ценность определенных общественных отношений; распространенность общественно опасных посягательств на данные общественные отношения; размер и характер причиняемого этими посягательствами социально опасного вреда; эффективность тех или иных средств государственной охраны [1, с. 47]. Схожие факторы, послужившие основанием установления уголовно-правового запрета, привел А. И. Коробеев. К их числу он отнес: высокую степень общественной опасности противоправного деяния; его относительную распространенность и типичность как формы проявления антиобщественного поведения; динамику указанного деяния с учетом причин и условий, его породивших; невозможность борьбы с противоправным деянием менее репрессивными методами [2, с. 59].

В результате изучения содержания приведенных факторов, имеющих криминологическое наполнение, определяются цель, основание и возможность законодательного установления уголовной ответственности, а также ее усиления (смягчения), если происходит обращение к социальным факторам уже криминализированного деяния. Их основу образует социально-аксиологическая система, включающая в себя эстетические, этические, моральные, экономические и другие элементы. Как части системы они взаимодействуют между собой, определяя внутреннюю иерархию по степени общественной значимости подлежащего уголовно-правовой охране общественного отношения. Вместе с тем приведенные факторы не отражают специфику преступных деяний в отношении исторического и культурного наследия. Они применимы ко всем преступлениям, предусмотренным Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Это оправдывает востребованность отдельного изучения фактора распространенности общественно опасных деяний для определения социально-криминологической природы уголовно-правовых предписаний, предусмотренных ст. 243 – 243.4 УК РФ.

Так, одним из методов уголовно-правовой политики является криминализация, под которой принято понимать «процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых» [3, с. 59].

В. Н. Кудрявцев, обращаясь к социальной обусловленности уголовно-правового запрета, отметил, что «криминализация — это общее понятие, охватывающее как процесс, так и результат признания определенного деяния преступным и наказуемым. Процесс криминализации состоит в выявлении цели, основания и возможности установления уголовной ответственности, а также издания уголовных законов, закрепляющих это решение. Результат криминализации — совокупность норм уголовного закона, содержащих перечень преступлений и предусмотренных за них наказаний, основания и условий привлечения виновных к уголовной ответственности и освобождения от нее» [4, с. 17]. На этапе установления уголовно-правового запрета и (или) усиления его репрессивной составляющей могут быть допущены просчеты при оценке криминологической обоснованности. Они будут не явными для законодателя, поскольку в процессе криминализации преступного деяния им вариативно решаются две задачи. Во-первых, «купирование» общественно опасного поведения путем установления возможности уголовно-правового воздействия на лицо, его совершившее, которое применимо к случаям, если криминализируемое деяние зафиксировано, а также тиражировано в доступных для выявления, пресечения и расследования формах (актах). Во-вторых, удовлетворение потребности в установлении уголовно-правового запрета в случае поступления на него уголовно-политического запроса. Это так называемая криминализация «про запас». В подобных случаях у законодателя нет подтверждения, что криминализируемое деяние существует в объективной действительности, а также что оно доступно для выявления, пресечения и расследования в форме, предлагаемой в уголовно-правовом конструкте. При криминализации в части

деяний в отношении исторического и культурного наследия политический запрос был обусловлен ратификацией Российской Федерацией Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной) (ETS № 143) (Валетта, 16 января 1992 года). При этом законодатель к оценке эффективности применения норм уголовного закона в будущем в процессе криминализации не обращался. Если в дальнейшем в целях повышения эффективности применения нормы уголовного закона из-за отсутствия сложившейся правоприменительной практики станет невозможно задействовать меры правового, организационного и информационного (праворазъяснительного) характера, направленные на корректировку ее содержания и условий применения, будет признано, что криминализация поставленных целей не достигла. Это, в частности, произошло со ст. 243.1, 243.3 УК РФ.

Законодательное установление уголовно-правового запрета следует считать оправданным, если он охватывает типичные и достаточно распространенные формы антиобщественного поведения. Речь идет не о любом поведении, а только о том, общественная опасность которого эмпирически обоснована, подтверждена, а также «тиражирована» в отдельных доступных для выявления антиобщественных актах. Учет рассматриваемого критерия, по мнению В. Д. Филимонова, направлен на определение степени общественной опасности противоправного поведения. По общему правилу, чем более распространено деяние, причиняющее вред общественным отношениям, тем выше степень его общественной опасности, следовательно, больше оснований признать его преступлением [5, с. 60]. Применительно к деяниям в отношении исторического и культурного наследия приведенное правило было нарушено, поскольку большая их часть не выявляются, остаются

латентными, либо не рассматриваются в правоприменительной практике правоохранительных органов как уголовно наказуемые. Для подтверждения выраженного мнения следует обратиться к сведениям об общем количестве исключенных из Единого государственного реестра объектов культурного наследия в связи с утратой ими историко-культурного значения. Так, в 2022 году 246 памятников были лишены охранного статуса, при этом возбуждено 86 уголовных дел по ст. 243 УК РФ (2021 год – 318 лишены охранного статуса, возбуждено 116 уголовных дел по ст. 243 УК РФ) .

Статистически зафиксированный разрыв между поставленными на учет преступлениями и общим числом утраченных памятников истории и культуры достаточен и может означать смещение юрисдикционной власти правоохранительных органов к региональным органам охраны объектов культурного наследия, заменяющим уголовную ответственность иными мерами воздействия либо игнорирующим необходимость ее осуществления. К примеру, при наличии признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 243 УК РФ, и явном попустительстве со стороны представителей Инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области 25 января 2023 года был уничтожен объект культурного наследия регионального значения «Подпольная типография Костромского комитета РСДРП (1904 – 1905 гг.)», расположенный в г. Костроме. Характерно, что инициаторы уничтожения памятника – представители строительной индустрии, девелоперы, публично обозначили преследуемую цель – возвести, а затем выгодно реализовать квартиры в «доме с историей». Как результат, право общества на сохранение исторического и культурного наследия принесено в жертву возможности застройщиком извлечь материальную выгоду, прибыль.

Событие получило общественный резонанс и потребовало должной уголовно-правовой оценки со стороны правоохранительных органов .

Как верно отметил Д. В. Васильев, «криминологическое обоснование изменений в уголовном законе, регламентирующем борьбу с посягательствами на культурные ценности, необходимо строить на достоверной и полной информации о состоянии, структуре и динамике преступного поведения. Важно учитывать грядущие изменения в сфере борьбы с преступностью в указанном направлении» [6, с. 6]. Это обуславливает потребность в изучении и обсуждении на этапе возникновения законодательной инициативы статистических сведений о распространенности криминализируемого деяния, которые будут носить прогностический характер.

По справедливому замечанию С. К. Гогеля, статистика – это непрерывный, постоянный сбор и систематическое объединение ряда однородных фактов, с помощью которых возможно определение постоянства известных влияний и причин там, где в смене отдельных явлений, на первый взгляд, нельзя усмотреть никакой однородности [7, с. 23]. Именно однородности, поскольку оценка характера деяния в отношении исторического и культурного наследия «разведена» законодателем между нормами различной отраслевой принадлежности и не содержит непротиворечивых различий, способных оправдать признание его преступным и уголовно наказуемым.

Обращение законодателя к статистическим сведениям необходимо для получения данных о распространенности того или иного антиобщественного явления, а также выделения форм наиболее типичного противоправного поведения, которые будут им учтены при формулировании признаков объективной стороны состава преступления. Так,

при инициировании и обсуждении законопроекта № 217902-6, в результате принятия которого Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 243.1 – 243.3, кроме прочего, законодателю следовало обратиться к показателям о количестве разрушенных памятников истории и культуры, причинах подобных необратимых последствий, количестве обнаруженных на территории Российской Федерации и переданных государству культурных ценностей. В должном объеме подобными сведениями располагает Министерство культуры Российской Федерации. Включение в законотворческий процесс представителей указанного министерства, членов общественных организаций, таких как «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК)», «Архнадзор», могло способствовать созданию криминологической основы системы рассматриваемых уголовно-правовых запретов. Однако этого сделано не было. При оценке обоснованности криминализации противоправных деяний законодатель ограничился сведениями о распространенности общественно опасных деяний, предоставленными МВД России, которые не отражают реально существующий уровень преступности.

Анализ правоприменительной практики предваряет и венчает процесс криминализации противоправного деяния. Отсюда становится понятной та роль, которую играет изучение реальных изменений социальной действительности, закономерностей и тенденций правоприменительной деятельности в выявлении системообразующих связей между отдельными элементами и, как следствие, созданию условий для эффективной реализации уголовно-правовой политики. Законодателем должны быть определены и исследованы все возможные формы криминализируемого поведения, сделаны акценты на наиболее типичных признаках его проявления,

а также на факторах, способных повлиять на ужесточение ответственности. В случае криминализации одновременно нескольких противоправных деяний должен быть проведен анализ распространенности каждого из них. Это крайне важно, поскольку благодаря подобным действиям законодателя может быть создана модель типичного преступного поведения, форма эффективного противодействия которому в последующем будет облечена в норму уголовного закона. В отношении общности противоправных деяний, криминализованных Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», этого сделано не было. Как результат, были утрачены условия для формирования внутрисистемной связи между нормами закона (ст. 243.1, чч. 1, 2 ст. 243.2, ст. 243.3 УК РФ) и правоприменительной практикой, которая оказалась неспособной выявить и пресечь противоправное поведение с использованием предложенных законодателем уголовно-правовых конструктов.

В пояснительной записке к проекту указанного Федерального закона (законопроект № 217902-6) приведены сведения только о лицах, привлеченных к уголовной и административной ответственности за совершение в 2011 году преступлений и административных правонарушений в отношении элементов археологического наследия – в части их незаконного поиска и (или) изъятия из мест залегания. Так, за указанный период времени к уголовной ответственности по ст. 243 УК РФ привлечено два гражданина, к административной ответственности по ст. 7.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях – 27 граждан. При этом в 2011 году государственные органы охраны объектов культурного

наследия, члены научного сообщества археологов на территории Российской Федерации выявили и зафиксировали 5 075 грабительских раскопов [8, с. 32 – 47]. На основании сопоставления количества поврежденных, уничтоженных объектов археологического наследия с числом лиц, привлеченных к уголовной и административной ответственности, был сделан вывод об отсутствии на период формирования законодательной инициативы, а также рассмотрения законопроекта средств государственного противодействия совершаемым антиобщественным актам. Вместе с тем в принятом законопроекте отсутствовал анализ распространенности иных криминализируемых деяний. Законодатель был обязан произвести дифференциацию процессуальных решений, принятых правоохранительными органами по ст. 243 УК РФ – общей норме уголовного закона, и определить условия наступления уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 243.1, 243.3 УК РФ, но не сделал этого.

Обращение к пакету документов, благодаря которому был задан вектор законотворческой деятельности, не является случайным. Именно на основании Федерального закона от 23 июля 2013 года № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» Уголовный кодекс дополнен ст. 243.1 – 243.3, а ст. 243 изложена в новой, действующей редакции. В результате недооценки распространенности вновь криминализируемых деяний в период с 2013 по 2022 год по ст. 243.1 УК РФ «Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской

Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия» возбуждено 60 уголовных дел, ни по одному из которых не вынесено судебное решение. По ст. 243.3 УК РФ «Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурных ценностей, или культурную ценность в крупном размере» с 2015 по 2022 год не возбуждено ни одного уголовного дела. Что подвигло законодателя к принятию указанных норм уголовного закона без исследования распространенности схожих по характеру антиобщественных деяний и их оценки, осталось неизвестным.

Сведения о количестве и распространенности преступлений, по мнению М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, – это «важная составляющая системы информационного обеспечения процесса формирования государственной уголовной политики. Дефекты информации смещают и искажают ориентиры, необходимые для выбора правильного „прицела“ и обеспечения всех иных предпосылок ее эффективности» [9, с. 65]. Во многом этим можно объяснить полное отсутствие должных результатов криминализации деяний в отношении отдельных элементов исторического и культурного наследия. Не сформировалась внутрисистемная связь между нормами уголовного закона и правоприменительной практикой, что привело к отсутствию результатов по выявлению криминализованных деяний. Она и не могла сформироваться, поскольку вывод о возможности пресечения преступлений с применением предложенных законодателем уголовно-правовых конструкций был сделан необоснованно.

Список источников

1. Коржанский Н. И. Очерки теории уголовного права. Волгоград : ВСШ МВД РФ, 1992. 92 с.
2. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. Москва : Юрлитинформ, 2019. 352 с.
3. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблема криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 268 с.
4. Основания уголовно-правового запрета : Криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. Москва : Наука, 1982. 303 с.
5. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 281 с.
6. Васильев Д. В. Контрабанда культурных ценностей (криминологическое исследование) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Васильев Дмитрий Викторович. Москва, 2008. 169 с.
7. Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / сост. и вступ. ст. В. С. Овчинского, А. В. Федорова. Москва : ИНФРА-М, 2021. 386 с.
8. Энговатова А. В. Сохранение археологического наследия в России: современное состояние // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2013. № 12 (3). С. 32 – 47.
9. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. Москва : Проспект, 2016. 296 с.

Информация об авторе

И. А. Халиков – профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-разыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

I. A. Khalikov – Professor at the Department of prosecutorial supervision over the execution of laws in investigative activities and participation of the prosecutor in criminal proceedings of the Kazan Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.3/7

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
ЛИБО ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Артем Геннадьевич ХЛЕБУШКИН

*Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
agh178@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы криминализации и квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации (СМИ) либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (ЭИТС). Обращается внимание на значение законодательной и правоприменительной унификации при использовании средств уголовного права в сфере противодействия данным деяниям. Приведены варианты уголовно-правового значения использования СМИ и ЭИТС при совершении преступлений террористической и экстремистской направленности. Выделены три проблемы повышения эффективности уголовно-правового обеспечения защиты личности, общества и государства от угроз террористического и экстремистского характера, связанных с использованием СМИ или ЭИТС.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, преступления террористической направленности, преступления экстремистской направленности, средства массовой информации, электронные сети, информационно-телекоммуникационные сети, криминализация, квалификация

Для цитирования: Хлебушкин А. Г. Особенности квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 136 – 142.

Original article

PARTICULAR QUALIFICATION OF TERRORIST AND EXTREMIST
CRIMES COMMITTED VIA MASS MEDIA OR ELECTRONIC
OR INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Artem G. KHLEBUSHKIN

*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,
agh178@yandex.ru*

Abstract. The article considers certain problems of criminalization and qualification of terrorist and extremist crimes committed via mass media (MM) or electronic or information and telecommunication networks (EITN). Special attention is drawn to the importance of legislative and law enforcement unification when using the means of criminal law in the sphere of counteraction to

© Хлебушкин А. Г., 2024

these acts. The variants of the criminal legal significance of the use of MM and EITN in committing terrorist and extremist crimes are presented. Three problems of increasing the effectiveness of criminal law protection of an individual, society and the state from threats of terrorist and extremist nature associated with the use of MM or EITN are highlighted.

Keywords: terrorism, extremism, terrorist crimes, extremist crimes, mass media, electronic networks, information and telecommunication networks, criminalization, qualification

For citation: Khlebushkin A. G. Particular qualification of terrorist and extremist crimes committed via mass media or electronic or information and telecommunication networks. *Criminalist*. 2024;2(47):136-142. (In Russ.).

В 2023 году количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выросло на 29,7 % относительно прошлого года¹.

Использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей может существенно влиять на общественную опасность деяния и его сущность, что должно учитываться как при криминализации отклоняющихся форм поведения, так и при квалификации преступлений.

Б. В. Волженкин писал, что появление угроз, связанных с развитием науки и технологий, требует изменения правового регулирования, в том числе установления новых либо совершенствования ранее существовавших уголовно-правовых запретов [1].

Решение законотворческих задач путем установления новых или совершенствования существующих уголовно-правовых запретов ставит задачи уже правоприменительные — по правильной квалификации преступлений, верному применению уголовного закона при сопоставлении признаков конкретных общественно опасных деяний с признаками основных и квалифицированных составов преступлений.

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 г. // МВД России : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.02.2024).

Эффективное решение названных задач обуславливает необходимость учета целого ряда требований, среди которых отдельно нужно отметить законодательную и правоприменительную унификацию.

Первая связана с системностью законодательной регламентации ответственности за преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации (далее — СМИ) и электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (далее — ЭИТС), в части как криминализации, так и дифференциации уголовной ответственности. Схожие по качественной и количественной характеристикам общественной опасности деяния должны получать соответствующее схожее отражение в уголовном законе.

Вторая выражается в единообразии подходов по квалификации схожих преступлений.

В обоих указанных видах унификации под схожестью преступлений мы понимаем использование при их совершении СМИ и ЭИТС. Это, разумеется, не исключает наличия между ними существенных различий в характере и степени общественной опасности по другим элементам и признакам состава преступления.

В полной мере сказанное относится к преступлениям террористической и экстремистской направленности.

Можно выделить следующие варианты уголовно-правового значения исполь-

зования СМИ и ЭИТС при совершении преступлений террористической и экстремистской направленности:

- 1) использование СМИ и ЭИТС является криминообразующим признаком;
- 2) использование СМИ и ЭИТС является квалифицирующим признаком;
- 3) использование СМИ и ЭИТС фактически может осуществляться при совершении преступлений, но на их квалификацию не влияет.

1. Использование СМИ и ЭИТС как криминообразующий признак.

Так, ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) устанавливает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека по ряду признаков, совершенные публично, в том числе с использованием СМИ либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Как видно, использование СМИ и ЭИТС выступает альтернативным криминообразующим признаком, который может обуславливать публичность деяния, но обязательным не является. Данная статья содержит две части, в каждой из которой указываются дополнительные криминообразующие признаки. В рамках рассматриваемого вопроса они значения не имеют, но влияют на отграничение этого преступления от административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.1 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), при этом одним из альтернативных признаков последнего также является использование СМИ и ЭИТС, способное придать деянию публичный характер.

Таким образом, по мнению законодателя, само по себе использование СМИ и ЭИТС при возбуждении ненависти либо

вражды, а также унижении человеческого достоинства не влияет на общественную опасность деяния в части его криминализации, поскольку при наличии данного признака содеянное может быть признано как преступлением (ст. 282 УК РФ), так и административным правонарушением (ст. 20.3.1 КоАП РФ). Разграничение же между ними проводится по другим признакам. Однако использование названных средств и сетей может влиять на правовую оценку деяния через признак публичности, являющийся обязательным.

2. Использование СМИ и ЭИТС как квалифицирующий признак.

В данном качестве использование указанных средств предусмотрено ч. 2 ст. 205.2 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»), ч. 2 ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») и ч. 2 ст. 280.1 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»).

В этих случаях, в отличие от преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, законодатель признает повышение степени общественной опасности преступления при использовании СМИ и ЭИТС.

Обратим внимание на ст. 280.1 УК РФ, поскольку состав данного преступления включает административную преюдицию — обязательным признаком преступления (в том числе и квалифицированного состава) является его совершение лицом после привлечения данного лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. Под аналогичным деянием здесь понимается административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3.2 КоАП РФ («Публичные призывы к осу-

ществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»). При этом в ч. 2 ст. 20.3.2 КоАП РФ в качестве признака, влекущего более строгое административное наказание, указано использование СМИ и ЭИТС при осуществлении данных призывов. В данном случае, как и при оценке общественной опасности возбуждения ненависти или вражды и унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ и ст. 20.3.1 КоАП РФ), законодатель не относит это обстоятельство к влияющим на криминализацию деяния.

Таким образом, использование СМИ и ЭИТС влияет на дифференциацию уголовной ответственности и квалификацию преступлений экстремистской направленности, но не на разграничение схожих по внешним признакам преступления и административного правонарушения.

3. Использование СМИ и ЭИТС без влияния на квалификацию преступлений.

Приведем несколько примеров использования СМИ и ЭИТС при совершении преступлений террористической и экстремистской направленности, которое не отнесено к самостоятельным признакам какого-либо состава преступления.

М. осужден за пособничество в организации финансирования терроризма, что выразилось в предоставлении им иному лицу реквизитов своих банковских карт, с которых осуществлялись безналичные денежные переводы для обеспечения деятельности террористических организаций. М. в ходе общения в сети «Интернет» посредством мобильного приложения Telegram с иным лицом, представившимся А., зная, что тот является участником международной террористической организации, согласился оказать ему содействие в организации финансирования терроризма.

Следуя достигнутой договоренности, М. предоставил реквизиты находящихся в его пользовании банковских карт, а также реквизиты карты другого лица, неосведомленного о целях перечислений. После этого иное лицо направило ему посредством мессенджера Telegram анкетные данные восемнадцати лиц для перечисления им денежных средств на нужды террористической организации. Поступившие на банковские карты денежные средства на общую сумму 3 133 115 рублей 27 копеек М. были перечислены указанным лицам пятьдесятю семью безналичными денежными переводами¹.

Г. осужден за финансирование терроризма. Он с использованием банковской карты перечислял денежные средства для обеспечения деятельности участников незаконных объединений, действующих в Сирии и входящих в международную террористическую организацию «Исламское государство». Г. состоял в различных группах интернет-мессенджеров террористической направленности, где размещались реквизиты банковских карт в целях сбора денежных средств на финансирование терроризма, а их организаторы сообщали участникам групп действительное предназначение созданных ими фондов².

Д. И. осужден за участие в экстремистском сообществе и за совершение с применением насилия в составе этого сообщества действий, направленных на возбуждение ненависти, а также на унижение достоинства группы лиц по признакам расы, национальности, языка и происхождения. По мотивам расовой и

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2023 г. № 222-УД23-50-А6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 31 августа 2021 г. № 222-УД21-34-А6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

национальной ненависти он покушался на убийство Б. А., Б. Х. Х., А. Д., М. Д., В. И., Р. Т. и С. А. Участники данного экстремистского сообщества применяли конспиративные методы, направленные на обеспечение его длительного и безопасного функционирования, отправляли друг другу сообщения посредством сети «Интернет», которые не позволяли идентифицировать отправителя. Были установлены неоднократные подключения к сети «Интернет» с сотовых телефонов виновных лиц, что подтверждает постоянное общение при помощи программ обмена текстовыми сообщениями в сети «Интернет». В том числе общение зафиксировано в дни совершения преступлений в отношении лиц неславянской внешности¹.

А. признан виновным и осужден за склонение Т. к совершению преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, и за склонение того же лица к совершению преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ. В частности, А. направлял Т. текстовые сообщения и ссылки на видеофайлы, склоняя его к вступлению в ряды международной террористической организации и к публикации в сети «Интернет» материалов, пропагандирующих терроризм и призывающих к осуществлению террористической деятельности².

Таким образом, в приведенных примерах ЭИТС использовались:

1) при финансировании терроризма — путем передачи реквизитов и анкетных данных для денежных переводов, а также путем размещения в группах интернет-мессенджеров реквизитов

¹ Приговор Свердловского областного суда от 26 января 2015 г. по делу № 1-5/15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2023 г. № 225-УД23-3-Аб. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

банковских карт и доведения сведений о целях сбора денежных средств;

2) при склонении лица к совершению преступлений террористической направленности — путем направления текстовых сообщений и ссылок на материалы, пропагандирующие терроризм и призывающие к осуществлению террористической деятельности;

3) при участии в экстремистском сообществе и совершении в рамках такого участия конкретных преступлений экстремистской направленности — путем использования программ обмена текстовыми сообщениями для общения между членами сообщества.

Как видно, ЭИТС используются в самых разных ситуациях, действительно облегчая совершение конкретных преступлений, но такое использование не отражалось в квалификации преступлений в качестве самостоятельного признака объективной стороны в силу отсутствия соответствующей нормативной фиксации.

Все изложенное позволяет выделить три ключевые проблемы (требующих решения вопроса):

1) что считать использованием СМИ и ЭИТС при квалификации конкретных преступлений террористической и экстремистской направленности;

2) как использование СМИ и ЭИТС влияет (и влияет ли) на общественную опасность соответствующего деяния;

3) как это должно быть отражено (и должно ли быть отражено) в уголовном законодательстве, устанавливающим ответственность за посягательства террористической и экстремистской направленности.

Ответ на первый вопрос был дан Пленумом Верховного Суда Российской Федерации: основание для квалификации преступления как совершенного с использованием ЭИТС дает выполнение любого умышленного действия, которое создает условия для совершения

соответствующего преступления или входит в объективную сторону данного преступления, если при этом использовались такие сети. При этом стадия совершения преступления значения не имеет¹. Представляется, что это же правило можно отнести и к использованию СМИ. То есть, например, использование интернет-мессенджера для пересылки сообщения, направленного на склонение лица к участию в экстремистском сообществе, означает использование ЭИТС для совершения преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ. К использованию можно отнести и денежный перевод посредством мобильного банковского приложения для финансирования экстремизма (ст. 282.3 УК РФ).

Таким образом, был определен унифицированный правоприменительный подход в вопросе установления и оценки использования СМИ и ЭИТС при совершении преступлений, что нельзя не оценить положительно.

Это подводит нас ко второму вопросу: в каких случаях такое использование СМИ и ЭИТС повышает степень общественной опасности преступления? Отличается ли, скажем, склонение лица к участию в деятельности экстремистской организации посредством личного общения (ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ) от такого же склонения с использованием тех же самых слов, но переданных посредством звонка через интернет-мессенджер? Само по себе — вряд ли. Но в целом использование СМИ и ЭИТС при склонении открывает больше возможностей перед виновным лицом — как минимум в части расширения круга потенциальных

членов такой организации. Это лишь один из примеров, но он показывает потребность в выработке единых критериев оценки общественной опасности использования СМИ и ЭИТС.

При этом могут учитываться различные обстоятельства, в частности: влияние на количество лиц, в отношении которых осуществляется деструктивное воздействие (например, при публичных призывах к осуществлению противоправной деятельности, а также при вовлечении в совершение преступлений террористической или экстремистской направленности); влияние на скорость передачи тех или иных сведений и на объем передаваемых сведений; влияние на верификацию источника информации — например, путем фальсификации голоса или изображения человека с использованием технологий «дипфейк» либо путем имитации федеральных государственных информационных ресурсов; влияние на сокрытие преступления, обеспечение конспирации, анонимизацию сообщений и др.

Однако все это должно учитываться в совокупности со всеми обстоятельствами конкретного преступления. Вряд ли, например, пересылка по электронной почте макета листовки с экстремистскими призывами для последующего ее тиражирования и расклейки на зданиях более опасна, чем личная передача одного распечатанного экземпляра такой листовки с теми же целями.

Решение этого вопроса подводит нас к третьей проблеме — выработке унифицированных правил отражения в уголовном законе такого использования, поскольку на данный момент можно отметить довольно широкий «разброс» его нормативной фиксации: оно может вообще не учитываться при квалификации преступлений террористической или экстремистской направленности либо выступать в качестве признака основного состава преступле-

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37. П. 20 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3.

ния или в качестве квалифицирующего признака с переводом преступления из категории средней тяжести в тяжкое (ч. 1 и ч. 2 ст. 205.2 УК РФ) либо с усилением наказания без изменения категории преступления (ч. 1 и ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 1 и ч. 2 ст. 280.1 УК РФ). Также деяние экстремистской направленности может признаваться административным правонарушением даже при использовании СМИ и ЭИТС (ст. 20.3.1 и ст. 20.3.2 КоАП РФ) и «переходить» в круг преступных (соответственно, ст. 282 и ст. 280.1 УК РФ) уже по другим обстоя-

тельствам, необязательно связанным с использованием СМИ и ЭИТС.

Последовательное и системное решение трех названных проблем с учетом требований унификации регламентации уголовной ответственности за совершение с использованием СМИ и ЭИТС деяний террористической и экстремистской направленности, а также с обеспечением единообразного подхода к их уголовно-правовой оценке позволит эффективно решать задачу защиты личности, общества и государства от терроризма и экстремизма.

Список источников

1. Волженкин Б. В. Российское уголовное право: традиции, современность, будущее (тезисы доклада на научной конференции, посвященной памяти профессора М. Д. Шаргородского, состоявшейся 1–2 июля 2004 г. в Санкт-Петербурге) // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008. С. 664–679.

Информация об авторе

А. Г. Хлебушкин – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Khlebushkin – Professor at the Department of criminal law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.985

ОЦЕНКА СИТУАЦИИ ТАКТИЧЕСКОГО РИСКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОБЫСКА В ЖИЛИЩЕ

Любовь Сергеевна ШЕХОВЦОВА

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, l.sheh@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается научное определение понятия «тактический риск», а также анализируются теоретические основы оценки тактического риска в криминалистике. Традиционно в юридической науке при оценке тактического риска акцент делается на возможности наступления неблагоприятных последствий при проведении следственных действий. Автор предлагает следователю, находящемуся в ситуации тактического риска, первоначально ориентироваться на организацию и планирование действий, позволяющих достигнуть положительного результата, при этом продумывание вопроса о нейтрализации последствий, несомненно, важный аспект оценки тактического риска, но вторичный.

На примере одной из наиболее распространенных ситуаций тактического риска – проведение обыска в жилище, рассмотрен алгоритм оценки тактического риска. Данный алгоритм предполагает последовательное решение ряда частных задач по оценке источников информации; обстоятельств, препятствующих проведению обыска; ожидаемых результатов; возможных неблагоприятных последствий; вероятности наступления неблагоприятных последствий; действий следователя; мероприятий по нейтрализации возможных неблагоприятных последствий. Предложенные рекомендации по алгоритмизации оценки риска в ситуации обыска в жилище позволяют повысить эффективность данного следственного действия.

Ключевые слова: оценка риска, тактика обыска, тактический риск, следственная ситуация, обыск в жилище

Для цитирования: Шеховцова Л. С. Оценка ситуации тактического риска при проведении обыска в жилище // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 143 – 150.

Original article

TACTICAL RISK ASSESSMENT WHEN CONDUCTING A HOME SEARCH

Liubov S. SHEKHOVTSOVA

Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, l.sheh@mail.ru

Abstract. The article examines the scientific definition of the concept of «tactical risk», as well as analyzes the theoretical basis of tactical risk assessment in criminology. Traditionally, in legal science, when assessing tactical risk, the emphasis is on the possibility of adverse consequences in conducting investigative actions. The author suggests that the investigator, being in a situation of tactical risk, should initially focus on organizing and planning actions to achieve a positive result, thinking over the neutralization of the consequences being undoubtedly an important aspect of assessing tactical risk, but secondary.

© Шеховцова Л. С., 2024

On the example of one of the most common situations of tactical risk — conducting a search of a dwelling, the algorithm of tactical risk assessment is considered. This algorithm involves the sequential solution of a number of private tasks to assess the sources of information; circumstances preventing the search; expected results; possible adverse consequences; probability of adverse consequences; actions of the investigator; measures to neutralize possible adverse consequences. The proposed recommendations on the algorithmization of risk assessment in the situation of a home search make it possible to increase the effectiveness of this investigative action.

Keywords: risk assessment, search tactics, tactical risk, investigative situation, house search

For citation: Shekhovtsova L. S. Tactical risk assessment when conducting a home search. *Criminalist*. 2024;2(47):143-150. (In Russ.).

Тактический риск — это вероятность, характеризующая следственную ситуацию, когда решение стоящих перед следователем задач возможно и возможность эта поддается определению. Такого рода ситуации чаще возникают на первоначальном этапе расследования, а также расследования тяжких и особо тяжких преступлений, когда у следователя высок уровень информационной неопределенности.

Одним из первых в криминалистической литературе о тактическом риске писал Р. С. Белкин. При характеристике тактического решения он говорил о тактическом риске, понимая под ним угрозу наступления неблагоприятных последствий как движущую силу уголовного судопроизводства [1, с. 104–36].

И. П. Корякин под риском понимает всякую измеримую вероятность наступления отрицательных событий, акцентируя при этом внимание на признаке измеримости как неотъемлемом и обязательном, исходя из оценочного характера понятия «риск» [2, с. 59]. Такое определение дает конкретное толкование понятия «риск», оно, полагаем, максимально приближено к лексическому значению слова, как возможности опасности, неудачи; действию, направленному на привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности, угрозой потери, неуспеха.

По мнению В. П. Громько, тактический риск — это нравственно обусловленный и осознанный, логически и

психологически обоснованный способ действий следователя, направленных на достижение положительного результата в следственной ситуации, характеризующейся неопределенностью развития причинно-следственной связи, и содержащих реальную угрозу получения неблагоприятного для расследования результата при отсутствии однозначной положительной альтернативы [3, с. 119].

Принимая во внимание диалектические основы материалистического познания, любое событие должно быть рассмотрено не только с позиции наступления неблагоприятных его последствий, но и с точки зрения возникновения полезных возможностей. В юридической литературе при описании тактического риска акцент преимущественно делается на неблагоприятных последствиях, которые могут возникнуть.

Отрицательный результат, возможность которого рассматривается в ситуации тактического риска, может быть охарактеризован как тактическая ошибка, неправильное или неполное тактическое решение, повлекшее за собой ухудшение следственной ситуации [1, с. 104–136]. В юридической литературе выделяются различные виды тактических ошибок при производстве следственных действий [4, с. 29]. Применительно к оценке тактики производства следственных действий можно предложить следующие основные группы типичных ошибок:

неправильная оценка исходных данных, необходимых для производства следственного действия;

неверное определение задач следственного действия;

ошибочный выбор объекта тактического воздействия;

поведенческие ошибки, вызванные нерациональным подбором или неверным использованием тактических приемов и методов;

неверное определение места, времени и условий производства следственного действия;

неправильное формирование взаимодействия следователя с органом дознания;

субъективные ошибки оценивающего (в том числе восприятия и интерпретации криминалистически значимой информации).

Для следователя предпочтительнее использовать средства, исключаящие или минимизирующие тактический риск, так как сознательный выбор пути, предполагающего обращение к тактическому риску, чреват нежелательными последствиями. Однако ситуация тактического риска должна рассматриваться также как предоставляющая возможности достижения определенного положительного результата, в том числе задержания скрывшегося подозреваемого, устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, разоблачения ложного алиби обвиняемого, обнаружения при обыске сокрытых объектов.

При этом согласимся с мнением Л. Я. Драпкина, который пишет, что организация деятельности следователя в ситуации тактического риска базируется на разработке тактического направления по достижению намеченной цели [5, с. 22 – 33]. Действительно, оказавшись в подобной ситуации, следователь должен главным образом делать акцент на алгоритмизации своих действий,

направленных на решение задач, стоящих перед предварительным расследованием, детализировать и развивать положительный сценарий разрешения ситуации.

Учитывая важность решаемой следователем тактической задачи, значимость искомой доказательственной информации, которую необходимо получить в сжатые сроки, следователь действует в условиях ограниченных временных и информационных ресурсов. Такого рода деятельность в наибольшей степени отвечает критериям принципов процессуальной экономии и целесообразности. Указанные принципы прямо не закреплены в нормах отечественного уголовно-процессуального законодательства, однако согласимся с мнением тех ученых, которые считают, что без соблюдения этих основополагающих начал невозможна реализация уголовного судопроизводства [6, с. 10; 7, с. 167 – 177].

Процессуальная экономия состоит не в совершении определенных законом действий и принятии предписанных нормами права решений, а в поиске наиболее оптимального действия из числа разрешенных законом [8, с. 53]. Данный принцип зачастую рассматривается как жизненно важный ориентир современной судебной реформы и является объектом споров как теоретиков, так и практиков.

В юридической литературе отмечается, что целесообразность в уголовном судопроизводстве может быть представлена как выбор оптимального уголовно-процессуального средства в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. В. Т. Томин рассматривал принцип процессуальной экономии в совокупности с принципом целесообразности, связывая целесообразность в уголовном судопроизводстве с возможностью выбора и применения наилучшего из числа представленных законодателем способа действия в сло-

жившихся условиях [9, с. 64]. А. Ю. Афанасьев непосредственной задачей целесообразности называет совершение «уголовно-процессуальных процедур производства по уголовному делу в целях экономии времени, сил и средств, для этого необходимых» [10, с. 42–44].

Выбор ситуации тактического риска дает возможность реально решить тактическую задачу, особенно в случае расследования тяжких и особо тяжких преступлений, когда получить доказательственную информацию иным способом затруднительно.

Изучение процесса принятия тактического решения в условиях тактического риска показывает, что основное внимание следователя направлено на принятие мер по достижению положительного результата, а продумывание вопроса о нейтрализации последствий возможного отрицательного результата как бы выносятся «за скобки».

Оценивая ситуацию тактического риска, следователь отталкивается от своих знаний и опыта, чтобы выявить сходные случаи, исследование которых позволит сформировать общий образ, спроецировать эффективную модель действий на имеющуюся ситуацию. Такая оценка во многом носит субъективный характер, зависит от объема знаний и индивидуальных особенностей человека, принимающего решение. При этом проведенный анализ следственно-судебной практики позволяет выявить и объективные элементы такой оценки.

Оценка тактического риска — сложная задача, для решения которой полагаем возможным вычленив отдельные ее составляющие и последовательно определить их, т. е. алгоритмизировать процесс оценки тактического риска. Разберем детально оценку риска на примере обыска в жилище.

Традиционно к ситуациям тактического риска в криминалистике относят-

ся обыск в жилище [11, с. 136–138; 12, с. 174–176]. Обыск — одно из основных следственных действий, характерное для расследования различных видов преступлений, в том числе против собственности, коррупционной направленности, в сфере компьютерной информации, расследования поджогов чужого имущества и т. д. О. С. Кучин отмечает, что в ряде случаев успешно произведенный обыск может быть единственным средством получения доказательств совершенного или совершающегося преступления, позволит дать результаты, полностью изобличить обвиняемого [13, с. 47–49]. Однако достижение эффективного результата в расследовании всегда связано с разумным тактическим риском, с отходом от шаблонных и, как правило, нерезультативных способов действий следователя.

Неблагоприятный и благоприятный варианты развития ситуации тактического риска при производстве обыска в жилище можно наглядно продемонстрировать на примерах.

Неблагоприятный сценарий развития следственной ситуации сложился, например, в ходе расследования разбоя в отношении гр. Б. Следователем было принято решение о производстве безотлагательного обыска в жилище подозреваемого гр. М. с целью обнаружения предмета, конструктивно схожего с пистолетом. Войдя в квартиру, сотрудники полиции столкнулись с агрессивными действиями брата подозреваемого, гр. Г., и его супруги, гр. Д., которые, находясь в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляли грубой нецензурной бранью сотрудников полиции. Гр. Г. в ходе обыска порвал постановление о производстве обыска и нанес удар сотруднику полиции в голову. Гр. Д. удерживала одного из сотрудника полиции и сорвала с его форменной одежды «шеvron».

В ходе обыска искомое обнаружено не было, ничего не изъято¹.

Значительно чаще ситуация тактического риска при обыске в жилище развивается по благоприятному сценарию. Например, в ходе расследования разбоя был осуществлен осмотр записи с камеры видеонаблюдения, на которой видно, как мужчина осматривает содержимое сумки, схожей с похищенной. По приметам был обнаружен подозреваемый гр. Б., следователь принял решение о проведении неотложного обыска в его жилище, где была обнаружена одежда: кепка, толстовка и куртка, в которых было совершено вооруженное нападение². Обнаруженные предметы осмотрены и признаны вещественными доказательствами по уголовному делу.

Согласимся с мнением Л. Я. Драпкина, который справедливо отмечает, что в ситуации тактического риска кроме подозреваемого, обвиняемого следователю могут мешать и объективные факторы [5, с. 23 – 33] (погодные условия, время проведения следственного действия, рельеф местности и иные характеристики места). Оценку ситуации тактического риска при обыске, производимом в жилище, полагаем возможным представить как оценку системы таких элементов, как:

- источники информации;
- обстоятельства, препятствующие проведению обыска;
- ожидаемые результаты;
- возможные неблагоприятные последствия;

¹ Приговор Шатковского районного суда (Нижегородская область) от 21 февраля 2020 г. по делу № 1-21/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uh1jl2zrGFJa/> (дата обращения: 15.12.2023).

² Приговор Первореченского районного суда г. Владивостока от 8 июля 2020 г. № 1-255/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mQ3eJy9bN8Np/> (дата обращения: 15.12.2023).

вероятность наступления неблагоприятных последствий;

действия следователя;

мероприятия по нейтрализации возможных неблагоприятных последствий.

К источникам информации как элементу системы оценки рисков можно отнести различные процессуальные и непроцессуальные документы, имеющиеся в распоряжении следователя: протоколы допросов потерпевших и свидетелей-очевидцев, осмотров места происшествия, результаты оперативно-разыскной деятельности, иные материалы уголовного дела. Анализируя каждый из них отдельно и в совокупности, следователь получает общее представление о предстоящем следственном действии и возможных тактических рисках.

Однако на этапе подготовки к обыску следует учитывать возможность возникновения факторов, препятствующих проведению обыска. Они могут быть вызваны ошибками в юридических документах, например, в постановлении о производстве обыска указан неполный адрес или предполагаемые обыскиваемые не проживают по указанному следователем адресу.

Кроме того, обстоятельства, препятствующие проведению обыска, могут быть никак не связаны с деятельностью следователя и быть сложно прогнозируемыми. Например, если в день предполагаемого обыска в жилище неожиданно прибыло большое количество лиц по причине проведения свадьбы, похорон или иного многолюдного значимого для людей события.

В случае проведения обыска в жилище следователь традиционно ожидает получения следующих результатов:

обнаружение орудия, оборудования или иных средств совершения преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела;

обнаружение и задержание подозреваемого (обвиняемого);

обнаружение потерпевшего (трупа потерпевшего);

реализация мер по предотвращению или пресечению преступления;

обнаружение имущества подозреваемого, на которое в дальнейшем в целях возмещения вреда может быть наложен арест;

обнаружение следов преступления (в том числе на орудиях совершения преступления и одежде подозреваемого (обвиняемого));

обнаружение компьютерной информации;

обнаружение иной значимой для расследования информации.

Неблагоприятные последствия:

невозможность проведения обыска части территории (например, в подвале или на чердаке);

частичное или полное уничтожение искомого (в том числе компьютерной информации);

уничтожение следов преступления;

физическое насилие в отношении сотрудников полиции и иных участников следственного действия;

оскорбление сотрудников полиции и иных участников следственного действия;

утечка информации об осведомленности следователя в отношении искомого и места его сокрытия.

Учитывая, что оценка тактического риска зависит от многих факторов, в том числе от личностных качеств оценивающего субъекта, вероятность наступления неблагоприятных последствий, полагаем, можно определить такими условными категориями, как высокая вероятность и низкая вероятность.

Алгоритм действий следователя. Следователь на подготовительном этапе обыска проводит комплекс процессуальных действий по снижению уровня

информационной неопределенности, направленных на сбор данных о личности обыскиваемых (круге общения, преступных связях, источниках доходов и пр.), обыскиваемом помещении и искомым предметах (изучение страниц социальных сетей, направление запросов, контроль телефонных и иных переговоров, допросы свидетелей из числа осведомленных лиц, изучение архивных уголовных дел, если подозреваемый (обвиняемый) был ранее судим).

Следователь консультируется с участковым уполномоченным на предмет выявления возможных мест сокрытия похищенного, характеристик проживающих лиц и рода их деятельности. Постановление о проведении обыска выносится на основе достаточных и достоверных сведений. Большое значение имеют взаимодействие с органом дознания и дача на основе полученных сведений поручения о проведении комплекса оперативно-разыскных мероприятий в целях контроля и оценки поведения подозреваемого (обвиняемого) и, вероятно, противодействующей стороны. Для нейтрализации возможного противодействия следует решить вопрос о привлечении к работе группы обыска специалистов узкого профиля, в том числе в области компьютерной информации, специалиста-кинолога.

Кроме планирования основных действий по подготовке к обыску считаем целесообразным организовать мероприятия по *нейтрализации возможных неблагоприятных последствий*. При установлении высокой вероятности наступления такого неблагоприятного последствия, как физическое насилие в отношении сотрудников полиции и иных участников следственного действия, рекомендуем следователю своевременно привлечь к проведению обыска участников, специализирующихся на силовой поддержке следственных действий,

в том числе сотрудников специальных отрядов быстрого реагирования.

Из общих рекомендаций также следует отметить проведение одновременного группового обыска в нескольких удаленных друг от друга жилищах или в жилище и на иных объектах в ходе расследования одного уголовного дела. Определение иных мероприятий во многом зависит от конкретной следственной ситуации, складывающейся при подготовке к проведению обыска в жилище.

Таким образом, алгоритмизация оценки риска в ситуации обыска в жилище позволяет повысить эффективность данного следственного действия. С целью оценки возможного тактического риска при проведении обыска в жилище следователь должен провести ряд минимально необходимых действий:

получить сведения о личности подозреваемого, его внешнем виде, месте работы, судимости, о наличии в собственности автотранспортных средств, огнестрельного оружия, о его преступных связях, наличии в собственности

(владении, распоряжении) иной недвижимости;

выявить лиц, ориентировочно находящихся в жилище;

составить схему жилого помещения со всеми входами, окнами, дополнительными помещениями, прилегающими к жилищу;

установить расположение средств охранной сигнализации и электронных устройств для компьютерно-опосредованной коммуникации;

определить примерное расположение отопления, водоснабжения, вентиляции, электроснабжения, подвода газа;

максимально детализировать искомые объекты, их возможное физическое состояние, размер, упаковку, способ транспортировки.

Если при оценке тактического риска следователь пренебрегает данными действиями, то, полагаем, существенно возрастает вероятность наступления неблагоприятных последствий и результаты обыска в жилище могут быть признаны неудовлетворительными.

Список источников

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. Москва : Юрид. лит., 1988. 302, [1] с.
2. Корякин И. П. Теория риска в криминалистике : монография. Караганда : Болашак-Баспа, 2009. 370 с.
3. Громыко В. П. Деятельность следователя в ситуациях тактического риска при расследовании тяжких преступлений // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы по делам о тяжких преступлениях : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел СССР, Караганд. высш. шк. ; редкол.: Ю. Д. Лившиц (отв. ред.) [и др.]. Караганда : Караганд. высш. шк. МВД СССР, 1985. 173, [3] с.
4. Крамаренко В. П., Осипова Е. В. Ошибки уголовного судопроизводства и их преодоление : учеб.-метод. пособие. Москва : СКИ, 2022. 122 с.
5. Драпкин Л. Я. Ситуации тактического риска: понятие, структуры, методы преодоления // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 23 — 33.
6. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук / Баранов Александр Михайлович. Омск, 2006. 38, [1] с.
7. Буфетова М. Ш., Литвинцева Н. Ю. К вопросу о принципе целесообразности в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3 (98). С. 167 — 177.

8. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве : монография. Нижний Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2011. 151 с.
9. Томин В. Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство : лекция-монография. Нижний Новгород : Волго-Вятская акад. гос. службы, 2007. 79 с.
10. Афанасьев А. Ю. Диспозитивность, дискреционность и усмотрение в уголовном процессе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 8-2. С. 42–44.
11. Пешков Г. Г., Воронов А. А. Тактические особенности производства обыска при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Закон и право. 2017. № 12. С. 136–138.
12. Файзуллина А. А. Тактические особенности производства обыска и выемки при расследовании поджогов чужого имущества // Закон и право. 2019. № 9. С. 174–176.
13. Кучин О. С. Значение обыска при расследовании коррупционных преступлений // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию кафедры криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12–13 октября 2017 г. / БГУ ; редкол.: В. Б. Шабанова (отв. ред) [и др]. Минск : Изд. центр БГУ, 2017. С. 47–49.

Информация об авторе

Л. С. Шеховцова – доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

L. S. Shekhovtsova – Associate Professor at the Department of criminalistics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after of V. Ya. Kikot, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Виктория Львовна ШУЛЬЦ

Прокуратура Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ханты-Мансийск, Россия,
9226587568@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен сравнительный анализ процессуального статуса эксперта и специалиста, а также рассмотрены проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности в связи с привлечением этих участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: эксперт, специалист, экспертиза, заключение эксперта, исследование

Для цитирования: Шульц В. Л. Особенности процессуального статуса эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 151 – 156.

Original article

FEATURES OF THE PROCEDURAL STATUS OF AN EXPERT AND SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Viktoriya L. SHULTS

Prosecutor's Office of the Autonomous Okrug – Ugra, Khanty-Mansiysk, Russia,
9226587568@mail.ru

Abstract. The article provides comparative analysis of the procedural status of an expert and a specialist, as well as considers the problems arising in law enforcement activities in connection with the involvement of these participants in criminal proceedings.

Keywords: expert, specialist, expertise, expert report, research

For citation: Shults V. L. Features of the procedural status of an expert and specialist in criminal proceedings. Criminalist. 2024;2(47):151-156. (In Russ.).

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательства содержат императивные методы правового регулирования общественных отношений, входящих в их предмет, что, в свою очередь, обеспечивает законодательное закрепление процессуального статуса участников этих общественных отношений, их прав и обязанностей. Уголовно-процессуальный кодекс Рос-

сийской Федерации (далее – УПК РФ) регламентирует процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, полномочия как стороны обвинения, так и стороны защиты. Кроме того, в уголовно-процессуальном законе закреплены полномочия и таких участников процесса, как специалист и эксперт, которые выполняют вспомогательную функцию, направленную на сбор и

© Шульц В. Л., 2024

анализ доказательств, поскольку эффективность следственной и судебной деятельности зачастую зависит от своевременного использования специальных познаний сведущих лиц.

Вместе с тем процессуальный статус данных участников различен. Экспертом, согласно ст. 57 УПК РФ, признается лицо, которое обладает специальными познаниями и назначено в установленном законом порядке для производства экспертизы и дачи заключения. Специалист, исходя из логики законодателя, имеет несколько отличные от эксперта функции в уголовном судопроизводстве — его основной задачей является содействие при производстве следственных действий сбору и закреплению доказательств.

По мнению А. В. Гусева, изучившего исторические предпосылки рассматриваемого вопроса, особой разницы в познаниях эксперта и специалиста нет, если они обладают познаниями в одной специальности. Однако механизм реализации специальных познаний специалистом в уголовном судопроизводстве существенно отличается от механизма их реализации экспертом, что обусловлено разным подходом законодателя к результатам их деятельности. Одной из причин неэкспертного применения специальных познаний, не связанного с производством судебной экспертизы, является историко-правовое дифференцирование данного механизма. Автор полагает, что процесс научного формирования института судебной экспертизы инициирован Уставом уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года, в котором законодатель заложил основы дифференцированного подхода к механизму реализации специальных познаний [1, с. 1].

В этой связи возникает вопрос: равнозначны ли суждения специалиста, сформулированные в заключении специали-

ста, и выводы эксперта, изложенные в заключении эксперта?

Для разрешения этого вопроса, на наш взгляд, целесообразно акцентировать внимание на сходстве и различии процессуального статуса этих участников уголовного процесса, регламентированного нормами уголовно-процессуального закона. В дополнение к этому, деятельность эксперта также урегулирована нормами Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 (ред. от 29 июня 2021 г.) «О судебной экспертизе по уголовным делам». Между тем специалисту, в отличие от эксперта, ни законодатель, ни высшая судебная инстанция не уделили столь пристального внимания.

На первый взгляд, сходство процессуального статуса эксперта и специалиста весьма существенно, поскольку итогом работы и того, и другого является заключение, которое наряду с их показаниями отнесено законодателем к доказательствам (пп. 3, 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), что свидетельствует об их равнозначной юридической силе, т. е. одинаковой «доказательственной ценности, весомости, логической убедительности» [2, с. 64 – 65].

Однако в соответствии с п. 1 упомянутого Постановления высшей судебной инстанции эксперт проводит исследование с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Если же проведения исследования не требуется, то возможно привлечение к участию в судебном разбирательстве специалиста. Таким образом, можно прийти к выводу, что ключевое отличие эксперта от специалиста заключается в наличии (отсутствии) необходимости в проведении исследования (тщательного осмотра, внимательного ознакомления

для установления, выяснения чего-либо, обследования) [3, с. 686], изучении какого-либо объекта (явления, процесса) с целью выявления закономерностей его возникновения, развития, изменения, преобразования. Следовательно, при отсутствии необходимости в проведении экспертного исследования правоприменитель в соответствии со ст. 58 УПК РФ вправе привлечь специалиста, например для консультации по вопросам, входящим в компетенцию последнего. Законодателем не предусмотрено, когда специалист привлекается именно для дачи заключения, требования к оформлению и наименованию его итогового суждения отсутствуют.

В свою очередь, если обратиться к позиции законодателя относительно содержания заключения эксперта и заключения специалиста, то можно прийти к выводу о значительном различии этих процессуальных документов, поскольку согласно ч. 1 ст. 80 УПК РФ в заключении эксперта должны быть отражены как содержание исследования, так и выводы по поставленным перед экспертом вопросам, а в заключении специалиста – суждение по поставленным перед специалистом вопросам (ч. 3 ст. 80 УПК РФ).

И наконец, в некотором роде гарантией достоверности заключения эксперта является предупреждение эксперта об уголовной ответственности за заведомо ложные заключение или показания (ст. 307 УК РФ). В этом состоит еще одно отличие процессуального статуса эксперта от статуса специалиста, поскольку последний может быть привлечен к уголовной ответственности лишь за дачу заведомо ложных показаний.

Тем не менее правоприменительная практика склонна «уравнивать» процессуальные статусы этих участников уголовного судопроизводства, обеспечивая допустимость заключения специалиста посредством его предупреждения об

уголовной ответственности, несмотря на то, что это не предусмотрено уголовно-процессуальным законом.

Весьма показательным в этом плане является апелляционное определение Московского областного суда, в котором суд признал доказательство недопустимым в связи с тем, что специалист, привлеченный для дачи заключения, не предупреждался об уголовной ответственности¹.

Таким образом, правоприменитель стоит перед сложной дилеммой: вопреки нормам уголовно-процессуального закона предупреждать специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения либо, руководствуясь позицией законодателя, назначать судебную экспертизу по вопросам, на которые уже ответил специалист в своем заключении. В этой связи закономерен вопрос о целесообразности такого подхода.

Как верно отмечает А. С. Князьков, исследование эксперта предполагает получение сведений, которые не были известны участникам уголовного судопроизводства, в том числе следователю, и которые невозможно получить иными способами [4, с. 66]. Полагаем, с данной позицией следует согласиться, поскольку в подобной ситуации отсутствует настоятельная необходимость в назначении судебной экспертизы при наличии заключения специалиста, а «повторное» изучение одних и тех же обстоятельств, сначала специалистом, а в последующем экспертом, возлагает избыточную нагрузку на экспертные учреждения, что предопределяет увеличение сроков производства предварительного расследования.

Аналогичной позиции придерживается А. Ю. Ушаков, указывая на то, что

¹ Апелляционное определение Московского областного суда от 1 июня 2016 г. по делу № 33-14711/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в сложившейся ситуации существенно ущемлены в правовом положении не только специалист, но и другие участники процесса, взаимодействующие с ним [5, с. 1].

Необходимо отметить, что указанная позиция ранее согласовывалась с п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 в редакции от 21 декабря 2010 года «О судебной экспертизе по уголовным делам», однако в действующей редакции этот пункт исключен. При этом согласно ст. 74 УПК РФ в качестве доказательства допускается как заключение эксперта, так и заключение специалиста.

На наш взгляд, экспертиза — детально регламентированная процедура, к которой предъявляются определенные законодательно установленные требования. Данное обстоятельство не дает оснований признать заключение специалиста юридически равным заключению эксперта, поскольку законодателем не установлены требования относительно содержания заключения специалиста. В результате суждение специалиста по поставленным перед ним вопросам может носить логический смысловой характер, однако структурно может изменяться в зависимости от характера и количества поставленных вопросов, а также от методов изучения специалистом тех или иных обстоятельств. Возможно, именно по этой причине в правоприменительной практике широкое распространение получила «справка об исследовании», легальное определение которой также отсутствует.

Безусловно, для производства быстрого и качественного расследования, как правило, необходимо привлечение как специалиста, так и эксперта. Такой подход не только обеспечит полноту сбора доказательств стороной обвинения, но и даст определенные процессуальные преимущества стороне защиты, напри-

мер в части разъяснения специалистом вопросов, поставленных перед экспертом при производстве экспертизы, что поддерживает принцип равенства прав сторон в уголовном процессе. В то же время необходимо более рациональное использование следователем (дознавателем) времени при решении вопроса о привлечении того или иного сведущего лица. Так, на наш взгляд, участие специалиста целесообразно при сборе оперативной информации, производстве следственных действий, а результат его работы должен оформляться письменным документом, например справкой об исследовании.

Анализируя процессуальный статус эксперта и специалиста, нельзя не отметить ряд вопросов, по поводу которых специалист не имеет права выражать свое суждение. Так, законодателем в ст. 196 УПК РФ четко сформулированы обстоятельства, при установлении которых обязательно назначение и производство судебной экспертизы: при необходимости установления причины смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, психического или физического состояния, возраста подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего.

Что касается привлечения специалиста потерпевшим или обвиняемым для дачи заключения, то, по мнению М. А. Малиной, доказательства могут быть получены лишь путем проведения следственных действий, в связи с чем потерпевший и обвиняемый не могут самостоятельно привлечь частных лиц. Наряду с этим автор предлагает объединить заключение и показания специалиста в один источник доказательств — «показания специалиста». В свою очередь, допрос специалиста должен быть направлен на выяснение методик и результатов проведенного исследования, используемых инструментов, литературы и т. д. [6, с. 5].

На наш взгляд, предложенный М. А. Малиной выход из сложившейся ситуации можно признать одним из возможных вариантов решения проблем, возникающих на практике, поскольку перед допросом специалисту будет разъяснена ответственность за дачу заведомо ложных показаний, а также соблюдены требования получения доказательств.

Также, по мнению ученых, одной из основных проблем, возникающих на практике, является неравная значимость для суда заключения эксперта и заключения специалиста. Вследствие правовой непроработанности процедуры привлечения специалиста, отсутствия требований к форме и содержанию его заключения судьи часто признают заключение специалиста недопустимым доказательством. А. А. Митрофанова, Д. В. Кузаков в рамках научного исследования провели анализ таких судебных решений за 2022 – 2023 годы. В большинстве случаев причиной признания заключения специалиста недопустимым доказательством являлось непредупреждение специалиста об ответственности по ст. 307 УК РФ, хотя это не является обязательным требованием закона [7, с. 3].

Зачастую суды указывают на недопустимость рецензирования специалистом заключения эксперта. В качестве примера А. А. Митрофанова, Д. В. Кузаков приводят приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 18 октября 2022 года по делу № 1-586/2022 [7, с. 3]. Вместе с тем они верно отметили, что указанный довод не согласуется с позицией Верховного Суда Российской Федерации в той части, что специалист может привлекаться в том числе для высказывания суждений и дачи разъяснений по заданным ему вопросам. В случае

необходимости, по мнению специалиста, назначения дополнительной или повторной экспертизы суду следует обсудить указанный вопрос (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»).

Еще одним основанием признания доказательства недопустимым являлось фактическое проведение специалистом лингвистического исследования, что возможно лишь в рамках судебной экспертизы (приговор Советского районного суда г. Брянска от 6 мая 2022 года по делу № 1-26/2022(1-381/2021). Не менее интересны случаи, связанные с применением полиграфа. Судьи полагали, что опрос с применением полиграфа не может являться надлежащим доказательством, соответствующим требованиям ст. 74 УПК РФ, в связи с чем признавали заключения специалистов психофизиологического исследования недопустимыми доказательствами (приговор Глазуновского районного суда Орловской области от 9 августа 2022 года по делу № 1-16/2022; приговор Россошанского районного суда Воронежской области от 23 января 2023 года по делу № 1-7/2023(1-313/2022) [7, с. 4].

Принимая во внимание изложенное, полагаем, что с целью разграничения (как процессуального, так и содержательного) полномочий эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве необходимы не только разработка методологической основы их деятельности, но также более точное определение ее цели, способов применения специальных знаний, а также ответственности указанных лиц.

Список источников

1. Гусев А. В. Дифференциация механизма реализации специальных познаний в уголовном судопроизводстве России // Общество и право. 2009. № 2 (24). С. 160–163.
2. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие. Москва : Проспект, 2000. 138, [2] с.
3. Евгеньева А. П. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус.яз. ; гл. ред. А. П. Евгеньева. Изд. 3-е, стер. Москва : Рус. яз., 1985. Т. 1.
4. Князьков А. С. Проблемы доказательственной значимости назначения, производства и оценки результатов судебной экспертизы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 66–74.
5. Ушаков А. Ю. Становление фигуры специалиста в уголовном процессе России // Эксперт-криминалист. 2015. № 3. С. 21–23.
6. Малина М. А. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект // Российский следователь. 2023. № 1. С. 20–24.
7. Митрофанова А. А., Кузаков Д. В. Проблемы использования заключения специалиста в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве: анализ судебной практики // Адвокатская практика. 2023. № 4. С. 24–29.

Информация об авторе

В. Л. Шульц – прокурор отдела по надзору за процессуальной деятельностью Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре прокуратуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Information about the author

V. L. Shults – Procurator at the Department for Supervision of Procedural Activities of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Khanty-Mansiysk Autonomous Area – Ugra of the Prosecutor's Office of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 34

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЕ ДОКЛАДЫ МИНИСТРОВ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Константин Леонидович ЯКОВЛЕВ¹, Алла Анатольевна ОПАЛЕВА²,
Максим Владимирович МАМАТОВ³

^{1,2,3} Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия

¹yakovlew.2572@mail.ru

²allaopaleva@yandex.ru

³maximus-de-miridi@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа Полного собрания законов Российской империи делается вывод о значении и месте в правовой системе высочайше утвержденных докладов министров, их влиянии на правовое закрепление нового механизма государственной власти.

Ключевые слова: правление Александра I, Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, генерал-прокурор, высочайше утвержденные доклады

Для цитирования: Яковлев К. Л., Опалева А. А., Маматов М. В. Высочайше утвержденные доклады министров в системе источников права Российской империи первой четверти XIX века // Криминалисту. 2024. № 2 (47). С. 157 – 163.

Original article

HIGHEST APPROVED MINISTERS' REPORTS IN THE SYSTEM OF SOURCES OF LAW OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

Konstantin L. YAKOVLEV¹, Alla A. OPALOVA², Maxim V. MAMATOV³

^{1,2,3} University of the prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹yakovlew.2572@mail.ru

²allaopaleva@yandex.ru

³maximus-de-miridi@yandex.ru

© Яковлев К. Л., Опалева А. А., Маматов М. В., 2024

Abstract: Based on the analysis of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, the authors consider the importance and place in the legal system of the highest approved ministers' reports, their impact on the legal consolidation of the new mechanism of state power.

Keywords: Alexander I's reign, Ministry of the Interior, Ministry of Justice, Prosecutor-General, Alexander I's reign, Ministry of the Interior, Ministry of Justice, Procurator-General, reports approved by the highest authority

For citation: Yakovlev K. L., Opaleva A. A., Mamatov M. V. Highest approved ministers' reports in the system of sources of law of the Russian empire of the first quarter of the XIX century. *Criminalist*. 2024;2(47):157-163. (In Russ.).

Начало XIX века характеризуется новым этапом развития российского государства. Вступление на престол императора Александра I сопровождалось сменой политического курса страны. После кратковременного и противоречивого правления императора Павла I новый император в своем коронационном манифесте от 12 марта 1801 года обещал управлять подданными «по законам и сердцу своей премудрой бабки». На практике это выразилось в том, что правительство вынуждено было проводить более соответствующий историческому развитию курс лавирования, обещаний и реформ в интересах господствующего класса — дворянства. Эта политика заигрывания с либерализмом имела целью сглаживание противоречий между господствующим самодержавно-крепостническим строем и развивающимся внутри него новым капиталистическим укладом.

С этой целью в 1802—1811 годах были проведены реформы, направленные на укрепление высших органов власти и центрального государственного аппарата, усиление его централизации.

Рассуждая о правовой системе Российской империи в рассматриваемый период, необходимо остановиться на ее особенностях. В научной литературе часто встречается следующая классификация нормативных правовых актов [1; 2] применительно к России начала XIX века: 1) уставы, 2) регламенты, учреждения и образования, 3) указы и манифесты.

Уставы содержали важные нормы, регламентировавшие организацию деятельности различных ведомств или органов, их место в государственном механизме. Среди таких актов можно назвать действовавшие в исследуемый период Устав воинский 1716 года¹ и Устав морской 1720 года², регулировавшие различные стороны жизни не только армии и флота, но и всего русского общества, а также Устав благочиния 1782 года³, упорядочивавший организацию деятельности полиции в городах и участие населения в обеспечении правопорядка.

Регламенты, учреждения и образования, которые определяли состав, организацию, компетенцию и делопроизводство отдельных органов управления, также играли важную роль в правовой системе. Например, можно назвать такие нормативные правовые акты, как Учреждение для управления губерний Всероссийской империи 1775 года⁴, а также Общее учреждение министерств 1811 года⁵.

Указы и манифесты являлись наиболее распространенными источниками права в рассматриваемый период. Причем в эту форму облакались весьма

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. V. № 3006.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VI. № 3485.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXI. № 15379.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XX. № 14395.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXI. № 24686.

важные нормативные правовые акты, существенно изменявшие государственное устройство, и простые распоряжения, имевшие временное значение и касавшиеся частных вопросов. Таким образом, в одном ряду оказывались такие законы, как Манифест об учреждении министерств 1802 года¹ и Указ о прибавке двух почтовых станций в Волынской губернии 1808 года². Вышеназванные виды нормативных правовых актов на практике признавались равными по юридической силе.

В правопонимании рассматриваемого периода отсутствовала четкая классификация нормативных источников. Основным критерием являлось личное подписание документа монархом. При этом не было четкого разграничения, является этот документ несущим силу закона и обязательным для последующего применения в аналогичных юридически значимых ситуациях или же он выступает как форма административного распоряжения монарха и применим к конкретному (частному) случаю. Важно отметить, что в условиях абсолютизма царствующие особы являлись фактически единоличными носителями власти законодательной и вместе с тем продолжали участвовать в административном управлении, а иногда и реализовывать судебные функции. Таким образом, монарх сосредоточивал деятельность как правотворческую, так и правоприменительную (административную и судебную) — применительно к последнему случаю в рассматриваемый период уже существовало представление, что такая деятельность должна осуществляться на основании существующего права.

По мнению А. Романовича-Славятинского, «сосредоточие всех государственных властей в особе Государя

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. № 20406.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXX. № 22988.

Императора привело к тому, что правительственные постановления перестали отличаться от законов. Рескрипты, которыми верховная власть действовала в порядке управления, относительно своей обязательной силы ничем не отличались от законов, которыми верховная власть действовала в порядке законодательном. Коллизия высочайшего рескрипта с законом не предусматривалась законодателем, а при обнаружении таковой на практике, в самодержавной Российской Империи, позднейшая верховная воля, выраженная в рескрипте, получала высшую юридическую силу по сравнению с ранее действовавшим законом» [3, с. 61].

На основании проекта, разработанного группой ближайших соратников Александра I, получившей в историографии наименование Негласного комитета, создается новая система органов центрального отраслевого управления — министерств, с образованием которых связывается начало реформ всего государственного механизма. Манифест об учреждении министерств³ издается 8 сентября 1802 года (далее — Манифест 1802 года), и в нем были определены принципы организации и деятельности министерств, а также особо подчеркивалась личная ответственность министра за общее состояние дел во вверенном ему ведомстве. В статье IX Манифеста 1802 года закреплялось, что любой «министр обязан знать состояние всех дел подчиненного министерства, обладая постоянной связью со всеми подчиненными подразделениями». Всего учреждалось восемь министерств: военно-сухопутных сил, военно-морских сил, иностранных дел, юстиции, коммерции, финансов, народного просвещения и внутренних дел.

Новые отраслевые ведомства были строго централизованными бюрокра-

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. № 20406.

тическими учреждениями, их руководители, министры, назначались императором и получали значительную власть. Министры по должности являлись членами Кабинета министров, который относился к органам верховного управления и был призван разрешать спорные моменты, возникающие между министерствами.

С учреждением министерств появилась новая форма нормативных правовых актов — утвержденные императором доклады министров. В соответствии со статьей XIII Манифеста 1802 года они признавались равными указам, Правительствующему сенату вменялось при рассмотрении отчета министра за истекший год учитывать «все указы, по части его отделения в том году Нами изданные, равно и доклады Нами конформированные, и сим министром Правительствующему Сенату объявленные». Это положение позволило М. М. Сперанскому включить при проведении кодификационных работ высочайше утвержденные доклады в Полное собрание законов Российской империи. Однако необходимо отметить, что в соответствии со статьей X указанного Манифеста министры имели право вносить на высочайшее рассмотрение доклады по преодолению тех или иных затруднений в управлении вверенных им ведомств при условии, «что они не требуют ни отмены существующих законов, ни введения или учреждения новых»¹. Это свидетельствует о начале формирования единой правовой системы и реализации принципа законности в деятельности органов центрального отраслевого управления.

Значение высочайше утвержденных докладов можно проиллюстрировать на примере Министерства внутренних дел (далее — МВД). Анализ всего массива

правовых актов, касающихся различных сторон организации и деятельности этого Министерства в период между министерскими реформами, показал, что количественно преобладали именно высочайше утвержденные доклады министра. С 1802 по 1811 год было принято около 20 сенатских и примерно 50 именных указов по линии МВД, тогда как высочайше утвержденных докладов почти в два раза больше — более 130 (в среднем по 20 ежегодно). Это свидетельствует о высоком внимании императора к проблемам сферы деятельности МВД. В 1802 году и 1810 году было утверждено по два доклада министра внутренних дел, в 1803 году — 17, в 1804 году — 20, в 1805 году — 20, в 1806 году — 17, в 1807 году — 10, в 1808 году — 26, в 1809 году — 18 (как видно, в некоторые годы министр выходил с какими-то инициативами к императору каждые две недели) [4, с. 27–28].

Характеризуя содержание вносившихся на высочайшее утверждение докладов министра внутренних дел, необходимо отметить, что в большинстве из них затрагивались (а после утверждения императором и регулировались) вопросы хозяйственно-контрольной деятельности, что предопределялось самой тематикой докладов². Больше всего высочайше утвержденных докладов касалось вопросов промышленности — 41, медицины — 25, переселенческой политики — 15, сельского хозяйства — 14. Вопросам связи (почт) было посвящено 10 докладов, торговли — 8, строительства — 7, по одному докладу было сделано по проблемам попечительства, транспорта, финансов и порядке производства дел в одной из экспедиций МВД. Приоритетные направления деятельности Министерства, исходя из приведенных данных, очевидны.

² Следует отметить, что при осуществлении классификации высочайше утвержденных докладов в основу было положено их целевое назначение.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. № 20406.

Не преследуя цели останавливаться подробно на анализе всех актов, надо отметить ряд высочайше утвержденных докладов, которые заслуживают особого упоминания, так как выходят за обычные рамки. Например, на основании доклада министра внутренних дел от 18 июля 1803 года были реализованы значительные организационные изменения — в структуре Министерства образована Экспедиция государственного хозяйства¹. 20 апреля 1806 года по докладу министра внутренних дел была реорганизована 2-я экспедиция Департамента внутренних дел МВД². В декабре 1806 года, в разгар так называемых Наполеоновских войн, по докладу министра внутренних дел был учрежден Особый комитет для главного производства дел относительно вооружения земского губернского войска или милиции³.

В отдельных докладах ярко отобразились тенденции развития капиталистических отношений. В частности, можно упомянуть доклады от 11 декабря 1803 года «Об отдаче Купавенской казенной фабрики князю Юсупову»⁴, от 22 марта 1804 года «О прекращении солеварения Балахнинского завода и об отдаче его в частные руки»⁵, от 9 сентября 1805 года «О заведении суконной и игольной фабрик в Одессе иностранцем Шлейденом»⁶, от 23 декабря 1805 года «О водворении фабрикантов в Малороссии»⁷, от 21 октября 1809 года «О разрешении фабрикантам свободной продажи сукон

с некоторыми ограничениями в отношении снабжения оным войск»⁸ и др.

Особо следует отметить высочайше утвержденные доклады министра внутренних дел, направленные на снижение социально-политической напряженности в обществе. В марте 1803 года было принято решение об оказании помощи крестьянам, «терпящим недостаток в пропитании»⁹, 30 июня 1803 года был утвержден доклад министра под весьма красноречивым названием «Об удержании фабрикантов от притеснения людей фабричных»¹⁰, в апреле 1804 года по докладу министра внутренних дел повышены расходы на содержание Новороссийской опекунской конторы¹¹ и т. д.

Другие министры также применяли форму высочайше утвержденных докладов. Например, можно упомянуть следующие значимые доклады: министра юстиции и генерал-прокурора Г. Р. Державина от 21 октября 1802 года «О правилах судопроизводства в Правительствующем Сенате и о порядке дачи Сенатором голосов и о согласии их»¹²; министра юстиции и генерал-прокурора П. В. Лопухина «О разделении дел по департаментам Сената; о прибавке двух новых департаментов и экспедиций; об упразднении комитетов для поверхностного рассмотрения жалоб на решения Сената и временных департаментов»¹³.

Как ранее уже обращалось внимание, в Манифесте 1802 года пределы власти и полномочия министров были определены лишь в общих чертах, а вопросы

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. № 20852.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXIX. № 22102.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXIX. № 22380.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. № 21076.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21222.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21911.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21968.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXX. № 23923.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. № 20661.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. № 20826.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21257.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. № 20477.

¹³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21605.

внутреннего устройства самих министерств не затрагивались — это предполагалось реализовать путем издания инструкций министрам, подготовить которые планировалось позднее (статья X Манифеста 1802 года). Однако, по мнению многих исследователей, разработка соответствующих документов так и не была осуществлена.

По плану, подготовленному М. М. Сперанским, 1 января 1810 года был открыт Государственный совет¹. Согласно соответствующему манифесту, значение этого органа власти в системе управления состояло в том, что в нем «все части управления в их главном отношении к законодательству соображаются и чрез него восходят к верховной власти». По замыслу М. М. Сперанского, Государственный совет «учрежден для того, чтобы власти законодательной, доколе рассеянной и разбросанной, дать новое начертание постоянства и единообразия» [5, с. 49]. Государственный совет предполагался как преимущественно законосовещательный орган, поскольку окончательное решение оставалось за императором, который мог не согласиться с мнением Совета. Основными направлениями деятельности являлось обсуждение новых законов, толкование действующего законодательства, а также кодификация и редактирование законодательства.

С открытием Государственного совета практика издания высочайше утвержденных докладов министров прекращается. Этому также способствовало возвышение А. А. Аракчеева, его вхождение в Государственный совет, а затем и в Комитет министров, что сделало последний, по мнению А. С. Алексева, «послушным орудием и самым удобным органом для личного влияния на правительственные дела» [6, с. 309].

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXI. № 24 064.

При этом в десятые годы XIX века власть А. А. Аракчеева заменила коллегиальные начала в управлении. В результате министры потеряли связь с императором, так как их личные доклады в этот период почти полностью прекратились. Они обращались в Комитет министров, в котором властвовал А. А. Аракчеев, и уже через него получали доступ к императору.

О сложившейся ситуации и о сохранении высочайше утвержденных докладов в 1816 году высказывался министр юстиции и генерал-прокурор Д. П. Троицкий в записке «О таких предметах, кои не могут быть вносимы в Комитет министров, а требуют личного доклада Государю». Эта записка начиналась с анализа законов, которыми определялся круг ведения генерал-прокуроров, а затем министров юстиции. При этом автор записки приходит к выводу, что для министра юстиции продолжает существовать «настоятельная потребность в личных докладах государю» по различного рода делам. Однако, по мнению генерал-прокурора, предшествовавшая практика принизила значение данного вида нормативных правовых актов, поскольку зачастую министры вносили на высочайшее утверждение доклады «по пустяковым вопросам». Он полагал, что все вопросы, которые доньше включались во всеподданнейшие доклады, надлежало передавать по принадлежности: «судебные — в Государственный совет, а относящиеся до управления — в Комитет министров». В личных докладах императору должны содержаться лишь вопросы конфиденциального характера («о всех тех обстоятельствах, которые опасно излагать на бумаге, и знать кои нужны одному Государю»), что позволит «держать пост министра юстиции на той степени, которая соответствует сему званию для пользы государства» [7, с. 49].

Подводя итог проведенного исследования места высочайше утвержденных докладов министров в правовой системе Российской империи, необходимо отметить, что в первое десятилетие XIX века данная форма активно использовалась многими министрами, однако по мере

реформирования государственного аппарата и появления новых органов власти высочайше утвержденные доклады министров применяются значительно реже и носят характер уже не нормативных правовых актов, а административных распоряжений.

Список источников

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. 640 с.
2. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX ст.). 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : Тип. Монтвида, 1909. X, 644 с.
3. Романович-Славатинский А. Пособие для изучения русского государственного права по методу историко-догматическому. Киев : Унив. тип., 1871. 111 с.
4. Яковлев К. Л. Министерство внутренних дел в государственном механизме Российской империи в царствование Александра I. Часть 1. (1802—1812 гг.). Москва, 2006. 124 с.
5. Ключевский В. О. Исторические портреты. Император Александр I. Москва, 1998. 416 с.
6. Алексеев А. С. Русское государственное право : конспект лекций. 4-е изд. Москва : тип. О-ва распространения полезных книг, 1897. 591 с.
7. Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских. Москва : Унив. тип., 1859. Ч. 4. 768 с.

Информация об авторах

К. Л. Яковлев – профессор кафедры государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

А. А. Опалева – профессор кафедры государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

М. В. Маматов – заведующий отделом научного обеспечения участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

K. L. Yakovlev – Professor at the Department of state construction and law of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor;

A. A. Opaleva – Professor at the Department of state construction and law of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor;

M. V. Mamatov – Head at the Department of scientific support for the prosecutor's participation in civil, arbitration and administrative proceedings, proceedings in cases of administrative offenses of the Research Institute of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.9

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КОМПЕТЕНЦИИ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Луиза Сираджединовна БУЛГАКОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, bluiza@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка определить понятие компетенции субъектов административной деятельности в сфере экологической безопасности. Автор анализирует мнения ученых-административистов по данному вопросу, а также понятийный аппарат, используемый в законодательстве Российской Федерации. Сделан вывод о необходимости систематизации и совершенствования законодательства в рассматриваемой области, которое должно раскрывать содержание предметов ведения и устанавливать полномочия соответствующих субъектов административной деятельности.

Ключевые слова: экологическая безопасность, субъект административной деятельности, экология, экологическое законодательство, полномочия органов исполнительной власти

Для цитирования: Булгакова Л. С. К вопросу об определении компетенции субъектов административной деятельности в сфере экологической безопасности // Криминалистъ. 2024. № 2 (47). С. 164 – 172.

Original article

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE COMPETENCE FOR THE SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE ACTIVITIES IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL SAFETY

Luiza S. BULGAKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, bluiza@mail.ru

© Булгакова Л. С., 2024

Abstract. The article attempts to define the concept of competence for the administrators in the field of environmental safety. The author analyzes the different viewpoints of the administrative law scholars in this matter as well as the conceptual framework to be found in the legislation of the Russian Federation. As the result of the study, the conclusion is made that it is necessary to systematize and improve legislation in the field under consideration, which should disclose the content of competence and establish powers for the appropriate administration authorities.

Keywords: environmental safety, subject of administrative activity, ecology, environmental legislation, powers of executive authorities

For citation: Bulgakova L. S. On the issue of determining the competence for the subjects of administrative activities in the field of environmental safety. *Criminalist*. 2024;2(47):164-172. (In Russ.).

Конституция Российской Федерации (ч. 2 ст. 77) устанавливает, что в пределах ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации. Единая система предполагает определенную связь по вертикали и означает не что иное, как совокупность различных субъектов управления, подведомственных соответствующему центру. При этом согласно ст. 78 Конституции Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти для осуществления своих полномочий могут создавать свои территориальные органы.

До настоящего времени среди ученых-административистов не сложилось единого мнения о том, какие же субъекты исполнительной власти входят в систему органов государственной власти [1, с. 238].

Важнейшим элементом административно-правового статуса любого органа публичной власти являются его полномочия, совокупность которых составляет содержание его компетенции.

Компетенция субъектов права определяется в статусных и тематических законах, иных нормативных правовых актах (положениях). Первоочередным

способом установления и изменения компетенции субъектов права, обладающих государственно-властными полномочиями, является нормативное закрепление их предметов ведения, прав и обязанностей (полномочий).

Однако, выделяя к рассмотрению особенности установления компетенции субъектов административной деятельности в законодательстве в области экологической безопасности, следует иметь в виду, что в силу отсутствия легального определения понятия «компетенция», а также производного характера определения понятия «полномочия» от сложного в определенной степени для понимания понятия «предметы ведения» вопрос о сущности понятия «компетенция» до сих пор остается в юридической науке достаточно дискуссионным.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «полномочия» толкуется как право, предоставленное кому-нибудь на совершение чего-нибудь, а понятие «компетенция» — как круг чьих-нибудь полномочий, прав [2, с. 248, 479].

На этой основе данные понятия служили инструментами в рассуждениях о «мере власти» многих дореволюционных процессуалистов (Н. М. Коркунов, М. И. Свешников, Б. Н. Чичерин и др.).

В административном праве достаточно долгое время использовалось определение компетенции, данное Б. М. Лазаревым еще в начале 70-х годов прошлого века, в соответствии с которым компе-

тенция органа управления — это «система полномочий этого органа по осуществлению государственной власти... она включает в себя обязанность (перед государством) и право (по отношению к управляемым объектам) выполнять определенные задачи и функции... применительно к этим объектам» [3, с. 101].

Е. В. Белоусова, говоря о компетенции в рамках управленческой деятельности, выделяет два основных подхода к ее определению в юридической науке: широкий и узкий [4, с. 124–131], и отмечает:

в рамках широкого подхода, применяемого к субъектам как публично-правовых, так и частноправовых отношений, компетенция определяется как «совокупность установленных нормативными правовыми актами прав и обязанностей (полномочий) организаций, органов, должностных лиц, а также лиц, осуществляющих управленческие функции в коммерческих организациях» [5, с. 105–106];

в рамках узкого подхода, относящегося только к сфере публичной власти, компетенция определяется как «совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного государственного органа (органа местного самоуправления) или должностного лица, определяющих его место в системе государственных органов (органов местного самоуправления)» [6, с. 293].

Т. М. Бялкина, обобщив множество существующих в юридической науке подходов к определению понятия компетенции, выделяет три основные позиции:

содержание компетенции определяется как совокупность властных полномочий;

компетенция включает в себя два элемента: властные полномочия и предметы ведения;

компетенция определяется как совокупность полномочий органа власти

по определенным предметам ведения с учетом его места в системе государственного управления, а также цели, задач и функций его деятельности [7, с. 81].

Поскольку основными элементами административно-правового статуса органов исполнительной власти, осуществляющих государственное управление в области экологической безопасности, являются цель и задачи их деятельности, функции и полномочия, второй подход для уяснения сущности компетенции субъектов административной деятельности в рассматриваемой области является предпочтительным.

В Конституции Российской Федерации и российском законодательстве понятия «предметы ведения» и «полномочия» используются, но легально не определяются. Ранее соответствующие дефиниции приводились в Федеральном законе от 24 июня 1999 года № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». Однако Закон содержал логическую ошибку — предметы ведения определялись через понятие компетенции, которое само при этом нуждалось в определении. С 2003 года данный Закон прекратил свое действие, однако это не означало отказ от использования в праве рассматриваемых понятий. Наоборот, вопрос об их содержании, в частности предметов ведения, получил в правовой науке еще большую дискуссионность. Как справедливо отмечает Л. А. Тихомирова, этому способствовало и то, что «предметы ведения в Конституции Российской Федерации сформулированы не совсем удачно — они не разграничены по характеру оказываемого воздействия на сферы правового регулирования и сферы государственного управления, в которых осуществляются

полномочия органов государственной власти» [8, с. 6].

Ю. А. Тихомиров трактует предметы ведения как юридически определенные сферы и объекты воздействия [9, с. 188]. Критикуя такую точку зрения, еще в 70-х годах прошлого века Б. М. Лазарев подчеркивал, что «управляемые объекты являются элементами управляемой среды... а не элементом компетенции» [3, с. 46]. А. Ф. Козлов отмечал, что «правом регулируются общественные отношения между субъектами... а не между субъектами и объектами» [10, с. 99].

Исходя из того, что в Конституции Российской Федерации под предметом ведения понимается лишь сфера общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, предмет ведения — это сфера общественных отношений, законодательно отнесенная соответственно к предметам ведения Российской Федерации, к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов либо к предметам ведения субъектов Российской Федерации.

В качестве второго элемента компетенции применительно к субъектам административной деятельности в области экологической безопасности можно выделить властные полномочия, т. е. права и обязанности соответствующего органа специальной компетенции, характерной особенностью которых, по образному выражению Ю. А. Тихомирова, является их «соединенность» между собой в «правообязанность, которую нельзя не реализовать в публичных интересах» [9, с. 189].

Таким образом, определяя особенности компетенции субъектов административной деятельности в области экологической безопасности, следует исходить из того, что компетенция субъектов административной деятельности — это возложенный на них объем публичных дел, при этом содержание компетенции

составляют полномочия, а сферу деятельности — предметы ведения.

Анализ показывает, что в законодательстве в области экологической безопасности понятие «предметы ведения» отсутствует, а вместо него используются:

в Водном кодексе Российской Федерации — понятие «отношения по использованию и охране водных объектов (водные отношения)»;

в Лесном кодексе Российской Федерации — понятие «лесные отношения» и т. д.

В целом данные юридические понятия достаточно четко обозначают общественные отношения, которые выделяются в качестве объекта властных действий субъекта соответствующей компетенции, в том числе применительно к содержанию административной деятельности. В то же время, исходя из того, что лесным законодательством регулируются отношения в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, а также лесных земель, как покрытых лесной растительностью, так и не покрытых ею, по нашему мнению, понятие «лесные отношения» нуждается в большей детализации.

В статусном Федеральном законе от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» наряду с понятием «отношения, связанные с охраной окружающей среды» используются понятия «вопросы охраны окружающей среды», «вопросы окружающей среды», «вопросы, касающиеся охраны окружающей среды».

Термин «полномочия» используется в законодательстве в области экологической безопасности применительно к органам государственной власти Российской Федерации, органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления, осуществляющим управление в области экологической безопасности и отдельные полномочия

Российской Федерации в рассматриваемой области на основе выполнения специальных функций управления, связанных с экологическими видами нормирования, мерами воздействия за нарушение природоохранных требований, государственным экологическим надзором, ответственностью за нарушение законодательства в области экологической безопасности, охраны окружающей среды.

С учетом этого основные полномочия, составляющие содержание компетенции субъектов административной деятельности в области экологической безопасности, наиболее полно можно определить через призму функций органов государственного управления, предписанных в законодательных актах для реализации того или иного способа или акта управленческой деятельности, путем их дробления на подфункции, действия и операции административно-процедурных и административно-юрисдикционных видов деятельности и последующей систематизации в рамках содержания административной деятельности.

Для этого вполне подходят используемые в административном праве характеристики:

распорядительных действий — тремя юридическими формулами: «решает», «устанавливает», «утверждает»;

регулирующих действий — четырьмя юридическими формулами: «предлагает», «координирует», «согласовывает», «рассматривает»;

организационно-контрольных действий — тремя юридическими формулами: «организует», «обеспечивает», «контролирует»;

исполнительных действий — двумя юридическими формулами: «разрабатывает», «подготавливает» [11, с. 23–72, 112–128].

Перечень указанных в ст. 5 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» полномочий органов государственной власти в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды, достаточно большой. Он является открытым с указанием на осуществление иных предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации полномочий.

Анализ содержания данных полномочий с использованием приведенных выше юридических формул показывает, что хотя большая их часть и связана с распорядительными действиями органов исполнительной власти, осуществляющих государственное управление в области экологической безопасности, содержание компетенции субъектов административной деятельности в рассматриваемой области составляют лишь некоторые из них. В их числе:

обеспечение охраны окружающей среды, в том числе морской среды на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации;

организация и проведение государственной экологической экспертизы и лицензирования отдельных видов деятельности в области охраны окружающей среды, иное.

По внешним признакам полномочий видно их неполное соответствие составу возложенных на органы исполнительной власти специальных функций управления в области экологической безопасности. В частности, это относится к деятельности, связанной с привлечением к ответственности за нарушение законодательства в названной области.

Необходимо обратить внимание на использование термина «полномочия» применительно к специально уполномоченным государственным органам по охране, федеральному государственно-

му надзору и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания, поскольку в отношении уполномоченных федеральных и региональных органов исполнительной власти, осуществляющих иные виды государственного экологического надзора, применяется понятие «компетенция» и на основании этого сферы административной деятельности в рассматриваемой области становятся более очевидными.

В этом же контексте следует рассматривать и использование понятия «компетенция» применительно к органам государственной власти Российской Федерации, органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления, которые осуществляют организацию охраны животного мира и среды их обитания (ст. 19 Федерального закона от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире»).

Также важно отметить, с одной стороны, использование в экологическом законодательстве понятия «полномочия» применительно к участию органов государственной власти субъектов Российской Федерации в создании и развитии особо охраняемых природных территорий федерального значения, наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в той или иной сфере в области экологической безопасности, с другой стороны, использование термина «пределы полномочий» (в частности, в Федеральном законе от 24 июля 2009 года № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в Федеральном законе от 20 декабря 2004 года № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»), который несет в себе ограничительную смысловую нагрузку для объемов властных полномочий органов государственной власти.

Термин «компетенция» используется в экологическом законодательстве применительно к федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим государственное управление в области экологической безопасности в рамках выполнения возложенных на них специальных функций управления, связанных с экологическим нормированием, применением мер воздействия за нарушение природоохранных требований, государственным экологическим надзором, ответственностью за нарушение законодательства в области обеспечения экологической безопасности, а также применительно к иным федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим полномочия в рассматриваемой области, органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления как участникам отношений в сфере обеспечения экологической безопасности.

В Федеральном законе от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», регулирующем отношения по поводу организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий как объектов общенационального достояния, обозначения правосубъектности как Российской Федерации и ее субъектов, так и их органов не требуется, поэтому термин «компетенция» в нем не используется.

Полномочия применительно к органам публичной власти и их должностным лицам должны рассматриваться как единое целое, как неразрывная связь прав и обязанностей, которую нельзя не реализовать в публичных интересах. Безусловно, зная данную правовую конструкцию, законодатель тем не менее отдельно определил некоторые права ряда субъектов административной деятельности в области экологической безопасности, а именно:

права органов государственного контроля (надзора) и их должностных лиц, осуществляющих государственный контроль (надзор) в той или иной сфере в области экологической безопасности;

права уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего контроль за полнотой и качеством реализации органами государственной власти субъекта Российской Федерации отдельных переданных полномочий в той или иной сфере в области экологической безопасности (в частности, в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов);

права высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), осуществляющего переданные полномочия в сфере охоты и сохранения охотничьих ресурсов, иное.

В этом же контексте следует рассматривать и определенные обязанности должностных лиц органов государственного экологического контроля (надзора); обязанности должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации по осуществлению переданных полномочий; обязанность виновных лиц по устранению допущенного нарушения и возмещению причиненного вреда окружающей среде.

Таким образом, наряду с полномочиями для некоторых субъектов административной деятельности в области экологической безопасности в законодательстве установлены отдельные права и обязанности, имеющие особое значение в содержании их компетенции.

Однако, как справедливо отмечает Э. С. Навасардова, нет ясности и в вопросе о праве должностных лиц, исполняющих обязанности по осуществлению переданных полномочий, оспаривать в суде законность применяемых мер от-

ветственности. Также нормативно не закреплена процедура выражения несогласия субъекта Российской Федерации с изъятием переданных ему полномочий, учитывая, что законодательство не связывает неисполнение или ненадлежащее исполнение делегированных полномочий с достаточностью их финансирования, а в ряде случаев с законодательно закрепленным допущением его отсутствия [12, с. 40].

В целом, выделив особенности компетенции субъектов административной деятельности в области экологической безопасности, можно сделать следующие выводы.

Компетенция субъектов административной деятельности в области экологической безопасности — это совокупность конкретных прав и обязанностей (полномочий) данных субъектов, предоставленных им для решения специальных задач и исполнения функций в экологической сфере.

Установленное в п. «д» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации нахождение в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, особо охраняемых природных территорий, охраны памятников истории и культуры должно оставаться неизменным, поэтому понятие «предметы ведения» в законодательстве в области экологической безопасности не определяется и не используется.

В то же время использование в Федеральном законе от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» наряду с понятием «отношения, связанные с охраной окружающей среды» понятия «вопросы охраны окружающей среды» свидетельствует о том, что законодателем предпринята попытка разграничить предметы ведения по характеру оказываемого воздействия на сферы правового регулирования и сферы го-

сударственного управления, в которых осуществляются полномочия органов государственной власти.

В аналогичном контексте следует рассматривать и «отдельные государственные полномочия» органов местного самоуправления применительно к отдельным сферам отношений в области экологической безопасности (в частности, в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов; в области охраны и использования животного мира и среды их обитания; в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов и др.), которыми они могут наделяться в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Разграничение полномочий в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды, между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Соглашения между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче осуществления части полномочий в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды, заключаются в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

Поэтому при установлении предметов ведения и разграничении (передаче для осуществления) полномочий в сфере отношений, связанных с экологической безопасностью, законодательные акты в рассматриваемой области должны раскрывать (т. е. определять) содержание предметов ведения, устанавливать (т. е. определять в общем виде) полномочия по предметам ведения и определять (т. е. раскрывать) их содержание.

Определяемое в законодательстве в области экологической безопасности содержание отдельных предметов ведения (в частности, в сфере лесных отношений) требует детализации.

Законодательство в области экологической безопасности, в частности ст. 26 Водного кодекса Российской Федерации, ст. 83 Лесного кодекса Российской Федерации, ст. 33 Федерального закона от 24 июля 2009 года № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», допускает передачу для осуществления отдельных полномочий в рассматриваемой области федеральным законом, а не соглашением, что противоречит ч. 2 ст. 78 Конституции Российской Федерации.

Устанавливая компетенционные полномочия субъектов административной деятельности в области экологической безопасности, законодательные акты содержат лишь бланкетную норму с определенной функциональной и ограничительной смысловой нагрузкой («в соответствии с компетенцией», «согласно компетенции», «в пределах компетенции», «в рамках компетенции» и т. п.).

При рассмотрении внешних признаков полномочий органов власти в области экологической безопасности видно их несоответствие составу возложенных на органы исполнительной власти специальных функций управления в данной области.

С учетом того, что состав полномочий органов специальной компетенции в области экологической безопасности в значительной части расширяет их конкретизация в других федеральных законах, особое значение имеет систематизация данных полномочий, в частности в рамках активно осуществляемого в современных условиях развития договорных отношений в той или иной сфере в области экологической безопасности.

Список источников

1. Лапина М. А. Реализация исполнительной власти в Российской Федерации : науч.-практ. пособие. Москва : Ин-т проблем риска, 2006. 236 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. Москва : Рус. яз., 1986.
3. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. Москва : Юрид. лит., 1972. 280 с.
4. Белоусова Е. В. О соотношении категорий «компетенция», «полномочия» и «предметы ведения» в системе местного самоуправления // Административное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 124 – 131.
5. Юридическая энциклопедия / Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук ; под общ. ред. Б. Н. Топорнина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2000. 1267 с.
6. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылов ; под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. Москва : ИНФРА-М, 1999. 790 с.
7. Бялкина Т. М. Компетенция местного самоуправления: проблемы теории и правового регулирования : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 406,[1] с.
8. Тихомирова Л. А. Конституционные основы разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов в области охраны окружающей среды : науч.-практ. исследование / материал подготовлен для системы «КонсультантПлюс». 2013. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.02.2024).
9. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс : полный курс. 2-е изд., доп. и перераб. Москва : Тихомиров, 2008. 696 с.
10. Козлов А. Ф. Предметные полномочия суда первой инстанции // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство : межвуз. темат. сб. / Ярослав. гос. ун-т. ; под ред. П. Ф. Елисейкина. Ярославль : ЯГУ, 1979. 138 с.
11. Бачило И. Л. Административное право и управление производством. Москва : Знание, 1985. 64 с.
12. Навасардова Э. С. О делегированных полномочиях в области охраны окружающей среды и природопользования // Административное право и процесс. 2007. № 5. С. 40 – 43.

Информация об авторе

Л. С. Булгакова – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

L. S. Bulgakova – Senior Lecturer at the Department of public law disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 347.9

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: БАЛАНС ИННОВАЦИЙ И ЭТИКИ

Михаил Юрьевич ПОРОХОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, moro03@inbox.ru

Аннотация. В статье раскрыты отдельные подходы к определению искусственного интеллекта (ИИ), его виды и различия в реализуемых функциях.

Автор рассматривает влияние ИИ на ключевые аспекты правосудия и проводит анализ текущих тенденций, связанных с использованием ИИ в судебной системе, с фокусом на технических, этических и правовых вопросах.

Освещаются различные аспекты внедрения ИИ, поднимаются вопросы допустимых пределов использования возможностей ИИ при рассмотрении гражданских дел в судах, рассматриваются возможные негативные последствия, возникающие, в связи с этим. Указывается на необходимость внимательного отношения к этическим вопросам, таким как прозрачность используемых алгоритмов, объективность данных и соблюдение гарантий справедливости.

Особое внимание уделяется человеческому фактору в контексте судопроизводства, включая роль судей и общества в условиях использования современных технологий. Автор подчеркивает важность создания нового законодательного регулирования ИИ с целью обеспечения соблюдения процессуальных принципов и гарантированности надлежащей судебной защиты участников судопроизводства.

Автор поднимает важные вопросы применения ИИ в судах, стимулируя обсуждение проблематики условий, направлений и границ использования ИИ в судопроизводстве.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судопроизводство, реформирование судебной системы, дефицит человеческого фактора, этические вопросы судопроизводства

Для цитирования: Порохов М. Ю. Искусственный интеллект в судебной деятельности: баланс инноваций и этики // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 173 – 180.

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE JUDICIAL PROCESS:
BALANCING INNOVATION AND ETHICS

Mikhail Y. POROKHOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, more03@inbox.ru

Abstract. The article reveals separate approaches to the definition of artificial intelligence (AI), its types and differences in its realizable functions.

The author examines the impact of AI on key aspects of justice and analyses current trends related to the use of AI in the judiciary, focusing on technical, ethical and legal issues.

Various aspects of AI implementation are highlighted, raising questions about the permissible limits of using AI capabilities in civil cases in courts, and examining the possible negative consequences arising in this regard. Careful attention to ethical issues such as transparency of the algorithms used, objectivity of the data and observance of fairness safeguards are highlighted.

Special attention is paid to the human factor in the context of legal proceedings, including the role of judges and society in the use of modern technologies. The author emphasizes the importance of creating a new legislative regulation of AI in order to ensure compliance with procedural principles and guarantee adequate judicial protection to the participants of legal proceedings.

The author raises important issues on the application of AI in courts, stimulating discussion on the conditions, directions and boundaries of the use of AI in legal proceedings.

Keywords: artificial intelligence, judicial proceedings, judicial reform, human factor deficit, ethical issues in judicial proceedings

For citation: Porokhov M. Y. Artificial intelligence the in judicial process: balancing innovation and ethics. *Criminalist*. 2024;2(47):173-180. (In Russ.).

Искусственный интеллект (ИИ) уже стал непременным элементом современной технологической революции, затрагивающей различные сферы общественной жизни.

Одной из областей, где ИИ проявляет свой потенциал, является юриспруденция. В последние годы ИИ во всем мире активно внедряется в судопроизводство, и эта тенденция обещает привести к революционным изменениям в системе правосудия.

По мнению исполнительного секретаря Координационного совета генеральных прокуроров СНГ, «потенциал ... научных исследований по проблемам, которые представляют интерес для прокуратур, используется не полностью... в числе первых для таких исследований могла бы явиться проблема деятельно-

сти прокуратуры и искусственного интеллекта. Рано или поздно мы выйдем на необходимость, столкнемся с проблемами искусственного интеллекта в нашей деятельности»¹.

Современное понятие ИИ сформулировано в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Стратегия).

¹ Прокуратура и искусственный интеллект: в СНГ предложили тему для научного исследования. 2022. 24 июня // Проект БЕЛТА : сайт. URL: <https://www.belta.by/society/view/prokuratura-i-iskusstvennyj-intellekt-v-sng-predlozhili-temu-dlja-nauchnogo-issledovaniya-509919-2022/> (дата обращения: 08.12.2023).

Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Комплекс этих технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

На сегодняшний день принято разделять ИИ на сильный (общий, AGI) и слабый (узкий, AI) в зависимости от поставленных целей.

В определении ИИ, изложенном в Стратегии, содержатся признаки сильного ИИ, а именно имитировать когнитивные, т. е. познавательные, интеллектуальные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма), и получать результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Однако наличие подобных свойств у ИИ как раз и является источником угроз для системы правосудия и «ящиком Пандоры» для специалистов в этой области.

Использование возможностей ИИ не выводит судью за рамки судебного процесса. «Даже самые сложные системы не смогут в полной мере взять на себя функции, осуществляемые судьями. Принятие судебного решения — это та часть деятельности судьи, которая отличается высокой сложностью и характеризуется проведением правовой экспертизы, сочетающейся с эмоциональной компетентностью» [1, с. 260]. Иначе говоря, нельзя забывать о судьей-

ском усмотрении. Несмотря на неоднозначность мнений на этот счет, такую функцию невозможно возложить на ИИ, поскольку «усмотрение... предполагает свободу выбора из нескольких законных альтернатив» [2, с.26] и эта свобода совсем не означает случайность выбора того или иного варианта судебного решения по делу, а представляет собой «урегулированный правовыми нормами, осуществляемый в процессуальной форме специфический вид правоприменительной деятельности, сущность которого заключается в предоставлении суду в соответствующих случаях правомочия разрешать спорный правовой вопрос, исходя из целей, преследуемых законодателем, принципов права и других общих положений закона, конкретных обстоятельств дела, а также начал разумности, добросовестности, справедливости и основ морали» [3, с. 22]. При этом из эмоционального, вербального, пространственного, логического, художественного, социального и других элементов формируется интеллект человека (судьи). Последний при осуществлении правосудия дополнительно к перечисленному использует еще личный опыт, и «сочетание этих факторов и толкование основ права, правовых принципов создает условия разрешения даже сложных правовых ситуаций. В качестве средства их решения могут быть использованы и нравственные категории» [4, с. 51]. Личный опыт, нравственные и этические категории — это то, с чем пока не может работать машина. Эффективность ее работы можно оценить лишь с научной и практической точек зрения.

Поэтому внедрение ИИ в судебную практику порождает ряд сложных вопросов. Как гарантировать прозрачность и ответственность в принятии решений, основанных на алгоритмах? Как избежать систематических искажений, связанных с неравномерными данными, на

которых обучаются алгоритмы? Эти вопросы требуют тщательного обсуждения и разработки стандартов, чтобы внедрение ИИ в судебную систему решало задачу сокращения нагрузки на судей и в то же время не приводило к понижению качества рассмотрения дел.

Распространенное мнение о том, что на ИИ можно возложить решение отдельных процессуальных вопросов, таких как проверка соблюдения стороной срока исковой давности, формирование условий мирового соглашения по спору, проверка финансовых расчетов по иску, основано на буквальном применении положений правовой нормы, без учета интересов участников, уважительности причин действий или бездействия сторон и других обстоятельств, которые являются оценочными категориями и их игнорирование приведет к неправоственным решениям.

В законодательстве немало моральных и этических ценностей и категорий, которые создадут трудности в использовании потенциала ИИ [5, с. 33], а также невозможность осмысления и применения такой основополагающей для правосудия правовой, нравственной и социальной категории, как справедливость, и в целом правовых норм и текстов [6]. Усложняет этот вопрос и тот факт, что в обществе отсутствует единое общепринятое понимание природы указанных выше категорий, соответственно, научить ИИ применять их объективно и правильно во всех ситуациях не представляется возможным.

Следует помнить о неизбежности ошибок, допускаемых в процессе самостоятельного обучения системы ИИ, или ошибочности внесенных в нее данных, в результате чего принимаемые ИИ решения не будут соответствовать ни нормам права, ни здравому смыслу, ни судебной практике. Примером может служить случай в судебной практике Колумбии. ИИ предложил судье неверный вариант

решения вопроса (не основанный на существующем правовом регулировании), и судья, не проверив его, вынес судебное решение¹. Нужно сказать, что в Колумбии с 2022 года государственные юристы должны использовать технологии, где это возможно, чтобы сделать свою работу более эффективной.

Подобные ситуации меняют подходы и значение суда как первой, так и второй инстанции. К примеру, существуют ситуации, при которых позиции по рассматриваемому спору разнятся у суда первой и второй инстанций, но при этом итоговые судебные акты обеих инстанций мотивированы и строятся на действующих правовых нормах и практике. Использование ИИ может придать данной коллизии негативные последствия. Так, в первой инстанции ИИ разгружает судью и дает ему возможность принять решение, основываясь на рекомендации ИИ, без учета его обоснованности, т. е. судья первой инстанции, не вникая в обстоятельства дела по существу, сможет перекладывать свои обязанности на судью второй инстанции, который будет вынужден выявлять явные ляпы, недостоверные факты и обстоятельства и оторванную от обстоятельств дела мотивировку судебного акта, фактически выполняя роль не профессионального судьи, а учителя, проверяющего выполнение задания нерадивым учеником. Кроме того, судьи первой инстанции, перекладывая рассмотрение части дел на ИИ, не приобретают того уровня квалификации, который они могли бы иметь, вникая в рассмотрение каждого дела, а судьи второй инстанции вынуждены работать за них. При этом следует помнить, что не все решения обжалуются, а значит, часть судебных актов с

¹ Colombian judge says he used ChatGPT in ruling // The Guardian. 23.02.2023. URL: https://www.theguardian.com.translate.google.com/technology/2023/feb/03/colombia-judge-chatgpt-ruling?_x_tr_sl=auto&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru (дата обращения: 08.12.2023).

пороками содержания вступят в силу и будут подлежать исполнению.

Допустимо ли суду второй инстанции использовать ИИ в своей деятельности, если это фактически означает, что проверку законности и обоснованности актов судов первой инстанции (принятых с участием ИИ) в том числе осуществляет снова ИИ.

В этом контексте интересно мнение специалистов: «В частности, рассматривая распределения вероятностей для генеративных моделей искусственного интеллекта „текст-текст“ ... исследователи пришли к выводу, что „обучение на данных, полученных с помощью других моделей, приводит к коллапсу модели — дегенеративному процессу, в результате которого со временем модели забывают истинную суть“ ... этот процесс неизбежен даже для случаев с почти идеальными условиями для долгосрочного обучения» [7].

Если допустить, что возможности ИИ будут использоваться на всех уровнях судебной системы для рассмотрения правовых и процессуальных вопросов, то ситуация с качеством правосудия может значительно ухудшиться.

Фактически модель нового инновационного судебного процесса представляет собой единство основных составляющих — ИИ и человека-судьи. Формальное отношение последнего к своим обязанностям приведет к тому, что какая-то часть судебных актов будет попросту необоснованна и незаконна из-за ошибок ИИ.

Такую ситуацию можно назвать «дефицитом человеческого фактора» в судопроизводстве, и эта категория может включать в себя несколько моментов:

1. Недостаток эмпатии и понимания контекста. Человеческий фактор приносит в судебные процессы эмпатию и понимание контекста, человек способен учитывать индивидуальные обстоятельства, эмоциональный окрас и многие

другие аспекты, которые сложно формализовать в коде.

2. Моральные дилеммы и принятие этических решений. Принятие этических решений в сложных ситуациях, особенно связанных с моральными нормами, требует человеческого суждения и понимания нюансов. Алгоритмам ИИ это не под силу.

3. Проблемы с оценкой доказательств. Оценка доказательств в суде часто требует учета контекста и нестандартных ситуаций. Алгоритмы машинного обучения могут испытывать трудности в понимании и учете контекстуальных нюансов. При этом человек, оценивающий доказательства, полагается в том числе и на свой личный опыт и интуицию. Это касается и работы с документами. Дело в том, что алгоритмы обработки естественного языка могут сталкиваться с трудностями в правильной интерпретации сложных юридических документов, особенно в случае использования устаревших или нестандартных формулировок и при оценке подлинности документов как в электронном, так и бумажном виде.

Общеизвестно, что некоторые вопросы при рассмотрении дел в судах требуют экспертной оценки. ИИ может испытывать трудности в правильной интерпретации сложных экспертных заключений (например, технических экспертиз).

4. Сложность понимания языка. Человеческий язык часто содержит нюансы, двусмысленности и нестандартные конструкции, что может вызывать трудности для алгоритмов обработки естественного языка. Это особенно важно в контексте интерпретации и формулирования юридических документов.

5. Восприятие справедливости. Люди обычно ожидают, что судебная система будет справедливой не только в формальном смысле, но и в контексте их собственных переживаний и оценок.

Алгоритмы ИИ не всегда соответствуют этим ожиданиям, особенно если не учтены социокультурные особенности.

6. Сложности в работе с комплексными юридическими вопросами. Некоторые правовые вопросы могут быть чрезвычайно сложными и требовать глубокого анализа, который нелегко автоматизировать.

Решение этих проблем требует сбалансированного подхода, построения алгоритмов на широком спектре данных, включая контекстную и специфическую информацию, а также постоянного обновления алгоритмов и их адаптации к изменяющимся этапам судебного процесса.

Использование ИИ почти наверняка сделает судопроизводство формальным, лишенным возможности учета при вынесении судебных решений или определений индивидуальных специфических условий и обстоятельств дела, которые могли бы повлиять на принимаемые судебные решения, что в свою очередь может повлечь социальную напряженность, повышение недоверия к судебной деятельности и негативное отношение к использованию ИИ как такового. «Тотальное доверие машинному интеллекту скептически воспринимается современным обществом во многих странах, в частности в Китае, Англии, Канаде, России и Казахстане» [8, с. 21; 9, с. 11].

Кроме того, при использовании ИИ возникают вопросы с мотивировкой принимаемых решений и, как следствие, с преюдицией. Не секрет, что ИИ допускает использование несуществующих фактов, оснований и мотивов и испытывает затруднения с правильной мотивировкой, заменяя истинные факты вымышленными, причем это является существенной проблемой во многих юрисдикциях. Так, запрещены автоматизированные решения по вопросам защиты персональных данных, если их алгоритмы не могут быть впослед-

ствии объяснены их пользователям¹, и этот подход стоит применять к любым судебным актам, построенным с использованием ИИ.

Вопрос мотивированности судебного акта как такового всегда привлекал внимание участников спора и их представителей и вызывал дискуссии в научной среде. В арбитражном и гражданском судопроизводстве необоснованность судебного решения рассматривается как основание для обжалования и отмены. При использовании ИИ для вынесения решения или определения по делу мотивировка приобретает особое, ключевое значение.

Указанные обстоятельства приведут к увеличению числа обжалований таких решений, особенно в случае использования ИИ в упрощенном производстве, поскольку судебное решение изначально не имеет мотивировочной части.

Нет ответа на вопросы, какие системы и программы ИИ могут использоваться в судопроизводстве, кому они могут принадлежать и, соответственно, кто контролирует их работу, обучение (наполнение), на каком аппаратном комплексе должна строиться работа ИИ, имеются ли отечественные производители, обладающие технологическим ресурсом, для реализации подобного рода задач.

Автономия систем и программ ИИ должна быть не только строго ограничена, кем и где они произведены, но и подчинена формализованным правилам, которые еще предстоит разработать. Именно поэтому все активнее формируется нормативное регулирование практики использования ИИ в судопроизводстве различных регионов мира. В частности, в странах Латинской

¹ Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза // GDPR-TEXT.COM : интерактивный справочник по GDPR. URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 08.12.2023).

Америки, Евросоюза и в Китае¹. В России разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который стал частью федерального проекта «Искусственный интеллект» и Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203.

Вывод на сегодняшний день очевиден — использование ИИ в судопроизводстве возможно только лишь в виде совокупности алгоритмических функций по поиску и подбору нужной для разрешения дела информации, правовых норм и судебной практики; все вопросы, связанные с разрешением конкретных судебных споров и дел, остаются в ведении суда.

Искусственный интеллект отличается от простых компьютерных алгоритмов тем, что имеет способность к самообучению, что, в свою очередь, влечет за собой вариативность принимаемых ИИ решений в одних и тех же условиях, ситуациях, вопросах в зависимости от выполненных им ранее задач. Эта особенность ставит под сомнение прогнозируемость и результативность действий ИИ. Все это делает контроль суда за решениями ИИ обязательным и сплошным, что требует значительных временных, технологических, кадровых и финансовых ресурсов. Нехватка времени, перегруженность судов, недостаток подготовленных для работы с новыми технологиями кадров, недостаточность аппаратного комплекса судов, невозможность формирования

¹MEPs ready to negotiate first-ever rules for safe and transparent AI. News European Parliament. 14.06.2023. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/pressroom/20230609IPR96212/meps-ready-to-negotiate-first-ever-rules-for-safe-and-transparent-ai> (дата обращения: 08.12.2023). Проект административных мер службы генеративного искусственного интеллекта (生成式人工智能服务管理办法 (征求意见稿)). 11.04.2023. URL: http://www.sac.gov.cn/2023-04/11/c_1682854275475410.htm (дата обращения: 08.12.2023).

нового нормативно-правового регулирования использования ИИ в судебной деятельности по причине непрерывного совершенствования применяемых технологий, компьютерных программ и их возможностей создают сложнейший комплекс обстоятельств, не позволяющих рассчитывать на активное, стабильно эффективное использование ИИ при разрешении споров в судах.

Говоря о потребностях судебной системы и участников судопроизводства по гражданским делам, можно определить направления по использованию ИИ, которые могли бы быть автоматизированы. В первую очередь это:

создание ИИ-ассистента судьи для получения аналитики по вопросам принятия решений и определений, в частности по мониторингу и анализу судебной практики и актуальных правовых норм, а также для составления проектов судебных актов по бесспорным и часто повторяющимся делам и анализа большого объема документов на разных языках, в том числе изготовленных от руки, на наличие ошибок и противоречий;

применение ИИ для упрощения делопроизводства и ускорения документооборота не только в рамках суда, но и между участниками судопроизводства, а также государственными органами, органами местного самоуправления и другими лицами. Кроме того, сюда же можно отнести оформление и выдачу исполнительных листов с последующим контролем их исполнения и протоколирование.

Способность принимать решения, делать выводы, т. е. возможность оказания интеллектуальной помощи специалисту-человеку искусственным интеллектом, можно считать одним из основных преимуществ последнего при реализации целей современного правосудия.

Искусственный интеллект в суде — это не просто инновация, но и переосмысление того, как мы реализуем пра-

восудие. Совместная работа человека и машины может привести к более справедливым и эффективным решениям. Однако необходимо тщательное внимание к этическим аспектам и обеспечение прозрачности в использовании ИИ в судебных процессах, чтобы сохранить доверие общества к правосудию.

Использование искусственного интеллекта в судебной системе — это не столько переворот в судопроизводстве, сколько гармоничное сочетание традиционных ценностей с передовыми технологиями. Оптимизация судебных

процессов с использованием ИИ несет в себе посыл создания более эффективной, справедливой и доступной юстиции. Тем не менее для успешной реализации этого потенциала необходимо внимательное обсуждение этических, правовых и технических вопросов, чтобы обеспечить баланс между инновациями и справедливостью в суде будущего. И первоначальной задачей является определение условий, направлений и границ использования ИИ в судопроизводстве.

Список источников

1. Пшава В. В., Темзоков А. Р. К вопросу о возможности использования искусственного интеллекта в судебной деятельности // Современная научная мысль. 2019. № 3. С. 258 – 262.
2. Барак А. Судейское усмотрение : пер. с англ. Москва : Норма, 1999. 364 с.
3. Папкова О. А. Судейское усмотрение в гражданском процессе : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: дис. ...канд. юрид. наук / Папкова Ольга Александровна. Москва, 1997. 176 с.
4. Этика судьи : пособие для судей / Ги де Вель, Н. В. Радутная, П. Трюш. Москва : Рос. акад. правосудия, 2002. 211 с. (Библиотека российского судьи).
5. Борисова Л. В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 32 – 35.
6. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotiuc-Pietro D., Lamos V. (2016). Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective. PeerJ Computer Sci-ence 2:e93. URL: <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93> (дата обращения: 08.12.2023).
7. Frenzen K. The AI feedback loop: Researchers warn of ‘model collapse’ as AI trains on AI-generated content. Venture Beat. 2023. 12 june. URL: https://venturebeat-com.translate.google.com/ai/the-ai-feedback-loop-researchers-warn-of-model-collapse-as-ai-trains-on-ai-generated-content/?_x_tr_sl=auto&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru (дата обращения: 08.12.2023).
8. Андреев В. К., Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, вып. 1. С. 19 – 34.
9. Воронцов С. А., Мамычев А. Ю. «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11, № 4. С. 9 – 22.

Информация об авторе

М. Ю. Порохов — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. Y. Porokhov — Associate Professor at the Department of civil law disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Научная статья
УДК 34

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Д. В. МИРОШНИЧЕНКО «КРИТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОНТОЛОГИИ»

Илья Львович ЧЕСТНОВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, ichestnov@gmail.com*

Аннотация. В рецензии излагаются основные положения работы Д. В. Мирошниченко «Критика уголовно-правовой онтологии». Показан авторский подход к проблеме общественной опасности с позиций философии уголовного права. Обсуждается позиция автора к изменению представлений об общественной опасности в обществе риска.

Ключевые слова: философия уголовного права, общественная опасность, парадигма безопасности, общество риска

Для цитирования: Честнов И. Л. Новое исследование философии общественной опасности: рецензия на монографию Д. В. Мирошниченко «Критика уголовно-правовой онтологии» // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 181 – 186.

Original article

NEW STUDY OF THE PHILOSOPHY OF SOCIAL DANGER: A REVIEW OF D. V. MIROSHNICHENKO'S MONOGRAPH «CRITICISM OF CRIMINAL LAW ONTOLOGY»

Ilya L. CHESTNOV

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, ichestnov@gmail.com*

© Честнов И. Л., 2024

Abstract. The review outlines the main provisions of D.V. Miroshnichenko's work «Criticism of criminal law ontology». The author's approach to the problem of public danger from the standpoint of the philosophy of criminal law is shown. The author's position on changing perceptions of public danger in a risk society is discussed.

Keywords: philosophy of criminal law, public danger, security paradigm, risk society

For citation: Chestnov I. L. New study of the philosophy of social danger: a review of D. V. Miroshnichenko's monograph «Criticism of criminal law ontology». *Criminalist*. 2024;2(47):181-186. (In Russ.).

Летом 2023 года вышла в свет работа, которая, как представляется, привлечет (если уже не привлекла) внимание научного сообщества, — монография Д. В. Мирошниченко «Критика уголовно-правовой онтологии» [1]. Она представляет особый интерес как для теоретиков уголовного права и криминологов, так и для специалистов в области философии и теории права. Следует заметить, что отношения философии и науки, включающей отраслевые юридические дисциплины, не самые простые. Когда-то, в XIX в., позитивисты «изгнали» философию из числа наук в связи с ее неverifiedируемостью, а неопозитивисты уже в начале XX в. объявили все философские высказывания бессмысленными, а значит, ненаучными. Однако уже в 60-е годы XX в. постпозитивисты показали, что философия хотя не является наукой, однако содержит такие знания, без которых наука как таковая невозможна. И прежде всего философия призвана осмысливать (или рефлексировать над) эпистемологические основания, включающие в широком смысле и онтологические, и гносеологические, и методологические, и аксиологические, и даже этические начала науки. В этой связи обращение молодого исследователя Д. В. Мирошниченко к философской составляющей науки уголовного права значимо, так как вносит определенный вклад в преодоление затянувшегося «состояния ожидания»¹ ее неизбежных изменений в связи с трансформациями

¹ Именно так охарактеризовал состояние науки уголовного права замечательный ученый А. Э. Жалинский [2].

нашего постсовременного социума, находящегося в перманентном состоянии «эпохи перемен».

В рецензируемой работе на философско-правовом уровне осмысляются важнейшие проблемы оснований уголовного права (может быть, шире — всех уголовно-правовых наук, и в первую очередь криминологии), обоснования мер предупреждения преступности и уголовно-правовой политики в постсовременном обществе. Основное же внимание автор уделяет исследованию проблемы общественной опасности, справедливо, как представляется, полагая, что именно эта проблематика является сущностной для онтологии науки уголовного права. «Общественная опасность деяния является исходным и определяющим критерием истинности преступления», — заявляет Д. В. Мирошниченко [1, с. 14]. Конечно, уголовно-правовая онтология несколько шире, нежели заявленная автором проблема, однако согласимся, что определение преступления (и преступности), субъекта преступного деяния, наказания, мер предупреждения преступления (и др.), если не вытекают из определения общественной опасности, то как минимум теснейшим образом связаны с ним.

Принципиально важно, с моей точки зрения, что Д. В. Мирошниченко подвергает философскому осмыслению сложные, не имеющие однозначного решения научные проблемы²: что

² Действительно, сложные научные проблемы не могут быть решены «внутри науки»: для этого требуется выход в «метанауку», т. е. на уровень философии.

считать общественной опасностью или как можно понимать общественную опасность, существует ли общественная опасность личности (или существует ли «личность преступника»), как изменяются представления о наказании и его справедливости, о мерах предупреждения преступности и некоторые другие. При этом в работе обнаруживаются очень серьезные философские (философско-правовые) рассуждения об этих (и не только) вопросах. Так, автором проведен подробный экскурс в историю права и учений о праве применительно к анализу того, как менялись представления о преступлении начиная с Античности и заканчивая эпохой постмодерна (или обществом риска). Особого упоминания в этой связи заслуживает разработка Д. В. Мирошниченко концепта *scandalum* как критерия, по которому как минимум со времен П. Абеляра определяется вред и реакция на него: именно тот поступок заслуживает уголовного наказания, который определяется как *scandal*, а тем самым воспринимается как критерий общественной опасности [1, с. 111].

Значительный интерес представляет анализ общественной опасности с позиций типов правопонимания, включая их «ответвления», — с точки зрения позитивизма, юснатурализма и социологии права, о чем идет речь в 1, 2 и 3 главах.

Наиболее важным в интересной и содержательной работе является исследование происходящей в новейшее время — с XIX по нач. XXI в. — трансформации представлений об общественной опасности. Эти изменения автор называет переходом от парадигмы ответственности к парадигме безопасности. Первая парадигма, основанная на классических представлениях об общественной опасности как об объективном явлении, характерна для XIX — сер. XX в. По ходу обсуждения реалистического подхода к общественной опасности

автор формулирует принципиально важную проблему — действительность общественной опасности сквозь призму соотношения личности и общества, являющуюся с философской точки зрения основной антиномией социального мира [1, с. 174–195]. При этом проводится различие между «действительностью первого порядка», представленной «включенностью индивидуального сознания в эмпирическую реальность», и «действительностью второго порядка», т. е. социальной действительностью как взаимодействиям, в которых «самоидентификация и самопрезентация субъекта происходят в отношениях с другими» и благодаря чему «социальные факты обретают не только личностное значение», но и «всеобщее значение как ценности, на которые ориентируются взаимодействующие субъекты» [1, с. 175]. Взаимодополнение одного и другого обеспечивает то, что с моей точки зрения уместно именовать диалогом индивидуального и социального: личностное представление об общественной опасности как общезначимости того, что некоторые деяния являются социально вредными, формируется на основе господствующих в данном социуме представлений. Действительность общественной опасности как ее реальность, что отмечает Д. В. Мирошниченко, проявляется через «чувство опасности... когда я осознаю, что мне может быть причинен ущерб», которое (чувство) основано на intersубъективном значении соответствующих ценностей [1, с. 195].

В связи с этим важным заключением автор заявляет свое несогласие с социальным конструктивизмом в том, как в нем представляют общественную опасность: «утверждение о том, что все социальное является конструктом, а значит, проблематизированными символами, приводит к нивелированию социальных значений» [1, с. 194]. Полагаю, что такое заявление слишком поспешно и

представляет социальный конструктивизм в несколько утрированном виде. Во-первых, социальный конструктивизм включает несколько направлений, как минимум умеренное и радикальное. Во-вторых, умеренный конструктивизм не отрицает существование социальных значений, но утверждает их сконструированность, например, «первичным произволом» (по терминологии П. Бурдьё, заимствованным у Б. Паскаля) и постоянную переконструированность практиками людей, носителей статуса субъектов (в нашем случае – субъектов права) [3, с. 55–84].

Для меня наибольший интерес представляет третий раздел монографии Д. В. Мирошниченко, озаглавленный как «Критика позитивизма и постмодернизма в уголовном праве», особенно глава 2, посвященная общественной опасности личности и социальному контролю в обществе риска¹, тем более что мне доводилось высказывать свои усиленные рассуждения по близкой теме [4]. В обществе риска, по мысли автора, формируется новая парадигма осмысления общественной безопасности – парадигма безопасности. Ее приход обусловило несколько факторов. Это и рост неопределенности в связи с принципиальной сложностью нашего мира, и самокритическое признание ограниченности человеческого знания, включая научное, и непредсказуемость последствий (особенно отдаленных и побочных) от принимаемых человеком решений, и многое другое. Ко всему прочему, на наших глазах изменяется система социального контроля. М. Фуко в конце XX в. описал эти изменения как переход дисциплинарного социума к контролю на основе биовласти как новой технологии управления жизнью

¹ Интересно, что в работе нет анализа постмодерна или постмодернизма, но речь идет именно об обществе риска.

людей, прежде всего через воздействие на умы населения. Одновременно в связи с так называемым лингвистическим поворотом реальным становится то, что воспринимается как реальное. Поэтому социальные представления, некоторые из которых структурированы как правовые фреймы и скрипты, наделяются регулятивной властью, в том числе, что считать общественной опасностью.

«Парадигма безопасности, – пишет Д. В. Мирошниченко, – вносит неопределенность в основу общества, страх перед угрозами, которые возникают по мере развития общественных отношений. <...> Опасность не гасится наказанием, она продолжает находиться в форме общественной тревоги на типизированном уровне явлений (насилия, терроризма, коррупции и пр.). На деянии опасность не заканчивается. Явление как было, так и остается. Угрозы от явлений намного превосходят угрозы от деяний в силу масштаба социального восприятия» [1, с. 320–321]. «Таким образом, – констатирует ученый, – в отличие от классической парадигмы ответственности в парадигме безопасности образуется символическое пространство угроз безопасности как возможностей утраты ценностей, которые воспринимаются через единичные факты и трансцендируют в социальном сознании до уровня общезначимой и действительной угрозы как реальный шанс, что она может реализоваться. Основу формирования угроз составляет общественно опасное поведение, для которого характерна типичная антиобщественная установка» [1, с. 322].

В связи с этими тенденциями происходит «трансформация подхода к контролю над преступностью, что проявляется в смещении акцента с ресоциализации и исправления преступника на предупреждение преступности с помощью различных технологий, по-

зволюющих предсказывать его будущее поведение (иными словами, вместо понимания и исправления преступника система предупреждения стремится минимизировать вред от его поведения)» [1, с. 132]. Осознание нового, изменившегося значения мер профилактики обуславливает переход к обсуждению перспектив формирования новой «отрасли» права — «предупреждения (или противодействия) общественно опасного поведения» [1, с. 330–333; 5]. Все это приводит к «расширению функций государства в сфере вмешательства в свободу граждан, когда их поведение идентифицируется с угрозой» и не всегда напрямую связано с совершением преступления (хотя бы потенциально). Так, после терактов 11 сентября 2001 г. в США и других странах была принята «парадигма предотвращения», которая «включает в себя использование предлогов для превентивного задержания, расширение уголовной ответственности за запрещенное поведение, предшествующее терроризму, расширение слежки внутри страны и за рубежом» [1, с. 330].

Новое господствующее (по крайней мере в западных странах) представление о том, как должно быть организовано обеспечение безопасности, «привносит в предупреждение эффект темпоральной асимметрии, когда меры безопасности должны приниматься не после, а до совершения преступления. В этом случае следует иметь дело с некоторым набором поступков, которые приводят к совершению преступлений или служат его необходимыми условиями, достаточными, чтобы оказывать на них профилактическое воздействие» [1, с. 343]. В результате формируется феномен «предпреступление», когда «криминализация происходит не потому, что нарушается чье-то право... а потому, что есть вероятность, шанс, что... кто-то может нарушить это право» [1, с. 344]. При

этом автор разделяет опасения, высказываемые «критическими юридическими исследованиями», что предсказания совершения преступления на основе предшествующего ему антиобщественного, но не противоправного поведения является «не более, чем политикой» и не подтверждается статистическими данными» [1, с. 348].

Так что же такое общественная опасность в представлении автора монографии? Это ценностное (оценочное), синтетическое суждение о наделении интерпретируемого деяния смыслом общественной опасности [1, с. 55]. Суть синтетического суждения об общественной опасности деяния, подчеркивает Д. В. Мирошниченко, состоит в том, что «общественная опасность как действительное основание преступления логически не выводится из нормы и не предстает как действительность, поскольку есть норма. Суждение об общественной опасности выходит за границы права в социокультурное смысловое измерение человеческого поведения» [1, с. 59]. Поэтому «никакими строгими объективными характеристиками правонарушения не обладают, чтобы признать в отношении одних — свойство преступных, а в отношении других — не преступных» [1, с. 30]. В то же время для Д. В. Мирошниченко общественная опасность суть «продуктивная фикция» как «нереальная сущность», «необходимая для поддержания intersубъективного пространства социальных взаимодействий, в частности для формирования представления об истинном праве и правопорядке. <...> Онтологизация фикций, т. е. принятие за реальные объекты нереальные, ведет к онтологии правонарушения» [1, с. 243, 246–247].

Во введении автор сформулировал весьма амбициозную задачу: «совместить парадигмы ответственности и безопасности при понимании того, что

возврата к прежним (классическим) идеалам уже не будет» [1, с. 12]. Удалось ли ее решить? Об этом пусть судит читатель. Но то, что перед нами оригинальное, отличающееся несомнен-

ной научной новизной исследование сложнейших и актуальнейших проблем философии уголовного права, — несомненно.

Список источников

1. Мирошниченко Д. В. Критика уголовно-правовой онтологии : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 400 с.
2. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Москва : Проспект, 2009. 400 с.
3. Честнов И. Л. Конструирование социальной и правовой реальности // Конструирование девиантности : монография / сост. Я. И. Гилинский. Санкт-Петербург : ДЕАН, 2011. С. 55 – 84.
4. Честнов И. Л. Безопасность в «обществе риска» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 65 – 71.
5. Шестаков Д. А. Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2019. 206 с.

Информация об авторе

И. Л. Честнов – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

I. L. Chestnov – Professor at the Department of theory and history of the state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ ПУБЛИКАЦИЙ, ПОРЯДОК ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Редакция Журнала принимает к рассмотрению статьи (материалы), отражающие научные взгляды, результаты и достижения фундаментальных и теоретико-прикладных исследований по наиболее перспективным и интересным направлениям юридических наук. Статьи (материалы), не соответствующие тематике Журнала, к рассмотрению не принимаются.

Статьи (материалы) должны носить открытый характер. Наличие ограничительного грифа служит основанием для отклонения статьи (материала) от открытой публикации.

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным (все статьи (материалы) проходят обязательную проверку в системе «Антиплагиат», при оригинальности текста менее 60 % статья (материал) к рассмотрению редакционной коллегией не принимается), не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях, содержащим очевидный элемент создания нового знания и (или) анализ проблем правоприменительной практики и пути их решения, свободным от неправомерного и некорректного заимствования, недобросовестного самоцитирования.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, чисел несет ответственность автор.

Статья (материал) представляется в редакцию Журнала в электронном виде (по электронной почте kriminalist_institut@mail.ru).

Текст должен быть набран на компьютере в редакторе Microsoft Word for Windows.

Рекомендованный объем публикации – от 0,4 до 0,6 учетно-издательского листа (16 000 – 24 000) знаков, включая название статьи, сведения об авторе (авторах), аннотацию, ключевые слова, список источников, пробелы между словами).

Статья должна быть представлена одним файлом.

В рукописи статьи также отражается следующая информация на русском и английском языках: аннотация; список ключевых слов; фамилия, имя, отчество (полностью), должность и место работы (службы), ученая степень и ученое звание автора, номер телефона, адрес электронной почты.

В статье указывается код универсальной десятичной классификации (УДК).

Рекомендуемый объем аннотации – 120–250 слов. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

К рукописи прилагается «Согласие на обработку персональных данных автора и на размещение полнотекстовой версии статьи впервые в открытом доступе в сети „Интернет“» по шаблону, приведенному на сайте <https://www.procuror.spb.ru/krim11.html>.

Обязательно наличие списка научных источников.

Доктора и кандидаты наук имеют право представлять в редакцию свои статьи (материалы) без рецензии.

Статьи аспирантов (соискателей, адъюнктов) должны представляться с рецензией научного руководителя.

Авторы, не имеющие ученой степени, прилагают к статье рецензию и (или) выписку из протокола заседания кафедры (подразделения) с рекомендацией к печати.

Статьи студентов (магистрантов) публикуются только в соавторстве с научными руководителями.

Рукопись научной статьи (материала), поступившая в редакцию Журнала, рассматривается ответственным секретарем на предмет комплектности пакета представленных документов и соответствия рукописи статьи (материала) требованиям редакции, профилю Журнала и правилам оформления. В случае несоблюдения условий публикации статья (материал) может быть отправлена автору на доработку.

Редакция журнала «Криминалистъ» осуществляет двойное слепое рецензирование всех поступивших статей (материалов). Копия рецензии направляется ответственным секретарем Журнала на электронный адрес автора.

Рецензенты и редакция Журнала не вступают в дискуссию с авторами статьи (материала) по поводу сделанных замечаний.

Статья (материал), направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в установленный редакционной коллегией срок. К переработанной статье (материалу) автору необходимо приложить письмо, содержащее ответы и пояснения в соответствии с замечаниями. Доработанная с учетом замечаний рецензента статья повторно направляется на рецензирование тому же или другому рецензенту, назначенному по усмотрению редакции. Датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения автором доработанной статьи.

Статьи (материалы), авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их, не допускаются к публикации.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей с сохранением научного содержания авторского варианта статьи (материала).

Авторский гонорар не выплачивается.

Редакция не возвращает и не хранит рукописи, не принятые к печати.